ВВЕДЕНСКИЙ

ЗАП. ДЕЙСТВИТ.
И
РУСС. ИДЕАЛЫ

ЗАПАДНАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

И

РУССКІЕ ИДЕАЛЫ.

[ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ].

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

„Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“.

Алексѣя Введенскаго,

доцента Московской Духовной Академіи.

2-я типографія
А. И. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.
1894.

ЗАПАДНАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

И

РУССКІЕ ИДЕАЛЫ.

[ПИСЬМА ИЗЪ-ЗА ГРАНИЦЫ].

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ХАРАКТЕРИСТИКИ:

„Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ“.

Алексѣя Введенскаго,

доцента Московской Духовной Академіи.



2-я типографія

А. И. Снегиревой въ Сергіевомъ Посадѣ Московск. губ.

1894.

2-я типографія А. И. Снегиревой, въ Сергіевомъ Посадѣ М. г.



Оттиски изъ №№ Богословскаго Вѣстника за 1893 г.

Печатать позволяется. Ректоръ Академіи Архимандритъ Антоній.

Предлагаемыя вниманію читателей „Письма“ были писаны нами, во время пребыванія за границею *), для одного изъ *періодическихъ* изданій (для „Богословскаго Вѣстника“) и поэтому связаны съ нѣкоторыми явленіями текущей жизни. Такъ какъ, однако, выборъ предметовъ опредѣлялся для насъ не случайными мотивами, но заранѣе поставленною задачею, –оцѣнить соціально-бытовую, умственную и религіозно-нравственную жизнь современнаго Запада съ точки зрѣнія русскихъ идеаловъ,—то, быть можетъ, „Письма“ будутъ представлять нѣкоторый интересъ и независимо отъ измѣнчивой злобы дня и настроеній минуты. Это соображеніе и послужило для насъ мотивомъ издать ихъ отдѣльною книгою.

Авторъ.

Ноябрь, 1893 г.

---

*) Въ 189$^1/_2$ уч. году съ научною цѣлію, — для изученія современнаго положенія философіи на Западѣ. См. объ этомъ нашу книгу: *Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи.*

ЗАПАДНАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ и РУССКІЕ ИДЕАЛЫ.

(Письма изъ-за границы).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Общее впечатлѣніе, произведенное нѣмцами.—Особенности нѣмецкаго характера.—Ихъ связь съ условіями страны.—„Культура“.—Берлинскій Университетъ.—Лицевая сторона Берлина и его изнанка.—Сердце Европы.—„Гніетъ-ли западъ“?—Перестановка этого вопроса.

Никакое описаніе не въ состояніи замѣнить непосредственнаго опыта. Много говорятъ у насъ о нѣмцахъ съ ихъ неутомимою дѣятельностію, съ ихъ аккуратностью до педантизма и опрятностью до щепетильности; но все это лишь въ очень неполной и отдаленной степени выражаетъ тотъ рельефный нѣмецкій типъ, который слагается изъ массы живыхъ впечатлѣній,—особенно если подвергаешься напору этихъ впечатлѣній впервые прямо въ центрѣ нѣмецкой жизни, въ Берлинѣ, гдѣ конечно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ фатерланда, выступаетъ своеобразный складъ нѣмца. Нѣмецъ виденъ во всемъ: и въ его тяжеловѣсной, туманной, вдумчивой рѣчи; и въ его серьезно-дѣловитой фигурѣ; и въ его всегда приличномъ костюмѣ, по которому часто не отличишь ремесленника, рабочаго отъ интеллигента; и въ присущемъ ему чувствѣ мѣры; и въ сознаніи собственнаго достоинства, проникающемъ каждаго безъ исключенія — отъ сановника до послѣдняго шутцмана (городоваго) и фурмана (извощика), который съ неизбѣжною газетою въ рукахъ и сигарою въ зубахъ комически-важно сидитъ на козлахъ своего исполинскаго экипажа, повидимому весьма мало печалясь о томъ, подвернется ему сѣдокъ, или нѣтъ. Словомъ, повсюду какая-то степенность, вѣра въ себя, въ свои силы,

въ свое достоинство, которое уполномочиваетъ нѣмца на совершенное невниманіе ко всему чужому,—невниманіе до того поразительное, что несовсѣмъ необразованный нѣмецъ можетъ, наприм., иногда спросить, не есть-ли Упсала главный городъ Россіи (sic!)...

Извѣстно, что народный характеръ стоитъ въ постоянномъ соотношеніи съ физико-географическими и климатическими условіями занимаемой имъ страны. Не входя въ разбирательство сложнаго вопроса о томъ, почему это такъ,—потому-ли, что внѣшняя природа пересоздаетъ природу человѣка или потому, что человѣкъ, народъ, уже заранѣе обладающій извѣстными психо-физическими свойствами, ищетъ соотвѣтствующихъ условій жизни,—ограничимся простымъ напоминаніемъ о вышеуказанномъ обобщеніи, которое, какъ намъ кажется, можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя особенности нѣмецкаго характера. Нѣмцы занимаютъ сравнительно небольшую территорію, испытываютъ постоянный недостатокъ въ естественныхъ продуктахъ, и вотъ они напрягаютъ всѣ свои силы, испытываютъ всевозможные способы, изощряютъ свой умъ и свою изобрѣтательность, чтобы искусствомъ пополнить то, чего не даетъ природа. Съ величайшею тщательностію они воздѣлываютъ каждый клочекъ земли, утилизируютъ каждую рабочую силу, употребляютъ въ дѣло каждый, повидимому, никуда негодный предметъ, всякій продуктъ природы, и изъ ничего всегда умѣютъ какъ-то сдѣлать нѣчто. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецъ возитъ свои тяжести на собакахъ (даже въ самомъ Берлинѣ); въ его обѣденномъ меню сплошь и рядомъ можно встрѣтить такія приправы, такіе продукты, которые у насъ въ Россіи обыкновенно отбрасываютъ; онъ въ состояніи жить цѣлой семьей чуть не на одномъ аршинѣ земли; ходитъ лѣто и зиму въ одномъ и томъ-же платьѣ и это не потому, чтобы въ Берлинѣ было уже совсѣмъ тепло,—конечно, здѣсь климатъ мягче, но бываютъ и холода, во время которыхъ русскій непремѣнно нарядился-бы въ шубу,—а просто потому, что онъ нѣмецъ, что онъ привыкъ бороться съ природою, не пріучилъ себя къ излишнему теплу, покою и нѣгѣ: сдѣлается холоднѣе, онъ пойдетъ быстрѣе и согрѣется. И вотъ онъ вѣчно бодръ и энергиченъ! Стóитъ прислушаться къ нѣмецкой походкѣ: право въ ней много типичнаго.

Само собою понятно, что развивая свои силы въ теченіе долгаго времени, изощряя мало по малу свою изобрѣтательность, накопляя запасы опытовъ, нѣмцы достигли въ культурномъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Они умѣстили жизнь въ строго опредѣленныя формы; урегулировали взаимныя отношенія до мельчайшихъ подробностей; сдѣлали все возможное для огражденія правъ личности и собственности, общественнаго спокойствія и тишины (въ Берлинѣ, напр., назначенъ опредѣленный часъ, послѣ котораго всѣ дома обязательно должны быть заперты—10 ч. вечера) и т. д. Конечно, не всѣмъ и не всѣ эти формы и правила могутъ прійтись по вкусу: ко многимъ изъ нихъ нужно долго привыкать, а къ инымъ можно и совсѣмъ не привыкнуть (особенно стѣснительны, напр., правила найма квартиры: при помѣсячной платѣ, въ случаѣ намѣренія оставить квартиру, нужно заявить объ этомъ *непремѣнно* 15-го и *непремѣнно* до 12 ч. дня, а при годовой — за полгода и также непремѣнно ровно за полгода и до 12 ч. дня; бывали случаи, что нѣмецкія подлежащія власти признавали недѣйствительнымъ заявленіе, сдѣланное *ранѣе 15-го:* для заявленій,—такъ мотивировали они свое толкованіе,—назначенъ *только* одинъ день — ни прежде, ни послѣ!). Но, не смотря на все это, нельзя не сознаться, что въ общемъ нѣмецкая жизнь отлилась въ формы, при данныхъ условіяхъ (т. е. при сравнительной территоріальной тѣснотѣ и скудости естественныхъ продуктовъ), довольно удобныя, приличныя, сглаживающія всѣ шероховатости, затушевывающія всѣ темныя пятна, закрывающія обратную сторону медали,—словомъ въ формы „культурныя", если подъ эластичнымъ словомъ „культура" разумѣть, какъ обыкновенно и разумѣютъ, совокупность идей (научныхъ, художественныхъ, нравственно-практическихъ: понятія должнаго-недолжнаго, приличнаго-неприличнаго, благороднаго-неблагороднаго и т. д.), отношеній (юридическихъ, соціальныхъ и экономическихъ, изъ которыхъ выростаетъ вся система общественныхъ учрежденій) и навыковъ (обычаи и приличія, техническіе пріемы, куда можно отнести такъ-же и всѣ формы такъ называемой матеріальной культуры — устройство жилищъ, платье и т. д.).

Изъ всѣхъ элементовъ культуры самый значительный,

безъ сомнѣнія, первый, — область идей, которыя находятъ свою систематизацію и формулировку въ наукѣ. Отношеніе къ наукѣ справедливо считается важнѣйшимъ показателемъ роста народнаго самосознанія, конечно, если это послѣднее не поражено коренною двойственностію, разрывомъ, задерживающимъ притокъ къ наукѣ самобытныхъ и почвенныхъ силъ, а съ другой стороны, препятствующимъ проникновенію научныхъ идей въ жизнь и воздѣйствію на нее. О нѣмцахъ этого сказать нельзя. Можетъ быть, ни у какого другаго народа наука не стоитъ въ такой тѣсной, непосредственной связи съ жизнію, какъ именно у нѣмцевъ. Она питается здѣсь лучшими народными соками, конечно всасывая въ себя и всѣ особенности національнаго характера (гдѣ имъ остается мѣсто), и съ другой стороны, ея идеи, въ такой или иной формѣ, такъ или иначе, иногда можетъ быть въ измѣненномъ и даже искаженномъ видѣ проникаютъ и въ жизнь. Это послѣднее обстоятельство имѣетъ и свои дурныя стороны (о чемъ рѣчь ниже); но есть въ немъ и сторона хорошая—уваженіе къ наукѣ. У нѣмцевъ, какъ и повсюду, много людей еще совсѣмъ неграмотныхъ, погруженныхъ всецѣло въ прозу одностороннихъ коммерческихъ, промышленныхъ и т. п. интересовъ; но даже и они съ какимъ-то мистическимъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ говорятъ о наукѣ: „умные люди гдѣ-то тамъ дѣлаютъ что-то такое необычайно важное, чего мы, простецы, не понимаемъ, но что такъ или иначе полезно и для насъ"—вотъ разсужденіе, обычное для полуобразованнаго и даже совсѣмъ необразованнаго нѣмца!

Конкретнымъ воплощеніемъ нѣмецкой науки служатъ нѣмецкіе университеты и прежде всего Берлинскій университетъ, — грандіозное и замѣчательное явленіе! Англичане много трудились и трудятся надъ изобрѣтеніемъ такъ называемой „логической машины". Конечно это нелѣпая затѣя, которая никогда не осуществится, такъ какъ нельзя-же въ самомъ дѣлѣ разсматривать нашъ разсудокъ, стоящій въ реальной и постоянной связи съ живыми и свободными движеніями нашей воли нашего чувства, нашихъ идеаловъ, какъ какой-то механизмъ. Но если взять этотъ терминъ въ переносномъ смыслѣ, то, какъ кажется, онъ будетъ весьма пригоденъ для обозначенія берлинскаго университета. Вотъ

поистинѣ колоссальная „логическая машина“, которая переработала и постоянно переработываетъ съ неутомимостію механизма массу самаго разнообразнаго логическаго матеріала! Многочисленныя (до 70) аудиторіи громаднаго университетскаго зданія въ Берлинѣ съ ранняго утра до поздняго вечера (съ 8 до 8 ч.) переполняются слушателями, которые съ истиннымъ увлеченіемъ неофитовъ, кажется, боятся проронить хотя-бы одно слово изъ сообщаемой имъ мудрости. И при томъ въ рядахъ слушателей, особенно при такъ называемыхъ *publica* *), на которыя допускаются всѣ желающіе, нерѣдкость встрѣтить человѣка, убѣленнаго сѣдинами. Трогательно бываетъ видѣть, какъ эти почтенные старцы, въ ожиданіи профессора, ведутъ оживленные дебаты о философіи Шопенгауера, о теоріи Дарвина, а иногда и о другихъ, болѣе сухихъ и далекихъ отъ жизни предметахъ. Такое явленіе, кажется можно наблюдать только въ Германіи. Вслѣдствіе такого отношенія къ наукѣ и университету, не только Herr Professor, Herr Doctor, но даже просто Herr Student является въ Германіи весьма почтеннымъ именемъ, которое обезпечиваетъ его обладателю значительную долю вниманія.

Какъ извѣстно, уваженіе къ нѣмецкимъ университетамъ съ нѣмцами раздѣляютъ и интеллигентные представители другихъ странъ. Просматривая хронику Берлинскаго университета за послѣдніе годы, мы находимъ въ ней весьма интересныя числовыя данныя. Мы узнаемъ отсюда, что въ числѣ его слушателей есть представители не только всѣхъ европейскихъ государствъ, но всѣхъ странъ свѣта—до Ав-

---

*) Кстати объ этихъ publica. Когда то они были въ обычаѣ у насъ въ Россіи—въ университетахъ и академіяхъ. Къ знаменитому Иннокентію Херсонскому, на его чтеніе de novissimis, съѣзжался, говорятъ, весь интеллигентный Кіевъ. Теперь, насколько намъ извѣстно, публичныхъ чтеній нигдѣ нѣтъ. Объ этомъ нельзя не пожалѣть,—особенно относительно академій: эти чтенія могли-бы быть хорошимъ проводникомъ богословскихъ идей въ интеллигентную среду (о чемъ теперь особенно прилагается такъ много справедливыхъ заботъ), и съ другой стороны,—могли-бы содѣйствовать оживленію самой богословской науки, невольно заставляя ея представителей справляться съ запросами жизни.—Въ Германіи для publica всегда назначаются небольшіе (1 часъ въ недѣлю), но интересные курсы: конечно, вполнѣ цѣлесообразно!

страліи включительно. Такъ въ составъ слушателей лѣтняго семестра 1889 г., общее число которыхъ простиралось до 4716 чел., входило 420 чел. иностранцевъ: 276 европейцевъ (въ томъ числѣ 105 чел. русскихъ), 110 американцевъ, 31 азіатъ и 3 австралійца. Въ числѣ 5687 слушателей зимняго семестра $18^{89}/_{90}$ уч. года значится 353 европ. (изъ нихъ 112 русскихъ), 177 американцевъ, 22 азіата, 2 африканца и 3 австралійца. И при томъ присутствіе африканцевъ и австралійцевъ, не говоря уже объ азіатахъ и американцахъ, въ общемъ числѣ слушателей Берлинскаго университета не есть исключительное явленіе указанныхъ семестровъ: тоже самое съ періодическою правильностію повторяется и въ другіе учебные годы, такъ что Берлинскій университетъ является универсальнымъ не только по числу разрабатываемыхъ и преподаваемыхъ въ немъ наукъ, исчерпывающихъ весь объемъ, всю сферу человѣческаго знанія, но и по составу своихъ слушателей, стекающихся въ подлинномъ и собственномъ смыслѣ со всѣхъ концовъ вселенной. И замѣчательно, что вся эта многотысячная, разноплеменная, разновозрастная и разнохарактерная толпа покорно, пунктуально-точно и до мельчайшихъ подробностей выполняетъ предписанія университетскихъ статутовъ: каждый занимаетъ, какъ школьникъ, указанное ему профессоромъ, занумерованное мѣсто; никто не позволяетъ себѣ ни шумныхъ порицаній, ни шумныхъ одобреній; пропускаются лекціи очень рѣдко—лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Это послѣднее обстоятельство отчасти, можетъ быть, объясняется и тѣмъ, что въ Германіи за лекціи платятъ и иногда довольно много (обыкновенная плата 5 марокъ въ семестръ за одинъ недѣльный часъ) и никто, конечно, не хочетъ платить даромъ. Но это объясненіе не исключаетъ и другаго, болѣе глубокаго и болѣе благороднаго мотива: нѣмцы хотятъ учиться и вѣрятъ въ своихъ учителей, хотя иногда нельзя не спросить, на чемъ въ концѣ концовъ держится эта вѣра, — въ Берлинѣ, какъ и повсюду, между даровитыми и знающими профессорами есть и посредственности, которыхъ, однако-же, слушаютъ почти такъ-же усердно. Все это указываетъ, до чего прочно держится у нѣмцевъ разъ выработанная форма, порядокъ жизни. И конечно, эта привычка къ порядку, къ дисциплинѣ, имѣетъ и свои хо-

рошія стороны,—сообщаетъ человѣку особенную выправку, вноситъ въ его частную жизнь подобный же порядокъ и стройность. Со стороны же такъ сказать объективной, въ примѣненіи къ самому университету, указанное отношеніе къ профессорскимъ чтеніямъ показываетъ, насколько высоко стоитъ университетъ и его представители въ сознаніи массы.

Если мы примемъ теперь во вниманіе, что и къ другимъ сторонамъ жизни, къ другимъ культурнымъ задачамъ нѣмецъ относится съ подобнымъ-же вниманіемъ, съ подобною же серьезностію, съ подобнымъ-же рвеніемъ; то легко поймемъ, почему нѣмецкая жизнь отлилась въ такія выработанныя формы и почему нѣмцы имѣютъ такое высокое представленіе о своемъ фатерландѣ, какъ „передовой культурной націи". И можно себѣ вообразить, какое, такъ сказать, озадачивающее впечатлѣніе производитъ вся эта „культура" на свѣжаго человѣка, когда послѣ длиннаго, утомительнаго пути онъ попадаетъ прямо въ центръ Берлина, гдѣ его со всѣхъ сторонъ тѣснятъ и давятъ колоссальныя сѣрыя громады домовъ; гдѣ разлито цѣлое море электрическаго свѣта; гдѣ на него смотрятъ исполинскія зеркальныя окна съ разнообразнѣйшими и баснословно дешевыми предметами необходимости и роскоши; гдѣ по гладкимъ и чистымъ, какъ полъ, улицамъ неслышно скользятъ экипажи; гдѣ всѣ такъ опрятны, приличны и, повидимому, довольны; гдѣ такъ много разныхъ „кунсткамеръ" съ ихъ рѣдкимъ и цѣннымъ содержаніемъ; гдѣ чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются книжные магазины, самымъ обиліемъ своимъ краснорѣчиво заявляющіе, насколько велика у нѣмцевъ жажда чтенія; гдѣ, наконецъ, этотъ подлинно универсальный университетъ! И естественно, что, подъ напоромъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, не у одного русскаго путешественника могъ возникнуть вопросъ: не есть-ли все это,—все, что теперь предстало его взору, весь этотъ строй жизни,—не есть-ли онъ воплощеніе идеальнаго строя? не есть-ли западная культура начало осуществленія идеаловъ человѣческаго общежитія? Вопросъ, повторяемъ, естественный, но... извѣстно, что не все то золото, что блеститъ: встрѣчаютъ и націю, какъ и отдѣльнаго человѣка, конечно, по одеждѣ, но провожаютъ—по уму, по характеру, по духовному складу, и еще вопросъ, находится-ли этотъ по-

слѣдній въ точномъ соотвѣтствіи съ первою. Во всякомъ случаѣ, обаяніе перваго впечатлѣнія должно значительно ослабѣть, если къ нему отнестись спокойнѣе и объективно оцѣнить всѣ pro и contra...

Благодушный нѣмецъ, за кружкою добраго пива, самодовольно повторяетъ слова какого-то своего поэта: ja Herz Europens sollst du, o Deutschland, sein! Нѣмецъ сошлется при этомъ на блескъ своей культуры, свѣтъ которой будтобы распространяется во всѣ концы, все согрѣваетъ и все оживляетъ. Но если присмотрѣться къ этой культурѣ поближе, то, даже и не обладая особенною проницательностью, легко замѣтить, что она далеко не осчастливила людей, что изъ-подъ ея позолоченнаго покрова сплошь и рядомъ пробиваются обычные бичи человѣчества нищета, грязь и порокъ: центръ Берлина чистъ и опрятенъ; его немногіе нищіе отмѣнно благородны *); но за то на его окраинахъ кишитъ пролетаріатъ. Рабочій вопросъ волнуетъ прессу и общество и порой принимаетъ порывистую, безпокойную форму. Нѣмецкая „культурно научная" пресса не возвысилась до объективности—подтягиваетъ, подтасовываетъ, искажаетъ, глумится, особенно когда рѣчь заходитъ о политическихъ врагахъ, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ теперь, какъ извѣстно, стоятъ у нихъ русскіе (возмутительны и глубоко оскорбительны для русскаго сердца, напр., ея злорадныя подчеркиванія русскаго *Nothstand*'а!). Религіозная жизнь отступила на послѣдній планъ,—да при томъ она и дѣйствительно у нѣмцевъ слишкомъ блѣдна, безсодержательна, формальна... И вотъ лучшіе люди запада, извѣрившись въ положительныя начала жизни, проповѣдуютъ философію отчаянія!

Именно эта бѣдственная картина умственнаго и нравственнаго нестроенія, просвѣчивающая тамъ и сямъ чрезъ благовидную культурную оболочку протестантскаго запада, дала основаніе нашимъ первымъ славянофиламъ сказать,

---

*) Нищій *главныхъ улицъ* Берлина въ большинствѣ случаевъ *дѣйствительно* человѣкъ убогій, показывается обыкновенно только въ праздникъ или наканунѣ праздника, и выпрашиваетъ подаяніе не назойливымъ приставаніемъ къ прохожимъ, а совершенно независимымъ, какъ будто нисколько не унижающимъ его достоинства, поигрываніемъ на шарманкѣ, гармоникѣ и т. д., или-же—продажею восковыхъ спицъ, цвѣтовъ и пр.

что, не смотря на всю свою блестящую внѣшность, „западъ гніетъ". Это было, конечно, жесткое и грубое слово, неосторожно сказанное въ жару борьбы и спора изъ-за русской самобытности: специфическихъ признаковъ гніенія не замѣтно и, можетъ быть, никто столько не сдѣлалъ для предотвращенія столь возможнаго при данныхъ условіяхъ разложенія основъ жизни, какъ именно нѣмцы, у которыхъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія,—не смотря на расшатанность религіознаго начала, не смотря на растлѣвающее вліяніе разнообразныхъ одностороннихъ доктринъ, не смотря на стѣсненныя экономическія условія быта,—не смотря на все это жизнь общественная и частная все-таки на чемъ-то держится. И вотъ почему одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей позднѣйшей фазы въ развитіи славянофильства, авторъ замѣчательнаго, но къ сожалѣнію до самаго послѣдняго времени мало замѣченнаго и оцѣненнаго труда „Россія и Европа", Н. Я. Данилевскій, переставилъ вышеуказанный вопросъ, поставилъ его въ болѣе скромной и отвѣчающей существу дѣла формѣ, и именно въ такой: въ какомъ періодѣ своего развитія находятся европейскія общества,—продолжаютъ-ли они идти впередъ и въ гору, достигли-ли уже высшей точки, или уже склоняются къ западу своей жизни? Рядомъ остроумныхъ историческихъ и естественнонаучныхъ аналогій онъ приходитъ къ заключенію, что, хотя и нельзя сказать, какъ говорили славянофилы прежняго времени, будто западъ гніетъ, однако можно съ положительностію утверждать, что европейская жизнь уже склоняется къ западу, что самое обиліе результатовъ европейской цивилизаціи въ нашемъ столѣтіи есть признакъ того, что та творческая сила, которая ихъ производитъ, уже начала упадать, начала спускаться по пути своего теченія; что „то солнце, которое возращало плоды европейской цивилизаціи и культуры, уже прошло меридіанъ и склоняется къ западу"...

Мы не находимъ удобнымъ вступать, вмѣстѣ съ почтеннымъ авторомъ „Россіи и Европы", въ сомнительную область гаданій о томъ, много или мало остается еще жить культурному западу, тѣмъ болѣе что comparaison n'est pas raison. Да для насъ это и не нужно и даже не особенно важно, такъ какъ для того, чтобы знать, какъ относиться

къ западу, не необходимо справляться, много-ли еще ему остается существовать. Отсылая, поэтому любознательнаго читателя для ознакомленія съ оригинальными сужденіями Н. Я. Данилевскаго къ его упомянутой книгѣ, попытаемся съ своей стороны еще разъ переставить занимающій насъ вопросъ.

Чтобы трезво относиться къ обаянію западной культурной жизни необходимо, намъ кажется, уяснить себѣ, можетъ-ли западная дѣйствительность, отлившаяся въ формы устойчивыя, опредѣленныя, которыхъ судя по всѣмъ историческимъ аналогіямъ она уже не перемѣнитъ,—можетъ-ли она быть признана идеальнымъ строемъ жизни? Достаточно-ли широкъ, всеобъемлющъ, универсаленъ заложенный въ основу ея принципъ? Необходимо-ли, какъ то думали и думаютъ нѣкоторые, усвоить именно западный образъ мыслей, проникнуться европейскими чувствами, преобразоваться по образу и подобію *европейца*, чтобы стать *человѣкомъ?* Въ частности, относительно насъ, русскихъ—соотвѣтствуетъ-ли типъ европейца идеалу человѣка, какъ этотъ идеалъ отобразился и выяснился въ нашемъ народномъ сознаніи? Удовлетворяетъ-ли западная дѣйствительность тѣмъ чаяніямъ, идеальнымъ стремленіямъ и завѣтнымъ мечтамъ, которыми живетъ и дышетъ человѣкъ русскій? Словомъ, *наши русскіе идеалы и западная дѣйствительность въ одномъ-ли лежатъ направленіи?*

Конечно, было-бы въ высшей степени несправедливо осуждать все западное, всю европейскую культуру разомъ. Можетъ быть, западъ и дѣйствительно „гніетъ“, можетъ быть даже онъ представляетъ уже сплошное кладбище, но это, выражаясь словами одного изъ героевъ послѣдняго романа покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго,—„дорогое кладбище, дорогіе покойники, надъ которыми каждый камень гласитъ о горячей минувшей жизни, о страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу, въ свою науку“. Съ титаническимъ размахомъ силы, съ прометеевскою гордою вѣрою въ себя, лучшіе, наиболѣе богато одаренные отъ природы люди запада упорно стремились зажечь на землѣ небесный огонь *полной* истины, *полнаго* довольства, *полнаго* счастія. Они исходили съ этою мечтою много путей; изведали много способовъ въ поискахъ за

этимъ благомъ. Порой блуждающіе огоньки обманчивыхъ призраковъ заводили ихъ далеко съ прямаго пути въ непроглядную тьму; но порой невѣдомое искомое открывалось ихъ настойчиво ищущему духу, хотя-бы лишь въ формѣ смутнаго чаянія. Во всемъ этомъ есть много поучительнаго и не только въ отрицательномъ смыслѣ, не потому только, что благодаря ихъ опытамъ намъ извѣстны стали ложные пути, на которые уже не слѣдуетъ больше вступать,—но и въ положительномъ: они вынесли къ свѣту знанія много сокровищъ, таящихся въ нашей природѣ, которую они такъ настойчиво пытались извѣдать и исчерпать; дали много техническихъ средствъ для улучшенія горькой земной участи человѣка, для борьбы ея съ физическимъ зломъ; обогатили сокровищницу обще-человѣческой науки и искусства многими цѣнными созданіями. Не видѣть въ этомъ никакой заслуги, закрывать глаза на все это было-бы не только не справедливо, но просто не разсчетливо, не экономично: такъ какъ тогда пришлось-бы, съ непроизводительною затратою труда, времени и силъ, снова доискиваться того, что уже давно найдено.

Все это такъ. Но при всемъ томъ, въ этихъ прометеевскихъ замыслахъ все-же есть одна роковая ошибка, которая состоитъ именно въ томъ, что они — замыслы прометеевскіе, гордые, самонадѣянные; что тѣ люди, которые живутъ и жили, которые стремились и стремятся къ ихъ осуществленію, забыли или были недостаточно внимательны къ тому, что ихъ искомое вовсе не есть неизвѣстное; что оно не только извѣстно, но даже реально; что искомый ими небесный огонь вразумляющей истины и исцѣляющаго отъ всѣхъ земныхъ недуговъ блага уже давно затепленъ на немъ Рукою болѣе сильною, чѣмъ человѣческая, и горитъ свѣтло и ярко, распространяя около себя дѣйствительную теплоту и жизнь, а не обманчивое сіяніе, которымъ сіяетъ гордая культура запада, — горитъ и свѣтитъ въ странахъ, которыя еще далеко не могутъ похвалиться своею культурою, но которыя за то имѣютъ свыше, какъ даръ милости, то, чего не можетъ дать никакая культура...

Въ дальнѣйшихъ своихъ письмахъ мы попытаемся развить эту, пока лишь въ общихъ чертахъ намѣченную нами, мысль,—попытаемся ближе, по возможности непосредственно

по указаніямъ самой живой дѣйствительности характеризовать въ религіозномъ, умственномъ и нравственно-соціальномъ отношеніяхъ жизнь запада, сначала протестанскаго, а потомъ и католическаго. Такимъ образомъ мы подготовимъ себѣ почву для рѣшенія постановленнаго нами вопроса о томъ, насколько *западная дѣйствительность отвѣчаетъ русскимъ идеаламъ.* — Ближайшее письмо будетъ посвящено важнѣйшему фактору жизни, — началу религіозному.

Берлинъ.
31 (19) Декабря, 1891 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Протестантизмъ и свобода.—Слѣдствія и выводы изъ распоряженія одной евангелической консисторіи относительно цвѣта платьевъ для конфирмантокъ.—Преслѣдованіе католическаго патера за „свое сужденіе" о протестантизмѣ.—Проектъ принудительнаго конфессіональнаго обученія закону Божію въ народной школѣ.—Въ какомъ смыслѣ можно говорить о свободѣ протестанта? — Характеристика протестантскаго богослуженія. — Теологи и пасторы. — Проекты „религіозной реформы". — Борьба двухъ міросозерцаній. — „Новые гунны". — Трагическое положеніе поборниковъ „христіанскаго идеализма". — Въ чемъ сущность протестантизма? — P. S. Чествованіе университетомъ дня рожденія Германскаго Императора.

Одинъ изъ профессоровъ Берлинскаго университета, выясняя различіе между протестантизмомъ и католичествомъ, свелъ всѣ свои разсужденія въ концѣ концовъ къ слѣдующему: въ католичествѣ есть клиръ, который живетъ и мыслитъ за другихъ; въ протестанствѣ, строго говоря, нѣтъ клира и поэтому каждый предоставленъ самъ себѣ, самъ за себя долженъ думать и на свой страхъ въ каждомъ данномъ случаѣ дѣйствовать: католиковъ *спасаютъ* (представители клира), протестанты *спасаются;* тамъ авторитетъ, съ одной стороны, и духовное рабство, съ другой, здѣсь— полнѣйшая автономія и духовная свобода, она-же и высшее благо, которымъ, слѣдовательно, пользуются одни протестанты. Этимъ не сказано, конечно, ничего новаго. Таково и обычное представленіе о протестантизмѣ. И однако это, столь широко распространенное представленіе, которое повторяется всѣми отъ полуобразованнаго до профессора, есть *предразсудокъ,* который далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Если справедливо, что различіе между протестантизмомъ и

католичествомъ въ сущности сводится именно къ тому, на что указано упомянутымъ профессоромъ, то придется сознаться, что граница между этими исповѣданіями весьма подвижна и условна. Не заходя въ глубину отдаленнаго прошлаго и не входя въ общія разсужденія, укажемъ нѣсколько фактовъ изъ современной жизни, которыхъ, какъ намъ кажется, будетъ совершенно достаточно для иллюстраціи и обоснованія только что высказанной нами мысли.

У Берлинцевъ еще не изгладилась изъ памяти сенсаціонная исторія, которая въ свое время надѣлала много шуму. Именно, въ позапрошломъ году Берлинская евангелическая консисторія издала одно странное распоряженіе, касавшееся... *цвѣта платьевъ*, въ которыхъ молодыя протестантки должны приступать къ чину конфирмаціи: впредь, — постановила консисторія, — въ подобныхъ случаяхъ допускается только черный цвѣтъ. Неизвѣстно, какими именно соображеніями руководствовалась консисторія, издавая такое распоряженіе. Догадывались послѣ, что и это распоряженіе идетъ изъ того-же самаго источника, изъ котораго уже вышло много подобныхъ-же распоряженій,—изъ стремленія даже въ мелочахъ провести различіе между протестантами и католиками (у которыхъ, какъ извѣстно, въ подобныхъ случаяхъ принято употреблять *бѣлый* цвѣтъ). Но оффиціально консисторія мотивировала свое распоряженіе соображеніями совсѣмъ иного порядка, — именно соображеніями экономическими: „черный цвѣтъ-де практичнѣе, такъ какъ черныя платья можно и послѣ носить“. Насъ нисколько, конечно, не удивляетъ, что консисторія исповѣданія, которое ставитъ себѣ въ заслугу именно свою близость къ землѣ и ея *живымъ интересамъ(!)*, такъ близко входитъ въ хозяйственныя соображенія управляемыхъ ею общинъ; но удивляетъ ея недальновидность, близорукость и поразительное незнакомство именно съ тѣми самыми хозяйственными интересами, на защиту которыхъ она выступила. Въ самомъ дѣлѣ, сторона прямо заинтересованная, т. е. матери конфирмантокъ нашли, что это предписаніе именно въ чисто хозяйственномъ отношеніи совсѣмъ непрактично, такъ какъ-де прежде для конфирмантокъ обыкновенно передѣлывались подвѣнечныя платья ихъ матерей, а теперь необходимо дѣлать новыя. И вотъ, въ силу этихъ экономическихъ затрудненій,

въ одномъ изъ Берлинскихъ приходовъ нѣсколько дѣвушекъ менѣе состоятельныхъ родителей, слѣдуя прежнему обыкновенію и вопреки новому предписанію консисторіи, явились въ церковь (Kreuzkirche) въ бѣлыхъ платьяхъ и... не были допущены къ конфирмаціи. Въ слезахъ онѣ возвращаются домой; родители огорчены и поставлены въ безвыходное положеніе; въ приходѣ поднимается волненіе, которое охватываетъ и сосѣднія общины; въ газетахъ появляются памфлеты на темы въ родѣ такой напримѣръ: für Milch von einer katholischen Kuh haben wir keine Verwendung (D. kleine Journal, 1890, 27 Sept., — см. статью подъ заглавіемъ: Katholische und Evangelische Kleider)... А результатъ всего этого очень печаленъ: 200 чел. оффиціально выступили изъ Евангельской церкви, *не переходя ни въ какую другую*, т. е. образовавъ автокефальную общину.

Можно пожалуй сказать, что это мелочь. Но, во-первыхъ, какъ видимъ, эта „мелочь" имѣла довольно крупныя послѣдствія; во-вторыхъ, въ данномъ случаѣ именно то особенно и важно, что въ такой „мелочи" было обнаружено такое энергичное ограниченіе свободы: если даже въ мелочахъ протестантизмъ такъ мало наклоненъ оставлять людямъ свободу, то чего-же должны мы ожидать въ дѣлахъ болѣе важныхъ? А вотъ и отвѣтъ на этотъ вопросъ, — опять таки въ формѣ факта изъ совсѣмъ недавняго прошлаго. По поводу пресловутаго процесса супруговъ Гейнце, о которомъ и въ русскихъ газетахъ было достаточно говорено, редакторъ и издатель ежемѣсячнаго католическаго журнала Revue Catholique d'Alsace, патеръ Дельсоръ, помѣстилъ горячую статью, въ которой мрачными, но правдивыми чертами характеризовалъ жизнь берлинскаго полусвѣта, рѣзко отозвался „о деморализаціи германской столицы", корни которой онъ видѣлъ въ односторонностяхъ протестантизма, и между прочимъ выразился такъ: „гдѣ (какъ въ Берлинѣ и вообще въ протестантскихъ странахъ и городахъ) царитъ всеотрицающая холодная разсудочность, тамъ мѣсто и животной грубости". Кто не скажетъ подобнаго-же, если поближе познакомится съ благовиднымъ по внѣшности, отлощеннымъ и отполированнымъ, но исполненнымъ всякихъ нравственныхъ мерзостей и нечистотъ, Берлиномъ? Подобную характеристику услыхать вовсе не рѣд-

кость; иногда можно ее встрѣтить и въ какомъ нибудь откровенномъ органѣ нѣмецко-протестантской прессы; а еще чаще—въ многочисленныхъ брошюрахъ и книгахъ, посвященныхъ описанію берлинской жизни. И однако бѣдный пасторъ Дельсоръ жестоко поплатился за свою прямоту: онъ былъ подвергнутъ суду (въ Мюльгаузенѣ) и приговоренъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію, уплатѣ судебныхъ издержекъ и уничтоженію указаннаго мѣста въ журналѣ (!). Все это очень характерно для страны, которая свободу мысли и слова возвела чуть не въ первый членъ своего культурно-религіознаго исповѣданія и которая такъ часто и такъ любезно разсылаетъ по адресу другихъ странъ тяжеловѣсныя клички въ родѣ „barbarisches Reich"...

Отъ этихъ двухъ крайнихъ фактовъ, полукомическаго и полутрагическаго, перейдемъ къ третьему, среднему, который, будучи одинаково далекъ и отъ комизма и отъ трагизма, именно вслѣдствіе этого самаго, какъ всякая золотая середина, наиболѣе способенъ быть заключительною историческою справкою по занимающему насъ вопросу,— къ факту изъ области учебно воспитательной. Есть въ Берлинѣ аристократическій женскій институтъ, въ которомъ обыкновенно обучаются наши восточныя единовѣрки (румынки и т. д.), — Kaiserin-Augusta-Stiftung. По просьбѣ этихъ единовѣрокъ представитель нашей православной русской церкви въ Берлинѣ, протоіерей А. П. Мальцевъ, какъ сообщали въ свое время „Московск. Вѣдом." (отъ 13 янв. 1889 г.), дважды предлагалъ кураторіуму этого заведенія *безплатно и въ часы, которые будутъ указаны начальствомъ заведенія* преподавать его православнымъ воспитанницамъ уроки закона Божія и оба раза получилъ, подъ различными благовидными предлогами, отказъ, — къ великому своему и воспитанницъ огорченію. Намъ удалось здѣсь узнать, что вопросъ этотъ въ настоящее время улаженъ: кураторіумъ заведенія, встревоженный огласкою его отношенія къ просьбѣ нашего протоіерея, далъ просимое разрѣшеніе и указалъ для занятія закономъ Божіимъ соотвѣтствующіе часы. На основаніи этой исторіи, послѣ такого ея разрѣшенія, нельзя бы было сдѣлать, конечно, никакихъ выводовъ и обобщеній, если бы одинъ позднѣйшій *оффиціальный* документъ не далъ намъ возможности убѣдиться,

что это невниманіе къ религіознымъ потребностямъ послѣдователей другихъ исповѣданій и косвенное посягательство на свободу религіозной совѣсти въ „культурно-свободной“ Германіи не есть явленіе исключительное.

Документъ, о которомъ мы только что упомянули, есть тотъ самый „Законопроектъ народной школы“ (Der Entwurf eines Volksschulgesetzes), который, будучи 14-го Янв. текущаго года внесенъ въ прусскую палату депутатовъ (въ Ландтагъ), съ той самой минуты составляетъ здѣсь самую крупную, исключительно выдающуюся злобу дня, поглащающую всѣ другіе интересы. Въ одномъ изъ многочисленныхъ параграфовъ этого характернаго законопроэкта между прочимъ сказано: „дѣти, не принадлежащія къ одной изъ признанныхъ государствомъ религіозныхъ общинъ, *принимаютъ участіе въ религіозномъ обученіи школы* (т. е. вмѣстѣ со всѣми другими дѣтьми учатся Закону Божію у евангелическаго пастора или католическаго патера), если они не будутъ отъ этого освобождены правительственнымъ президентомъ“, которому должно быть для этой цѣли представлено удостовѣреніе въ томъ, что „дѣтямъ преподается религіозное обученіе въ формѣ, соотвѣтствующей ихъ исповѣданію Bekenntnisstande) и притомъ — лицомъ, получившимъ предварительное образованіе въ духѣ своего ученія и вообще къ тому пригоднымъ“ *). Можно понимать эти слова законопроэкта различно, и шире, и уже; можно пожалуй не соглашаться, что ими „*совершенно* упраздняется свобода исповѣданія“ и вводится „жестокое насиліе совѣсти“ (ein grausamer Gewissenszwang), какъ трубятъ органы прогрессивной германской прессы (см. напр. Vossische Zeitung, № 39, перед. ст.). Но одно несомнѣнно, что затрудненій ими создается много и произволъ открывается большой:

*) Kinder, welche nicht einer vom Staate anerkannten Religionsgesellschaft angehören, nehmen an dem Religionsunterricht der Schule Theil, sofern sie nicht seitens des Regierungspraesidenten hiervon befreit werden. Diese Befreiung muss erfolgen, wenn seitens der zuständigen Organe der betreffenden Religionsgesellschaft ein bezüglicher Antrag gestellt und der Nachweis erbracht wird, dass den Kindern in der ihrem Bekentnisstande entsprechenden Form und durch einen nach der Lehre ihres Bekentnisses vorgebildeten, auch im Uebrigen befähigten Lehrer Religionsunterricht ertheilt wird.— Entwurf eines Volksschulgesetzes; § 17.

опираясь на нихъ, ближайшее начальство всегда можетъ найти основанія повернуть дѣло такъ, что то или другое дитя должно будетъ „принимать участіе въ религіозномъ обученіи школы", ему совершенно чужой.

Выясняя различныя „коллизіи", къ которымъ можетъ привести послѣдовательное проведеніе занимающаго насъ параграфа законопроекта Vossische Zeitung между прочимъ говоритъ: „если въ строго католической мѣстности живетъ уединенный протестантъ, то несомнѣнно онъ имѣетъ полное право удалять своихъ дѣтей отъ католическаго религіознаго обученія. Но вотъ этотъ протестантъ выступаетъ изъ мѣстной Евангел. церкви, хотя-бы потому напр., что не можетъ примириться съ ея ультра - конфессіональнымъ направленіемъ: съ этой самой минуты (по смыслу законопроекта) онъ вынужденъ заставлять своихъ дѣтей принимать участіе въ католическ. рел. обученіи! Другой случай. Возможно, что, на основаніи возбужденныхъ полковникомъ Егиди (Egidy - объ немъ рѣчь ниже) стремленій, образуется новая рел. община. Ея послѣдователи (по смыслу законопроекта) тогда только получатъ возможность освободить своихъ дѣтей отъ обязательнаго обученія религіи, когда представятъ доказательства, что ихъ дѣти обучаются учителемъ, получившимъ соотвѣтствующее ихъ исповѣданію, образованіе. Но откуда возьметъ такого учителя общество, которое только сегодня образовалось? Далѣе правительственный президентъ будетъ обязанъ разсматривать, дѣйствительно-ли такое обученіе соотвѣтствуетъ основаніямъ новаго рел. общества, т. е. долженъ сдѣлаться великимъ инквизиторомъ (sic!) всѣхъ диссидентовъ, Но для этого у него едва-ли окажется достаточно времени и богословскихъ познаній. Наконецъ, если кто-либо выступаетъ изъ церкви, не примыкая ни къ какому рел. обществу, или если рел. общество, къ которому онъ приписанъ, не имѣетъ соотвѣтствующихъ органовъ, то онъ теряетъ всякую надежду освободить своихъ дѣтей отъ конфессіональнаго обученія. Можетъ представиться слѣдующій случай: духовное лицо евангел. церкви, которое долго и съ успѣхомъ трудилось на ея пользу, по требованію совѣсти, выступаетъ изъ нея и не можетъ примкнуть ни къ какому религіозному обществу; съ сего самаго момента, по смыслу законопроэкта, оно теряетъ возможность

обучать религіи своихъ собственныхъ дѣтей, такъ какъ такое обученіе не будетъ признано законнымъ“ (№ 39). Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣти, родители которыхъ не принадлежатъ къ признанной государствомъ рел. общинѣ, *принудительно* должны принимать участіе въ такомъ обученіи, которое противорѣчитъ убѣжденіямъ ихъ родителей. И при томъ,—разъясняетъ таже газета въ другомъ мѣстѣ,—„все здѣсь предоставлено чистому случаю и произволу: можетъ случиться что ребенокъ долженъ будетъ *переучиваться* Закону Божію просто вслѣдствіе перемѣны мѣста жительства,—одинъ годъ онъ будетъ обучаться вмѣстѣ съ католиками, другой съ протестантами, а третій, пожалуй, и съ евреями“ (№ 51).

Таковъ смыслъ занимающаго насъ параграфа законопроэкта, какъ онъ понятъ и истолкованъ представителями нѣмецкой прессы. Воздерживаясь отъ повторенія рѣзкихъ отзывовъ, которые со всѣхъ сторонъ раздаются въ настоящее время, какъ вездѣ и всегда во времена возбужденія и недовольства, по адресу законопроэкта и изъ которыхъ (отзывовъ) многіе, конечно, продиктованы раздраженнымъ и ослѣпленнымъ чувствомъ,—въ виду сдѣланныхъ разъясненій, мы, однако, должны признать, что этотъ законопроэктъ, какъ заявилъ одинъ изъ депутатовъ палаты, дѣйствительно „очень далекъ отъ признанія свободы совѣсти и отъ положенія, что въ Пруссіи каждый можетъ спасаться какъ ему угодно“ (dass in Preussen jeder nach seiner Facon selig werden kann; см. рѣчь *Рихтера* въ засѣданіи 26 (14) Января). Защитнику ходячаго мнѣнія о господствѣ въ Германіи свободы исповѣданія и совѣсти остается теперь одинъ исходъ,—сказать, что законопроэктъ можетъ быть принимаемъ въ соображеніе только *pro*, для характеристики возможнаго будущаго, но не *retro*, не какъ свидѣтельство о прошломъ, такъ какъ-де онъ не стоитъ въ связи съ этимъ прошлымъ. Но, къ несчастію для предполагаемаго защитника указаннаго мнѣнія, такой исходъ для него совершенно отрѣзанъ,—отрѣзанъ разъясненіями министра исповѣданій (Kultusminister), графа Цедлица, внесшаго и поддерживающаго свой законопроэктъ въ палатѣ депутатовъ. Именно, графъ Цедлицъ неоднократно разъяснялъ, что его законопроэктъ вполнѣ соотвѣтствуетъ господствующей практикѣ

(Verwaltungspraxis) и дѣйствующему въ Пруссіи праву (entspricht durchaus dem, was in Preussen geltendes Recht ist); что въ сущности онъ есть лишь послѣдовательное раскрытіе посылокъ, данныхъ уже въ Verfassungsurkunde (1848 г.) и исторически необходимое развитіе практики прославленнаго Фридриховскаго времени (der Fridercanischen Periode), когда, „благодаря содѣйствію церковныхъ органовъ, подобная практика была даже еще шире, чѣмъ теперь"; что въ общемъ всѣ и всегда такими порядками были очень довольны, — особенно масса населенія; что „вопреки смѣнѣ времени и образа мыслей различныхъ министровъ, сущность школьнаго дѣла (Schulwesen) опредѣлялась именно такъ, какъ она теперь кодифицирована въ законопроэктѣ" и что, если наконецъ, онъ, министръ, дѣлаетъ новый шагъ, возводя принятое на практикѣ въ болѣе твердую форму закона (damit das, was jetzt thatsächlich überall besteht, künftig auf gesetzlicher Grundlage möglich bleiben soll), то этотъ шагъ дѣлается несомнѣнно въ томъ-же направленіи, въ которомъ шло все историческое развитіе Пруссіи (см. рѣчь министра испов. графа Цедлица въ засѣданіяхъ 22 (10) и 25 (13) Янв.). И мы не имѣемъ никакихъ побужденій сомнѣваться въ исторической вѣрности этихъ авторитетныхъ разъясненій, особенно послѣ того, какъ самъ Цедлицъ заявилъ, что онъ обстоятельно ознакомился (!) съ состояніемъ этого важнаго вопроса (ich habe mich bei meinen Räthen eingehend in dieser schwerwiegenden Frage informirt; см. его рѣчь въ засѣданіи 22 (10) Янв.).

Полагаемъ, что приведенныхъ фактовъ, хотя они собраны довольно случайно и, такъ сказать, на поверхности обыденной жизни, совершенно достаточно, чтобы поколебать наивную увѣренность многихъ и очень многихъ, будто протестантъ какъ то особенно, исключительно свободенъ, — свободнѣе, чѣмъ послѣдователь какого либо другаго исповѣданія. Нѣтъ, если и можно говорить о свободѣ протестанта, то развѣ въ нѣкоторомъ другомъ, едва ли впрочемъ желательномъ для защитниковъ разсматриваемаго тезиса, смыслѣ, — въ смыслѣ свободы протестанта скоро порвать съ своимъ прошлымъ и легко выступить изъ общества своихъ единовѣрцевъ. Проявленій *такой* свободы въ протестанскомъ мірѣ дѣйствительно много; выступаютъ очень и

очень многіе и, какъ кажется, съ совершенно спокойнымъ сердцемъ. Выступаетъ цѣлый приходъ вслѣдствіе недоразумѣній изъ-за *цвѣта* платьевъ конфирмантокъ (см. выше); выступаетъ придворный проповѣдникъ (Штёкеръ) вслѣдствіе какихъ то размолвокъ; выступаютъ его приверженцы, которые, какъ слышно хотятъ построить ему *независимую* (!) церковь; выступаютъ послѣдователи либеральнаго полковника Егиди, написавшаго нѣсколько легковѣсныхъ, вольнодумныхъ брошюръ и т. д. и т. д. Выступаютъ люди самостоятельные и свободомыслящіе; выступаютъ и духовные плоты, увлеченные идеями другихъ и мѣняющіе, слѣд., одну рабскую цѣпь на другую. И все это очень естественно и въ порядкѣ вещей въ „странѣ *(такой)* свободы“. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ дорожить „выступающему“? Гдѣ тѣ узы, которыя протестанты страшились бы порвать? Что можетъ сплотить ихъ въ одну единицу, въ одно живое единство? Пересмотримъ эти начала религіознаго объединенія.

У насъ, православныхъ, самымъ первымъ по своей доступности и, такъ сказать, самымъ осязательнымъ началомъ религіознаго объединенія служитъ участіе въ богослуженіи, въ общеніи молитвъ и таинствъ, — едиными усты и единымъ сердцемъ. Такъ-ли здѣсь у протестантовъ? Что такое ихъ богослуженіе? Начиная съ внѣшности храмовъ и кончая составомъ и характеромъ богослуженія, оно производитъ впечатлѣніе чего-то забытаго, заброшеннаго. Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на берлинскіе храмы! Они точно затерялись въ массѣ исполинскимъ зданій и высматриваютъ какъ-то сиротливо, сѣро, бѣдно и неубранно: берлинцы, кажется, обо всемъ помнятъ, кромѣ своихъ храмовъ. А въ самыхъ храмахъ? Эти голыя каменныя стѣны, съ которыхъ у насъ смотрятъ строгіе лики угодниковъ; эти газовые рожки, вмѣсто благолѣпныхъ восковыхъ свѣчей нашихъ храмовъ; эти отгороженныя мѣста для сидѣнія, откупленныя богачами, обыкновенно блистающими своимъ отсутствіемъ; эта развязность и непринужденная позировка посѣтителей, завернувшихъ въ храмъ точно случайно и спокойно становящихся спиною къ алтарю и Распятію; это заунывное и монотонное вытягиваніе псалмовъ подъ аккомпаниментъ органа; наконецъ эта длинная, ученая, иногда краснорѣчивая, но обыкновенно сухая и напыщенная проповѣдь: все это въ совокупности

очень грустно и даже не назидательно, хотя, повидимому, больше всего и разсчитано именно на назидательность. Нѣтъ, когда разрушено зданіе церкви и порвана связь съ историческимъ преданіемъ; когда по произволу одно выброшено, другое оставлено и на этомъ голомъ, „расчищенномъ“ (?), но плохо выравненномъ мѣстѣ держится длинная и велерѣчивая проповѣдь не столько во имя Божіе, сколько во славу человѣческую, то вѣрѣ и искреннему, дорогому, теплому религіозному чувству приходится сказать „прости!“ Единство *такого* богослуженія объединяетъ слабо. Къ нему можно привыкнуть, присутствуя за нимъ можно испытывать нѣкоторое *эстетическое* впечатлѣніе чего-то высокаго, серьезнаго и строгаго въ своей простотѣ; но истиннаго *религіознаго* одушевленія, дѣтски простой и дорогой сердцу вѣры здѣсь нѣтъ:

Я лютеранъ люблю богослуженіе,
Обрядъ ихъ строгій, важный и простой;
Сихъ голыхъ стѣнъ, сей храмины пустой
Понятно мнѣ высокое *ученье*.

Но видите-ль? Собравшися въ дорогу,
Въ послѣдній разъ вамъ *Вѣра* предстоитъ:
Еще она не перешла порога,
Но домъ ея ужъ пустъ и голъ стоитъ;

Еще она не перешла порога,
Еще за ней не затворилась дверь...
Но часъ насталъ, пробилъ... Молитесь Богу:
Въ послѣдній разъ вы молитесь теперь...

(Тютчевъ).

Авторъ настоящихъ „писемъ изъ-за границы“ много разъ бывалъ за протестантскимъ богослуженіемъ, — въ храмахъ богатыхъ и бѣдныхъ, большихъ и малыхъ, слушалъ проповѣди „знаменитостей“ и всегда выносилъ одно и тоже, характеризованное выше, впечатлѣніе. Конечно, здѣсь имѣетъ громадное значеніе привычка къ своему, православному, и заранѣе приносимое предубѣжденіе противъ чужаго. Но вотъ что характерно и интересно: сами протестанты жалуются на бѣдность и безсодержательность своего богослуженія.

Такъ, извѣстный переводчикъ литургій древней православной Церкви, пасторъ Кракау (изъ Шаумбурга), въ предисловіи къ своему труду (Die Liturgie des heil. Iohannes Chrysostomus, Gütersloh, 1890) замѣчаетъ, что именно сухость протестантскаго богослуженія была однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ его приняться за работу. Или вотъ еще примѣръ: одинъ изъ профессоровъ богословія въ берл. университетѣ, узнавъ, что его собесѣдникъ —русскій, заявилъ, что онъ бывалъ и любитъ бывать за богослуженіемъ въ церкви при Botschaft'ѣ (въ посольствѣ); что оно, хотя онъ и не понимаетъ его словъ, производитъ на него очень сильное впечатлѣніе. И это не была со стороны профессора простая любезность: его дѣйствительно можно часто видать въ русской посольской Церкви. Такихъ примѣровъ можно было-бы привести много, если-бы они были нужны. Неудивительно, послѣ всего этого, что въ Берл. „Киркахъ“ всегда бываетъ просторно. Въ самомъ „Домѣ“ (соборѣ) и при томъ даже, когда въ немъ присутствуетъ королевская фамилія и когда, слѣд., богослуженіе особенно торжественно и проповѣдь особенно краснорѣчива, всегда остается много свободнаго мѣста. И это понятно! Въ самомъ дѣлѣ, если оцѣнивать богослуженіе съ точки зрѣнія *эстетической*, —а такая оцѣнка, какъ мы сказали именно прежде всего и напрашивается,—то храму можно и естественно предпочесть театръ или даже какую нибудь Kunsthalle... Особенно рѣдко можно встрѣтить въ храмѣ простолюдина. Онъ очень дорожитъ единственнымъ свободнымъ днемъ въ недѣлѣ и спѣшитъ воспользоваться имъ для другихъ цѣлей. Къ тому-же услужливые вожди и благожелатели соціалъ—демократовъ успѣли отвлечь ихъ праздничное вниманіе совершенно въ другую сторону: за ничтожную плату они организовали для нихъ воскресные спектакли (въ Бель-Альянсѣ). Послѣ этого понятными становятся горькія жалобы президента министровъ, графа Каприви на крайнюю трудность поддерживать духъ благочестія и вѣры въ семьѣ современнаго нѣмецкаго рабочаго (см. его рѣчь въ засѣданіи палаты депутатовъ 30 (18) Янв.).

Другимъ существенно важнымъ началомъ религіознаго единенія справедливо признается іерархія. Но и дѣйствіе этого начала въ протестантизмѣ очень слабо. Не говоря уже о томъ, что по самому строю протестантской жизни,

отношенія между пастырями и ихъ пасомыми довольно рѣдки (извѣстно, что у протестантовъ нѣтъ самаго могучаго средства вліянія пастыря на пасомыхъ — исповѣди), — даже тамъ, гдѣ эти отношенія имѣютъ мѣсто, они не могутъ, повидимому, имѣть особенно глубокаго вліянія. Причина этого заключается въ томъ, что какъ на проповѣднической каѳедрѣ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ пасторъ выступаетъ не столько во имя Божіе, сколько во имя авторитета науки и собственной учености. И это понятно. Въ самомъ дѣлѣ, что такое студентъ-теологъ—этотъ будущій пастырь словеснаго стада? Съ какими идеалами, съ какимъ знаменемъ выступаетъ онъ на свое служеніе? Изъ гимназіи въ университетъ онъ не приноситъ ничего богословскаго, никакихъ *духовныхъ* (въ техническомъ смыслѣ слова) стремленій. Въ университетѣ, безъ всякой предварительной, *усвоенной въ дѣтскіе годы на авторитетъ и вѣру*, подготовки, которая-бы давала, пусть необширную и даже не особенно тщательно воздѣланную, но за то твердую почву, онъ прямо попадаетъ въ перекрестный огонь богословскихъ *мнѣній*. Естественно, что при такихъ условіяхъ онъ легко теряется и путается. Если *Гарнакъ* говоритъ, что догматика есть нѣчто условное, второстепенное и можетъ быть даже излишнее, а *Кафтанъ* отстаиваетъ догматику лишь во имя ея практическаго значенія для объединенія единомыслящихъ въ одномъ исповѣданіи: то что остается дѣлать бѣдному студенту—теологу? Онъ видитъ, что все это по меньшей мѣрѣ очень спорно и что умный человѣкъ непремѣнно долженъ все перерѣшить для себя и по своему. И перерѣшаетъ—выкраиваетъ изъ разныхъ университетскихъ лоскутовъ *свою*, конечно, еще болѣе условную догматику: „что,—молъ—понимаю"! Встрѣчаясь съ православнымъ теологомъ, онъ спрашиваетъ: „а что, читаются ли у Васъ въ символѣ слова: ich glaube an... Auferstehung des Fleisches" (вѣрую въ воскресеніе плоти — 3-й чл., евангел. символа)? — Конечно. — „Но кто-же этому въ настоящее время вѣритъ серьезно"?—Да вѣдь вы вѣрите-же Слову Божію, а тамъ сказано ясно... И онъ съ интересомъ освѣдомляется, гдѣ это „сказано ясно". И вотъ этотъ-то, теологъ, который до того свободенъ отъ всякихъ „авторитетовъ", „предразсудковъ" и „предвзятыхъ идей", что долженъ справляться,

гдѣ говорится въ писаніи о воскресеніи мертвыхъ; который долженъ самостоятельно (!) и на свой страхъ вырабатывать свою догматику; который изъ всѣхъ своихъ университетскихъ штудій выноситъ, можетъ быть, только одно непоколебимо-твердое убѣжденіе—„убѣжденіе въ царственной силѣ критическаго разума"; — этотъ-то теологъ долженъ созидать религіозное единство своей паствы! Неудивительно, что такой, подъѣденный скептицизмомъ, теологъ, сдѣлавшись полувѣрующимъ пасторомъ, начинаетъ, — sit venia verbo! — начинаетъ просто кокетничать съ невѣріемъ. Мы недавно случайно натолкнулись на образчикъ такого кокетства. Говоря о новыхъ проэктахъ рел. реформы, — проэктахъ совершенно радикальныхъ, — пасторъ дѣлаетъ въ сторону ихъ много постыдныхъ уступковъ и договаривается между прочимъ даже до того, что въ отрицаніи личнаго Бога нѣтъ ничего дурнаго: „отрицаніе личнаго Бога,— говоритъ онъ, — само по себѣ вовсе не ведетъ къ какимъ нибудь дурнымъ послѣдствіямъ (!); оно такъ же мало дѣлаетъ безнравственнымъ, какъ признаніе личнаго Бога нравственнымъ" (Drei religiöse Reformvorschläge der neueren Zeit, Berlin, 1891 von R. Z., protestantischem Pfarrer, S. 30). Особенно любопытно въ данномъ случаѣ то, что этотъ, рисующійся своимъ либерализмомъ, Pfarrer, подчеркнувшій на заглавномъ листѣ брошюры, что ея авторъ есть именно Pfarrer, счелъ, однако необходимымъ скрыть свое имя подъ иниціалами: вѣроятно, все же боится консисторіи. Жалкіе пасторы, бѣдная паства!..

Конечно, плоды такого ненормальнаго строя вещей не замедлили обнаружиться. Невѣріе, которое уже давно свило себѣ гнѣздо въ нѣдрахъ протестантскаго міра, за послѣднее время все выше и выше поднимаетъ свою голову. Съ какою-то роковою, пугающею, періодически правильною постепенностью каждое послѣднее десятилѣтіе являются новые проэкты религіозной реформы, все болѣе и болѣе рѣшительные, все болѣе и болѣе заносчивые и притязательные: въ *1870* г. появился проэктъ Пеко́ (Pécaut: die reine Gottesidee, das Wesen d. Religion der Zukunft), въ *1880* г.— проэктъ Верникe (Wernicke: die Religion des Gewissens, als Zukunftsideal), наконецъ, въ *1890* — проэктъ полковника Егиди (Egidy: ernste Gedanken; съ содержаніемъ этихъ про-

эктовъ можно познакомиться по вышеуказанной брошюрѣ неизвѣстнаго Pfarrer'a). Катехизисъ всѣхъ этихъ проэктовъ, расходящихся въ частностяхъ, но одинаковыхъ по своей основѣ, очень не богатъ и не сложенъ: „Христосъ былъ простой человѣкъ; Богъ не можетъ быть троичнымъ и даже личнымъ; Церковь и всѣ ея учрежденія—обманъ". Особенно достается, какъ впрочемъ, это и всегда бываетъ, бѣдному протестантизму, на лонѣ котораго эти „хулители" воспитались: „протестантизмъ,—разсуждаютъ они,—непослѣдователенъ; онъ начерталъ на своемъ знамени свободу вѣры и совѣсти, но уже первые реформаторы это знамя уничтожили; онъ отвергъ *римскаго* папу, но поставилъ на его мѣсто другаго, *бумажнаго* (Библію); его первоначальные добрые нравы скоро изсякли и теперь онъ существуетъ только поддержкой со стороны государства, которому естественно и самъ прислуживается, не по расположенію, впрочемъ, а изъ своекорыстныхъ интересовъ" (Верникe). Мыслящіе люди,—продолжаютъ реформаторы,— уже давно поняли фальшь протестантизма; теперь эти идеи проникли и въ массу народа; остается только дожидаться „новаго пророка", который соберетъ всѣ недовольные элементы подъ своимъ знаменемъ и создастъ новый строй религіозной жизни, при которомъ будутъ возстановлены права автономной совести и мысли...

Къ сожалѣнію „проэкты религіозной реформы", подобные только что указаннымъ, не представляютъ исключенія. Мракъ невѣрія распространился широко и по мѣстамъ сгустился въ темныя тучи, которыя зловѣще нависли надъ горизонтомъ протестантскаго міра. Это самымъ очевиднымъ образомъ доказывается исторіею упомянутаго уже нами выше „школьнаго законопроэкта". Не даромъ онъ такъ долго и страстно обсуждался въ палатѣ депутатовъ, не даромъ приковалъ къ себѣ всеобщее и напряженное вниманіе! Послѣднее засѣданіе (30 Янв.), посвященное законопроэкту, было открыто такими словами одного депутата: „я думалъ, что совѣщаніе о проэктѣ продлится много — много три дня, какъ битва при Лейпцигѣ. Но вотъ, какъ *знаменитое сраженіе съ гуннами,* дебаты тянутся уже цѣлую недѣлю и, какъ это сраженіе, являются великою духовною борьбою не только въ области школы, но и въ области нравственно-

религіозной и политической жизни. Два міросозерцанія, отдѣленныя непроходимою пропастью, стоятъ здѣсь другъ противъ друга"—христіанское и антихристіанское! Это очень мѣтко и вѣрно! Дѣйствительно мы присутствуемъ на зрѣлищѣ великой борьбы, которую ведутъ поборники христіанскихъ идеаловъ, — увы, не многочисленные и едва-ли сильнѣйшіе!—съ новыми *гуннами*, поборниками безбожной культуры.

На первомъ планѣ въ этой борьбѣ предъ нами выступаютъ „гунны", дѣйствительно страшные въ своей разнузданной откровенности, въ своихъ несдержанныхъ притязаніяхъ, въ своей угрожающей позѣ,—гунны, навербованные изъ всѣхъ слоевъ общества, отъ краснаго соціалъ-демократа, до ученаго, всемірно-извѣстнаго профессора. Мы видимъ здѣсь много оттѣнковъ: „свободно консервативная партія унижаетъ достоинство *церкви*, націоналъ-либералы не цѣнятъ *исповѣданія*, свободомыслящіе не вполнѣ цѣнятъ *христіанство*" (изъ рѣчи Штёкера отъ 30 Янв.); одни добиваются для школы свободы отъ вмѣшательства въ ея жизнь духовенства, другіе—спасенія отъ „Дамоклова меча догматизма", т. е. всякаго вообще религіознаго обученія; иные требуютъ отрѣшенія отъ „староцерковныхъ преданій" и преобразованія *христіанства* (!) въ духѣ „новой культуры" (см. рѣчь депут. Knörke, въ засѣд. 30 Янв.), другіе—отрѣшенія отъ *всякихъ религіозныхъ* основъ воспитанія и приглашаютъ, для убѣжденія въ существованіи и превосходствѣ внѣрелигіозной морали надъ религіозною, ознакомиться съ жизнью дикарей, этихъ „лучшихъ людей, по выраженію знаменитаго (?) англійскаго путешественника" (см. въ засѣд. 29 Янв. рѣчь *Вирхова*—знаменитаго профессора Вирхова!) и т. д. Но не смотря на всю эту разноголосицу, на всѣ эти трудноуловимые оттѣнки въ рѣчахъ либеральныхъ депутатовъ Ландтага, основной тонъ ихъ одинъ и тотъ-же: „въ послѣдней инстанціи дѣло идетъ здѣсь,—выражаясь словами графа Каприви,—не объ evangelisch u. katholisch, *но о христіанствѣ и атеизмѣ*" (см. его рѣчь въ засѣд. 29 Янв.). „По моему мнѣнію,—развивалъ свою мысль президентъ министровъ,—мы больны тѣмъ, что насъ покинулъ идеализмъ. Теперь становится все сильнѣе и сильнѣе то міросозерцаніе, которое стоитъ въ противоположности *со*

всякою религіею и, кажется, даже въ Берлинскихъ школахъ это безспорно атеистическое міросозерцаніе распространяется все больше и больше. Я согласенъ, что атеизмъ не стоитъ въ необходимой связи съ соціализмомъ; но это лишь потому, что онъ выступаетъ *за предѣлы* соціальной демократіи. Я вижу въ немъ рѣшительную опасность для нашей государственной жизни" (тамъ-же). Лучшимъ доказательствомъ справедливости этихъ горькихъ жалобъ графа Каприви на широкое и опасное распространеніе въ Германіи атеизма служитъ то единодушное движеніе на поддержку вождей либеральныхъ партій Ландтага, которое охватило почти всѣ слои общества до университетскихъ сферъ включительно. Въ прошломъ году извѣстный педагогъ Диттесъ проповѣдывалъ въ собраніи учителей какое то совершенно нейтральное христіанство и, подъ его вліяніемъ, учителя высказали желаніе, чтобы религіозное обученіе было совершенно изгнано изъ школы; теперь Вирховъ, — профессоръ, который „стоитъ на высотѣ духовной жизни", —доказываетъ въ ландтагѣ, что можно обходиться безъ Откровенія и съ восторгомъ говоритъ о нравственности дикарей; вслѣдъ за нимъ прогрессивная Vossishe Zeitung, со словъ какого-то „компетентнаго лица" изъ университетскихъ круговъ, доказываетъ, что „Церковь, какъ провозвѣстница своихъ догматовъ, стоитъ теперь въ непримиримой противоположности съ наукою" и что, по этому, настоятельно необходимо „совершенное выдѣленіе религіознаго обученія изъ учебныхъ плановъ государственной школы" (№ 53); перетряхиваются старыя книги; тревожатся мирно почивающіе авторитеты—нѣмецкіе и иностранные; изъ Канта, Уэтли (англ.), Вайтца и др. ученыхъ дѣлаются выписки съ цитатами (въ газетахъ! —совершенно по нѣмецки) въ доказательство возможности и превосходства внѣрелигіозной морали, школы, культуры и т. д. Мы видимъ такимъ образомъ, что радикальныя рѣчи депутатовъ Ландтага суть не больше, какъ отголосокъ общей, широко распространенной и вѣками воспитанной либеральной мысли; что либералы Ландтага суть плоть отъ плоти и кость отъ кости своихъ многочисленныхъ единомышленниковъ, съ которыми они связаны узами кровнаго и духовнаго родства.

Среди этихъ волнъ отовсюду наплывающаго невѣрія, положеніе поборниковъ христіанскаго идеализма поистинѣ тра-

гично,—подобно положенію судна среди разъяренной морской стихіи. Только глубокое убѣжденіе въ томъ, что западной „культурно-соціальной жизни грозятъ великія опасности“; что источникъ разъѣдающихъ ее золъ коренится въ охватившемъ всѣ слои общества атеизмѣ; что „соціализмъ не есть метеоръ, неожиданно упавшій съ неба на землю, или призракъ, внезапно появившійся изъ ада, но есть продуктъ грѣховъ и заблужденій этого міра“; что единственное средство борьбы съ нимъ, какъ сказалъ императору одинъ пасторъ въ Шлезвигѣ, „церкви строить, пасторовъ ставить“, да насаждать въ сердцахъ подрастающаго поколѣнія посредствомъ школы духъ страха Божія и благочестія; что „религіозное воспитаніе возможно только на началахъ конфессіональныхъ, такъ какъ христіанство безъ опредѣленнаго исповѣданія немыслимо“; что, слѣд., наконецъ, въ школѣ должны получать выдающееся значеніе пасторы и другіе представители духовной власти: только глубокое убѣжденіе во всемъ этомъ могло дать комитету министровъ смѣлость внести въ палату депутатовъ школьный законопроэктъ, который, хотя и имѣетъ за себя нѣкоторые прецеденты въ практикѣ и правѣ прошлаго, однако-же стоитъ въ совершенной противоположности со всѣмъ строемъ современной внѣрелигіозной культуры, которая ни за что не хочетъ допустить въ нашъ просвѣщенный вѣкъ „торжества клерикализма“, долженствующаго „загасить всѣ свѣточи, зажженные новой наукой“ (!!). Всякій, кому дорого торжество добра, гдѣ бы онъ ни встрѣчалъ его, долженъ отдать дань уваженія людямъ, которые, вопреки вѣковымъ традиціямъ и исторической расшатанности умовъ и принциповъ, взяли на себя смѣлость сказать, что міръ долженъ быть управляемъ и руководимъ твердою рукою и по твердымъ законамъ и правиламъ, проникнутымъ религіознымъ духомъ; что если теперь царятъ въ жизни широко-либеральныя начала, неосторожно допущенныя во времена прошедшія, то, въ виду безспорно *ими* причиненныхъ великихъ нестроеній и золъ, ихъ необходимо ограничить и исправить. Но, съ другой стороны, нельзя не задуматься надъ тѣмъ, не сказано-ли это слово слишкомъ поздно; не будетъ-ли оно, не смотря на поддержку высокимъ авторитетомъ Монарха, при современныхъ условіяхъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и не по-

топитъ-ли то теченіе, противъ котораго плыветъ теперь министерство (какъ оно само заявило о томъ, см. рѣчь *Каприви* въ засѣд. 29 янв.), всѣхъ его благородныхъ усилій въ своихъ холодныхъ и мутныхъ волнахъ? Возобладаетъ-ли голосъ благоразумныхъ и такимъ образомъ весь вопросъ разрѣшится мирно, или, какъ предвѣщаютъ вожди либерализма (см. напр. рѣчь Риккерта, въ засѣд. 30 янв. конецъ), загорится новая борьба, которая пронесется по всѣмъ странамъ протестантскаго запада и наполнитъ ихъ ужасами, которыхъ можетъ быть не ожидаютъ, — обнаружитъ, конечно, время. Но что оно уже и теперь съ достаточною ясностью обнаружило, такъ это то, что на историческомъ деревѣ протестантизма оказался не пустоцвѣтъ (это-бы еще ничего), а плодъ съ содержаніемъ значительной дозы ядовитаго, разлагающаго жизненныя основы, начала.

Мы достигли теперь того пункта, на которомъ должны уже дать ясный отвѣтъ на вопросъ, служившій скрытымъ мотивомъ всѣхъ нашихъ разсужденій въ настоящемъ письмѣ,— на вопросъ: въ чемъ же въ концѣ концовъ существо протестантизма? Мы показали, полагаемъ, съ достаточною очевидностью, что, вопреки общераспространенному предразсудку, его нельзя видѣть въ предоставленіи протестантизмомъ своимъ послѣдователямъ какой-то особенной, исключительной свободы; свобода протестанта очень условна. Но въ чемъ же, если не въ этомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ, подсказываемый всѣми сдѣланными доселѣ справками и разсужденіями, такъ жестокъ, что намъ не хотѣлось бы произносить его отъ своего имени. Поэтому мы предоставимъ его высказать за насъ писателю, который такъ много говорилъ страшнаго и жесткаго, что къ его жесткостямъ всѣ привыкли, и который, съ другой стороны, вслѣдствіе бо́льшаго и непосредственнаго знакомства съ протестантскимъ міромъ, имѣетъ болѣе, чѣмъ мы, данныхъ для мотивировки своего рѣшительнаго приговора. „*Протестантизмъ*,—читаемъ мы у этого писателя,—*есть* не что иное, какъ *переходная ступень отъ подлиннаго христіанства къ современнымъ культурнымъ идеямъ, которыя въ важнѣйшихъ пунктахъ діаметрально противоположны идеямъ христіанскимъ, и потому со дня своего рожденія и до своей смерти онъ есть явленіе самопротиворѣчивое*,

такъ какъ на всѣхъ ступеняхъ своего развитія представляетъ соединеніе противоположностей, не соединимыхъ по самому своему существу“ (Eduard von Hartmann: die Selbstzersetzung des Christenthums und die Religion der Zukunft. Berl. 1874, S. 15).

PS. Мы еще будемъ имѣть случай возвратиться къ этому вопросу, когда (въ ближайшемъ письмѣ) перейдемъ къ характеристикѣ умственной жизни протестантскаго запада. А теперь, чтобы не оставлять читателя подъ гнетомъ мрачнаго настроенія, которое, быть можетъ, навѣяли на него предыдущія страницы, позволимъ себѣ въ заключеніе отвлечь его вниманіе въ другую сторону,—на предметъ, который хотя и не стоитъ въ связи съ содержаніемъ настоящаго письма, но который, однако, вслѣдствіе интереса новизны и современности, имѣетъ, кажется, право занять здѣсь нѣсколько строкъ. Именно, мы хотимъ сказать о чествованіи Берлинскимъ университетомъ дня рожденія Германскаго Императора. Намъ пришлось быть свидѣтелями этого чествованія.

Ровно въ 12 ч. 27 (15) янв. въ небольшой сравнительно, но изящный и богато украшенный тропическими растеніями, эффектно расположенными около бюста императора, университетскій залъ (aula), который къ этому времени уже былъ переполненъ публикою, вступила корпорація многочисленныхъ профессоровъ. Зрѣлище любопытное и даже величественное! Точно на время переносишься въ средніе вѣка. Впереди два герольда въ красныхъ тогахъ, беретахъ и съ жезлами; за ними ректоръ и длинная вереница профессоровъ по факультетамъ (теологи, юристы, медики, философы), всѣ такъ же въ тогахъ и беретахъ,—каждый факультетъ своего цвѣта. Когда профессора заняли свои обычныя мѣста на особыхъ подмосткахъ, хоръ пропѣлъ „jauchzet“ (Псал. 100) и затѣмъ началась рѣчь. Ее заготовилъ знаменитый профессоръ Курціусъ, но за его болѣзнію читалъ его коллега по предмету Шмидтъ. Рѣчь была посвящена вновь воздвигаемому въ Берлинѣ зданію рейхстага. „Когда былъ принятъ планъ, —такъ начиналась рѣчь,—воздвигнуть на государственныя средства зданіе, въ которомъ могли бы собираться депутаты объединеннаго наконецъ въ одно цѣлое народа, тогда во многихъ кругахъ

зародилась мысль, что новое зданіе въ своей монументальной отдѣлкѣ должно служить полнымъ свидѣтельствомъ о томъ счастливомъ развитіи, на путь котораго милостію Божіею вступило наше отечество. И чѣмъ выше теперь возводится зданіе, тѣмъ живѣе становится наше общее желаніе, чтобы и снаружи и совнѣ оно вполнѣ удовлетворяло всѣмъ нашимъ ожиданіямъ, согрѣтымъ любовью къ отечеству. Дѣло идетъ здѣсь не о томъ только, чтобы оно цѣлесообразно и достойно отвѣчало потребностямъ государства, но и о томъ, чтобы оно явилось созданіемъ, въ которомъ нашли бы свое полное выраженіе всѣ плоды нѣмецкаго образованія. А для этого необходимо, чтобы, при его сооруженіи, были примѣнены всѣ искусства, которыя должны вступить здѣсь въ тѣсное внутреннее сочетаніе и дополнять другъ друга". Послѣ этого „приличнаго" вступленія, профессоръ, по нѣмецкому обыкновенію, повелъ слушателей въ глубь сѣдой древности и началъ обозрѣніе взаимныхъ отношеній между различными вѣтвями искусства, особенно пластикою и архитектурою,—со временъ ассиріянъ и вавилонянъ и до нашихъ дней. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ странствованій, съ чисто нѣмецкою осторожностью и аккуратностью, онъ благополучно достигъ желаннаго конца, который, минуя все содержаніе рѣчи, непосредственно примыкалъ къ ея началу: именно, рѣчь заканчивалась восторженнымъ пожеланіемъ процвѣтанія нѣмецкому народу, искусству, наукѣ и университету подъ державнымъ скипетромъ Гогенцоллерновъ. По окончаніи рѣчи хоръ пропѣлъ гимнъ: Salvum fac regem clementem nostrum, Domine...

Публика была, повидимому, очень довольна, — во-первыхъ, торжественностью обстановки и во-вторыхъ тѣмъ, что все это торжество окончилось очень скоро: началось засѣданіе ровно въ 12, а въ часъ залъ былъ уже совершенно пустъ.

Берлинъ.
12 февр. (31 янв.), 1892 г.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Оскудѣніе идеализма въ современной Германіи.—Вопросъ о причинахъ этого явленія.—Принципъ протестантскаго богословія и общій взглядъ на его исторію.—Публичныя чтенія проф. Пфлейдерера о „развитіи протестантскаго богословія съ Канта".—Главныя теченія современной философской мысли.—Искусственная культура идеализма.—„Воззваніе" Егиди.—„Христіанскій ферейнъ молодыхъ людей въ Берлинѣ".—Рѣчь проф. Гарнака на годичномъ праздникѣ студенческаго отдѣленія ферейна.—„Плоды просвѣщенія" у нѣмцевъ.

Говоря въ своемъ первомъ письмѣ о Берлинскомъ Университетѣ, я между прочимъ замѣтилъ, что, не смотря на разнохарактерный составъ его студентовъ, въ немъ царитъ замѣчательный порядокъ: правила его статутовъ выполняются до мельчайшихъ подробностей и никто не позволяетъ себѣ въ аудиторіяхъ ни шумныхъ одобреній, ни шумныхъ порицаній. Что и изъ этого, какъ изъ всякаго другаго обобщенія и правила, возможны исключенія,—это, конечно, предполагалось. И не было-бы никакихъ побужденій упоминать объ этихъ исключеніяхъ, все же не уничтожающихъ общаго правила, если-бы одно изъ нихъ не представляло для насъ особеннаго интереса именно въ данномъ случаѣ, когда, слѣдуя принятому порядку, мы намѣреваемся характеризовать умственный строй современнаго Запада. Инцидентъ, о которомъ мы хотимъ здѣсь упомянуть, состоитъ въ слѣдующемъ. Не такъ давно одинъ изъ профессоровъ университета, излагая свой спеціальный философскій курсъ (publicum), сдѣлалъ по какому-то поводу отступленіе—въ область современнаго естествознанія съ его дарвинистическою тенденціею и

высказалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній противъ господствующаго въ немъ стремленія приравнивать человѣка ко всей остальной природѣ: „господа,—сказалъ между прочимъ почтенный профессоръ,—естественники и медики могутъ говорить, что имъ угодно, могутъ унижать человѣческую природу, сколько имъ нравится; но они объ этомъ ничего не знаютъ, духъ, оживляющій человѣка, отъ нихъ ускользаетъ“... Лишь только онъ произнесъ эти слова, какъ раздалось страшное и упорное *Scharren* [1]). Бѣдный профессоръ смутился; но немного спустя держалъ приблизительно такую рѣчь:

— Милостивые государи, лѣтъ сорокъ—тридцать тому назадъ, когда я сидѣлъ на вашемъ мѣстѣ, мы не стыдились говорить, что человѣкъ есть человѣкъ; что онъ, какъ носитель искры Божественнаго разума, какъ kleine Majestät, какъ образъ Божій, безконечно возвышенъ надъ неразумною природою... Но,—увы!—tempora mutantur. Теперь не то. Вы стыдитесь этихъ словъ. Сбили васъ съ толку естественники и медики, а также и модные теологи, которые, къ стыду своему, пуще всего заботятся о томъ, что-де молъ скажутъ „ученые“. Но,—повторяю, господа,—эти „ученые“ ничего не знаютъ (снова Scharren).. Знаю, знаю, что вамъ это не нравится. Но я здѣсь не затѣмъ, чтобы говорить вамъ угодное, а затѣмъ, чтобы говорить истину. Если-бы я хотѣлъ либеральничать, я бы пошелъ въ сотрудники въ Vossische Zeitung, а теперь... и т. д. и т. д.

Когда этотъ „послѣдній могиканъ“ идеализма закончилъ свои сѣтованія, группа теологовъ поддержала его жиденькимъ Trampeln'омъ; но большинство осталось безучастнымъ и проводило его изъ аудиторіи безмолвно. Можно было

---

[1]) *Scharren* (шарканье, треніе ногами о полъ) тоже, что у насъ шиканье; *Trampeln* (топотъ) тоже что наши аплодисменты. Trampeln'омъ обыкновенно встрѣчаютъ и провожаютъ профессоровъ, если аудиторія достаточно многолюдна. На свѣжаго человѣка эти знаки одобренія и порицанія, привѣтствія и прощанія, производятъ впечатлѣніе чего-то грубаго, аляповатаго. Мы допскивались, почему вошли въ обычай именно эти неудобные знаки. Оказывается, что они стоятъ въ связи съ привычкой нѣмецкихъ студентовъ записывать лекціи: чтобы не отрываться отъ записыванія они выражаютъ одобреніе профессору не руками, а ногами. Относительно Trampeln'а это понятно, но Scharren?!.. Очевидно, у всякаго свое!

думать, что аудиторія была пристыжена; но на самомъ дѣлѣ она была озлоблена этимъ „посягательствомъ на науку“: это озлобленіе сказалось на другой день въ томъ, что имя почтеннаго профессора (въ объявленіи на дверяхъ аудиторіи) было мальчишески замазано и зачеркнуто. Этотъ фактъ очень характеристиченъ. Онъ наглядно показываетъ, что на протяженіи 40—30 послѣднихъ лѣтъ въ настроеніи умовъ Германіи произошелъ радикальный переворотъ: прежній священный и трепетный культъ жрецовъ и пророковъ возвышеннаго, хотя и безпочвеннаго, заоблачнаго идеализма, смѣнился теперь прозаичнымъ, лишеннымъ свѣжихъ порывовъ молодости, преклоненіемъ предъ *работами* и *работниками* (характерное выраженіе—точно рѣчь идетъ о ремеслѣ!) въ области „точнаго знанія“.

Постановка точнаго діагноза такого тонкаго явленія какъ „оскудѣніе идеализма“ въ Германіи, конечно, дѣло нелегкое, но не совсѣмъ невозможное. Именно, и въ данномъ случаѣ, какъ уже и прежде однажды, намъ могутъ оказать немалую услугу сухіе и повидимому безсодержательные отчеты хроникъ Берлинскаго Университета. Просматривая эти хроники, мы поражаемся сравнительно очень незначительнымъ процентнымъ отношеніемъ числа студентовъ, изучающихъ такъ называемыя гуманитарныя науки (философія, филологія, исторія и литература) и особенно науки спеціально философскія, къ общему числу студентовъ, а такъ-же—отношеніемъ представляемыхъ въ университетѣ на соисканіе степени философскихъ работъ къ общему числу диссертацій. Такъ, въ текущій семестръ (зимній семестръ 189 $^1/_2$ уч. года) изъ общаго числа имматрикулированныхъ студентовъ 5,371, группу гуманитарныхъ наукъ изучали только 801 студ. (тогда какъ медицину 1410, jura—1595), а спеціально философскія науки—всего лишь 236 чел. Это очень немного, особенно если принять во вниманіе, что изъ этого общаго числа штудировавшихъ философію *143 иностранца!* Еще краснорѣчивѣе слѣдующая справка: изъ числа 259 докторскихъ диссертацій 18$^{89}/_{90}$ уч. года *только одна* философскаго характера (тогда какъ медицинскихъ 151); изъ числа 241 диссерт. 18$^{90}/_{91}$ г. философская диссертація также *только одна* (медиц. 146) и т. д. Не совсѣмъ лишено въ данномъ случаѣ значенія также и то обстоятельство, что

знаменитые нѣкогда философскіе ферейны и семинаріумы при университетѣ совсѣмъ прекратили свое, и вообще за послѣднее время, какъ слышно, довольно вялое, существованіе—очевидно, по недостатку къ нимъ интереса. Если мы примемъ теперь во вниманіе, что какъ университетскія диссертаціи по философіи, такъ и большинство философскихъ работъ, которыя предлагаетъ современный книжный рынокъ Германіи, носятъ крайне спеціальный характеръ (по преимуществу изъ области исторіи философіи, какъ напр.: „теорія познанія Спенсера", „понятіе о субстанціи отъ Абеляра до Спинозы" и т. д.): то для насъ сдѣлается совершенно очевиднымъ фактъ, что и въ область философской мысли проникъ изъ другихъ сферъ современнаго знанія тотъ нездоровый для нея духъ крайней спеціализаціи, который грозитъ превратить жрецовъ высшей мудрости и возбудителей высшихъ идеаловъ въ такихъ же *работниковъ* спеціалистовъ, служащихъ лишь практическимъ цѣлямъ и интересу дня, въ какихъ уже превратились многіе представители современнаго знанія. Все это показываетъ, что духъ философской продуктивности, которымъ отмѣчена исторія нѣмецкаго просвѣщенія въ первую половину текущаго столѣтія, отлетаетъ.

Мы не можемъ, конечно взять на себя задачи выяснить всѣ причины этого явленія, которыя, какъ и причины всѣхъ подобныхъ переворотовъ въ умственномъ строѣ того или другого народа, очень сложны и восходятъ своими корнями къ фактамъ, на первый взглядъ не имѣющимъ съ нимъ ничего общаго. Можетъ быть на эту перемѣну не остались безъ вліянія и событія политической жизни Германіи послѣдняго времени, каковы напр. война съ французами, объединеніе разрозненныхъ нѣмецкихъ государствъ въ одинъ народъ и т. д.; еще болѣе вѣроятно, что на ней отразилось общее вліяніе времени, обусловленное очарованіемъ новыхъ открытій въ сферѣ техническихъ и прикладныхъ знаній, которыя не могли не отуманивать даже и „глубокомысленныхъ" нѣмцевъ, какъ и другіе народы крайняго запада: все это и многое другое подобное, что отвлекаетъ вниманіе, интересъ и силы нѣмцевъ отъ прежняго „безплоднаго" идеализма, могло конечно косвенно содѣйствовать вышеуказанной перемѣнѣ въ умственномъ строѣ Германіи.

Но оставляя въ сторонѣ второстепенные факторы, которыхъ въ предѣлахъ настоящаго письма нѣтъ, конечно, никакой возможности исчерпать, мы ограничимся лишь указаніемъ двухъ важнѣйшихъ причинъ указанной перемѣны, изъ которыхъ одна стоитъ въ связи съ *принципомъ и развитіемъ протестантскаго богословія, а* другая—*съ характеромъ новѣйшихъ движеній въ области философіи.*

Въ предыдущемъ письмѣ мы пытались доказать, что въ сферѣ религіозно-практической принципъ протестантизма есть принципъ самопротиворѣчивый: протестантизмъ,—таковъ существенный смыслъ нашего предыдущаго письма,— манитъ человѣка призракомъ свободы, но когда, свергнувъ, подъ вліяніемъ этого обольщенія, иго законности и превратившись въ произволъ, свобода начинаетъ грозить разложеніемъ соціальному строю, онъ снова накидываетъ на него узду неволи, которая, конечно, переносится тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ избалованнѣе становится воля, и такимъ образомъ, безсознательно, самъ того не вѣдая, подготовляетъ окончательное торжество въ практической сферѣ своеволію или— выражаясь излюбленнымъ современнымъ терминомъ,—подготовляетъ царство „автономіи", оно-же есть и царство внѣрелигіозной, „естественной" жизни, всегда имѣющее тенденцію возставать на Господа и на Христа Его, какъ мы это видимъ между прочимъ и нынѣ, въ оппозиціи со стороны невѣрія противъ поборниковъ христіанскаго идеализма. Тоже можно сказать теперь о принципѣ протестантизма и въ сферѣ мысли. Здѣсь имъ обусловленъ рядъ противорѣчій, которыя фактически, какъ показываетъ исторія, разрѣшаются путемъ перехода мысли въ область враждебную подлинному христіанству, а въ дальнѣйшихъ выводахъ, вслѣдствіе естественной связи всякаго здраваго идеализма съ началами религіозными,—и къ тому „оскудѣнію идеализма и философской продуктивности", которое характеризируетъ умственный строй современнаго протестантскаго запада.

Общій принципъ протестантизма,—принципъ автономіи или свободы,—въ сферѣ мысли частнѣе опредѣляется какъ принципъ свободы изслѣдованія. Принципъ заманчивый! Однако, послѣдовательное проведеніе его сопряжено съ большими трудностями и прежде всего въ сферѣ мысли религіозной. Всѣ, сколько нибудь серьезно обсуждавшіе

этотъ принципъ со стороны его примѣненія къ богословской мысли,—всѣ отъ нашего высоко-благочестиваго Хомякова и до безбожника Гартмана,—не смотря на принципіальное различіе своихъ точекъ зрѣнія, сходились во мнѣніи, что этотъ принципъ, уже въ своей первоначальной формѣ, носилъ въ себѣ противорѣчіе, изъ котораго исторически развился рядъ другихъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, возставъ на защиту поруганныхъ католичествомъ правъ личнаго разума, противъ авторитета папы и догматическаго преданія Церкви, первые протестанты удержали однако Св. Писаніе и самый принципъ свой опредѣлили какъ *свободу каждаго изучать и исповѣдывать Слово Божіе* (такъ называемый *формальный* принципъ протестантизма). Но они не замѣтили, что отвергая непогрѣшимость Церкви, свидѣтельствующей о непогрѣшимости каноническихъ писаній, они тѣмъ самымъ подрывали въ корнѣ и свою вѣру въ эти послѣднія (ибо, по мѣткому выраженію А. С. Хомякова, „міръ протестантскій не имѣетъ на Библію никакого права“) и разрушительныя слѣдствія этого антилогичнаго принципа обнаружились такъ скоро, что, какъ извѣстно, уже Лютеръ желалъ, чтобы, для водворенія порядка, „снова пришло папство, хотя-бы даже со всѣми своими ужасами“. Выходъ изъ этого основнаго противорѣчія былъ двоякій: однимъ путемъ прошли такъ называемые *ортодоксалы*, которые, желая преградить потокъ введеннаго протестантизмомъ свободомыслія, выставили для своихъ послѣдователей цѣлый рядъ догматическихъ опредѣленій, узаконявшихъ между прочимъ и составъ св. канона; другимъ путемъ прошелъ такъ называемый *либеральный протестантизмъ*, который не остановился предъ логически вытекавшею изъ основнаго протестантскаго принципа необходимостью подвергнуть вопросу каноническое достоинство и самаго Св. Писанія. Что ортодоксалы, вступивъ на путь своего произвольнаго и условнаго догматизированія, тѣмъ самымъ оказались въ противорѣчіи со своимъ основнымъ принципомъ, отвергавшимъ значеніе всякаго церковнаго преданія,—это, конечно, понятно само собою. Но что и либеральный протестантизмъ, не смотря на свой радикализмъ и на свою кажущуюся послѣдовательность, въ сущности страдаетъ не менѣе грубымъ противорѣчіемъ,—это такъ же не трудно обнаружить.

Первый шагъ либеральнаго протестантизма былъ совершенно послѣдователенъ. Отвергнувъ догматическій авторитетъ Церкви и тѣмъ самымъ implicite подорвавъ вѣру въ Св. Писаніе, а слѣдов. и вѣру въ Того, Кто есть его альфа и омега, о комъ „свидѣтельствуютъ Моисей и пророки",—онъ дѣйствительно сталъ вполнѣ свободнымъ отъ *всякаго* авторитета, и либеральные богословы не замедлили въ широкихъ размѣрахъ воспользоватъся этою свободою: Сынъ плотника, Іисусъ, былъ признанъ ими равнымъ по своему значенію и авторитету съ рыбаремъ Петромъ и скинотворцемъ Павломъ. На этой почвѣ скоро развился потомъ столь извѣстный въ исторіи протестантскаго богословія „библейскій эклектизмъ"; Св. Писаніе было приравнено къ обыкновеннымъ произведеніямъ человѣческаго духа и изъ него стали заимствовать лишь то, что согласовалось съ субъективнымъ пониманіемъ каждаго или съ столько-же субъективнымъ настроеніемъ вѣка и времени. Все это со стороны либеральнаго протестантизма, конечно, совершенно понятно. Въ самомъ дѣлѣ, кто не дорожитъ сущностью христіанства, тотъ можетъ цитовать Св. Писаніе лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ цитуетъ поэтовъ и другихъ писателей, т. е. просто для риторическаго украшенія рѣчи, или же потому, что въ Св. Писаніи есть удачная форма для мысли, не легко поддающейся словесному выраженію. Либеральный протестантизмъ любитъ вплетать въ своихъ проповѣдяхъ библейскія изреченія именно въ этомъ смыслѣ, но для него не существуетъ болѣе глубокой, внутренней причины, которая-бы вынуждала его искать опоры въ текстахъ Св. Писанія, такъ какъ его разумъ образуетъ единственный критерій для опредѣленія цѣнности той или другой мысли,—критерій, которымъ повѣряется и само Св. Писаніе. При такихъ условіяхъ для него все равно, взять-ли изреченіе у современнаго или классическаго, свѣтскаго или богословскаго, китайскаго. буддійскаго или христіанскаго писателя: это зависитъ единственно отъ того, гдѣ онъ найдетъ наиболѣе точное и соотвѣтствующее выраженіе для своихъ идей. Отсюда шагъ дальше, и либеральный простестантизмъ опять таки совершенно послѣдовательно приходитъ къ отрицанію всякаго другаго откровенія, кромѣ того, *которое осуществляется*

въ каждомъ пролагающемъ новые пути, творящемъ геніи. Съ этой точки зрѣнія истина для него есть не что иное, какъ результатъ историческаго развитія всѣхъ, работающихъ для достиженія истины, умовъ, между которыми Іисусъ и Его ученики могутъ занять лишь сравнительно скромное мѣсто. Другими словами, либеральный протестантизмъ, развивая послѣдовательно слѣдствія своего принципа, приходитъ наконецъ къ тому, что начинаетъ искать истину въ *исторіи философіи*, а исторія церкви и христіанскаго *богословія* принимается въ соображеніе лишь постольку, поскольку въ ней можно найти истину, основанную на *собственныхъ началахъ* человѣческаго разума, а не на мнимомъ откровеніи. Все это,—повторяемъ,—со стороны либеральнаго протестантизма совершенно послѣдовательно и понятно. Но, въ такомъ случаѣ, по какому праву онъ называется тогда христіаствомъ? Что въ немъ есть христіанскаго? Противорѣчіе между *его* подлинною тенденціею и подлиннымъ христіанствомъ на столько ясно, что его нельзя закрыть фразами и изліяніемъ ложнаго чувства, столь обычными въ писаніяхъ либеральныхъ богослововъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны либеральный протестантизмъ не хочетъ показать, что онъ разорвалъ связь съ историческимъ христіанствомъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ масса, привыкшая цѣнить непрерывность исторіи и преданія, отшатнулась-бы отъ него, и вотъ онъ удерживаетъ основные пункты христіанской метафизики—вѣру въ личнаго Бога, гетерономную этику, ученіе о личномъ безсмертіи и т. д. Но съ другой стороны, ему нельзя совершенно игнорировать и отрицательныхъ движеній внѣхристіанской философіи новаго времени, такъ какъ, въ такомъ случаѣ, образованная часть общества могла-бы обвинить его въ отсталости; и вотъ онъ, въ сущности самъ не вѣруя въ христіанскую истину, прибѣгаетъ къ самопротиворѣчивымъ компромиссамъ. Онъ предлагаетъ ученіе о безсмертіи индивидуальнаго духа, но въ тайнѣ предполагаетъ, что мы не станемъ болѣе печалиться объ этомъ сомнительномъ потустороннемъ мірѣ. Онъ учитъ о свободѣ, о благомъ Провидѣніи; но предполагаетъ, что, признавая согласно съ современнымъ естествознаніемъ, неизмѣнность законовъ природы, мы не допустимъ сверхъестественнаго вмѣшательства въ закономѣрное теченіе міро-

вой жизни. Онъ называетъ себя истиннымъ христіанствомъ „очищеннымъ отъ всѣхъ шлаковъ суевѣрія“; но въ тайнѣ предполагаетъ, что, кто знакомъ съ критикою священнаго текста, тотъ не будетъ видѣть во Христѣ ничего больше кромѣ „основателя одной изъ многихъ, хотя бы даже и лучшей религіи“. Не ясно-ли, послѣ всего этого, что въ своей сущности либеральный протестантизмъ есть явленіе совершенно самопротиворѣчивое, что всѣ его разсужденія о Христѣ, равно какъ и вся его мнимо теистическая метафизика есть не что иное, какъ фальшивый лицевой фасадъ, за которымъ скрывается зданіе совершенно инаго характера?

Эта радикальная тенденція либеральнаго протестантизма, проходящая чрезъ всю его исторію, не затерялась и въ современномъ нѣмецкомъ богословіи, не смотря на хаотическое состояніе его безконечныхъ и вѣчно враждующихъ между собою школъ. Совершенно напротивъ, тогда какъ прежде она маскировалась, хотя-бы даже эта маскировка покупалась иногда цѣною внутреннихъ противорѣчій,—теперь она совершенно сознательно выставляется въ качествѣ основнаго историческаго принципа, заправляющаго развитіемъ *подлинно-протестантскаго* богословія и для нея ищется логическое и философское оправданіе. Если какая либо изъ современныхъ богословскихъ школъ еще осталась свободною отъ этой тенденціи, то это, конечно, школа Ричля и сродная съ ней школа новокантіанцевъ (Липсіусъ, Германъ и др.). Именно то обстоятельство, что эта школа въ своей гносеологіи примыкаетъ къ самой здравой изъ современныхъ философскихъ системъ (къ системѣ Лотце и отчасти къ Канту, по скольку онъ стремился обосновать религію на нравственныхъ инстинктахъ нашей природы), а въ своемъ пониманіи христіанства осталась наиболѣе чуткою и воспріимчивою къ его основной идеѣ, идеѣ Церкви („Царство Божіе“ у Ричля), — именно это обстоятельство спасаетъ ее отъ порабощенія основной вышеуказанной тенденціи либеральнаго протестантизма. Но въ высшей степени замѣчательно то, что эта школа пользуется въ Германіи очень незначительнымъ вліяніемъ и еще меньшимъ сочувствіемъ. Извѣстный Берлинскій профессоръ богословія Отто Пфлейдереръ въ своей новой популярной монографіи

(публичныя чтенія) только одну эту школу подвергъ своему безапелляціонному осужденію и выразился между прочимъ объ ней такъ: „если вы хотите знать мое сужденіе объ этой *лжеименной мудрости* (1 Тимоө.; 6, 20) въ двухъ словахъ, то я выскажу его такъ: что въ ней хорошо, то не ново (т. е. взято у Канта), а что ново, то нехорошо" (разумѣется ученіе о Церкви—„Царствѣ Божіемъ", которое Пфлейдереръ истолковываетъ какъ „церковный соціализмъ"; см. его брошюру: Die Entwickelung der Protestantischen Theologie seit Kant, Berlin 1892, S. 33—4). Мы, конечно, понимаемъ, что со стороны Пфлейдерера такой рѣзкій отзывъ есть не что иное, какъ oratio pro domo sua — полемическая выходка противъ главы враждебной ему школы. Но этотъ отзывъ важенъ для насъ въ нѣкоторомъ другомъ отношеніи: если *только* эта школа навлекаетъ на себя столь рѣзкое негодованіе главы неогегельянскаго богословія (Пфлейдереръ), а со всѣми остальными онъ въ большей или меньшей степени солидаренъ: то это значитъ, что у всѣхъ остальныхъ школъ тенденція общая и именно та самая, противоположная Ричлевой, тенденція, которая составляетъ и душу школы неогегельянской, т. е. тенденція стараго либеральнаго протестантизма. Такъ именно это и есть, —по крайней мѣрѣ по истолкованіямъ Пфлейдерера.

Трудно, конечно, ожидать полной объективности отъ историка-гегельянца, какъ-бы ни былъ высокъ его научный авторитетъ: нужно держаться взглядовъ, *принципіально* противоположныхъ его собственнымъ, чтобы не попасть въ число *моментовъ единаго діалектическаго* процесса, который гегельянцы такъ любятъ повсюду усматривать. И вотъ почему, когда гегельянецъ Пфлейдереръ въ своей вышеуказанной брошюрѣ открываетъ одну общую тенденцію во всѣхъ протестантскихъ богословскихъ школахъ текущаго столѣтія, — и въ раціоналистическомъ богословіи первой трети вѣка, и у Шлеймахера, несмотря на его склоненіе „въ христологіи къ супранатализму догмы", и въ лѣвой гегельянской (Штраусъ, — Фейербахъ), и въ „исторической школѣ библейской критики" (Павлюсъ-Бауръ) и т. д., — мы въ правѣ отнести значительную долю согласія, находимаго въ столь разнохарактерныхъ теченіяхъ богословской мысли, именно на счетъ его гегельянства. За всѣмъ тѣмъ,

въ его выводахъ останется еще весьма значительная доля, у которой, при всей осторожности, едва-ли можно отрицать объективный характеръ,—соотвѣтствующій дѣйствительному, объективному зерну историческаго процесса. Это „зерно“ очень просто. Благодаря совмѣстной работѣ современныхъ представителей богословія,—такъ резюмируетъ свои выводы Пфлейдереръ,—„мы получаемъ теперь въ области священной исторіи вмѣсто традиціоннаго нагроможденія всевозможныхъ чудесныхъ фактовъ и загадокъ, дѣйствительно понятную исторію, *единый процессъ развитія человѣческаго духа*, въ которомъ новыя религіозно-нравственныя идеи, родившіяся въ душѣ героевъ духа въ тяжелыя времена житейскихъ бурь и бѣдствій, лишь мало по малу, путемъ упорной борьбы съ противодѣйствующими силами получаютъ свое значеніе и власть; это—*подлинно человѣческая* исторія: ткань проявленій божественной силы и человѣческой слабости, повсюду чудесная и полная божественнаго откровенія, но нигдѣ не прерываемая чудесами и сама никогда не прерывающая своими внезапными и непонятными скачками законосообразную связь событій и порядокъ міра. Конечно, дѣйствующая въ этомъ процессѣ и имъ руководящая сила есть Духъ Божій; но онъ дѣйствуетъ не какъ-либо иначе, а точно такъ-же, какъ и въ настоящее время среди насъ и въ насъ(?!)... Древнее ученіе о богодухновенности Св. Писанія не преподается нынѣ ни въ Лейпцигѣ, ни въ Эрлангенѣ: лютеране *Канисъ* и *Деличъ* тамъ, *Гофманъ* и *Франкъ* здѣсь открыто и совершенно ясно отъ него отказались“(!!). Далѣе, современная христологія есть „открытая уступка распространенной въ наше время потребности въ исторически и *человѣчески развивающейся жизни Іисуса*“, вслѣдствіе чего Богъ Слово низводится до „простой потенціальности“, а во Христѣ не видятъ ничего болѣе, кромѣ „общечеловѣческаго богоподобія“ (die gottebenbildliche Anlage des Menschen), такъ что Онъ является не болѣе, какъ „главою и начинателемъ новаго человѣчества“. Сообразно съ этимъ и въ современныхъ спекулятивныхъ построеніяхъ троичности, „второе лицо является не столько собственно Богомъ, сколько идеальнымъ человѣкомъ“ и т. д. (см. стр. 25—8 passim). Очевидно мы вступаемъ здѣсь въ знакомый уже намъ кругъ представленій и даже выраженій стараго

либеральнаго протестантизма: здѣсь и тамъ одинаково принципъ искупленія, если только еще говорятъ объ немъ, понимается отвлеченно и отдѣляется отъ исторической личности Іисуса Христа, вслѣдствіе чего Онъ уже не признается Искупителемъ въ христіанскомъ смыслѣ этого слова, а лишь—„первымъ по времени проявленіемъ принципа искупленія, основателемъ Церкви, въ которой оно совершается, образцемъ, символической персонификаціей принципа искупленія, религіозно-нравственнымъ или эстетическимъ идеаломъ, созданнымъ воображеніемъ первыхъ христіанъ", философскимъ идеаломъ человѣчества вообще и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ связь богословія съ подлиннымъ христіанствомъ очевидно порывается *).

Что неувѣренность протестантскаго богословія въ безусловной истинѣ христіанства должна дурно отражаться въ другихъ сферахъ мысли, даже и въ томъ случаѣ, если она не переходитъ въ открытое нападеніе на него и выражается лишь въ уступкахъ невѣрію, въ нерѣшительности тона, въ колебаніяхъ и въ самопротиворѣчіяхъ, — это, конечно, вполнѣ естественно. Связь различныхъ сферъ мысли между собой гораздо тѣснѣе, и вредное вліяніе потемнѣнія въ мыслящемъ сознаніи христіанскаго идеала на направленіе и успѣхи различныхъ отраслей знанія гораздо значительнѣе, чѣмъ какъ это обыкновенно принято думать. Въ самомъ дѣлѣ, если христіанскій идеалъ настолько померкъ въ сознаніи народа и вѣка, что даже его призванные истолкователи и защитники дозволяютъ себѣ къ нему двусмысленное отношеніе, то какъ къ нему отнесется представитель „свѣтской науки"? Онъ поставитъ себѣ въ заслугу, если займетъ въ отношеніи къ нему позицію скептической воздержности и упорно станетъ его игнорировать. Это, конечно, честнѣе легкомысленныхъ нападковъ и некритическаго quasi-научнаго осужденія, въ чемъ,—увы!—теперь также нѣтъ недостатка; но для осуществленія верховной задачи истиннаго просвѣщенія, для преобразованія мысли по духу

*) Довольно объективное изложеніе, а также мѣткую и въ общемъ вѣрную, хотя и проникнутую односторонними тенденціями, критику главныхъ богословскихъ школъ современной Германіи можно найдти въ сочиненіи Эдуарда *Гартмана:* Die Krisis des Christenthums in der modernen Theologie Berl. 1882.

христіанства и даже для успѣховъ самихъ специальныхъ наукъ такое скептически-воздержанное отношеніе къ христіанской истинѣ, по меньшей мѣрѣ, совершенно безплодно. Но оно не только безплодно, а положительно вредно въ сферѣ знанія, изслѣдующей тѣже самыя проблемы, рѣшеніе которыхъ даетъ и христіанская метафизика,—въ сферѣ философіи. Здѣсь, по самой сущности дѣла, всякое не *pro* есть уже *contra*,—всякая боязнь солидарности съ христіанскою догматикою косвенно есть уже оппозиція къ ней, болѣе или менѣе разрушительная и для нея и для самой системы.

Именно это потемнѣніе въ мыслящемъ сознаніи христіанскаго идеала есть, по нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ (если не самая главная), появленія на западѣ такихъ странныхъ продуктовъ философскаго творчества, которыми ознаменованы двѣ послѣднія трети нашего вѣка. Великіе идеалисты начала текущаго столѣтія относились къ христіанству, по меньшей мѣрѣ, серьезно, и если изъ за ихъ усилій вложить въ него „*высшій* смыслъ“ все же довольно прозрачно просвѣчивала иногда гордость философскаго ума, упоеннаго сознаніемъ своего мнимаго превосходства, то этотъ грѣхъ отчасти искупался ихъ несомнѣнно искреннимъ ревнованіемъ по истинѣ, а съ другой стороны, такъ сказать трагичностью ихъ положенія: все живое въ нихъ порабощено стихійною силою ихъ абстрактной личности, которая, будучи разъ возведена въ верховный принципъ мысли, неумолимо требовала для себя жертвъ, какъ-бы ни были иногда дороги и цѣнны для *цѣльнаго* человѣка эти жертвы. Но за то—что̀ мы видимъ въ исторіи Германской философіи дальше? „Честолюбивые фараоны“ мысли громоздятъ въ небо одну пирамиду за другою—одна другой причудливѣе, одна другой страннѣе. „Лѣвая гегельянская“ (Молешотъ-Бюхнеръ-Штраусъ-Фейербахъ) пересаживаетъ на германскую почву вовсе не сродный ей англо-французскій матеріализмъ; Шопенгауеръ (и позднѣе нѣсколько въ иномъ духѣ Гартманъ), отвернувшись отъ христіанской философіи, добываютъ свою дешевую мудрость изъ глубокаго и темнаго, погруженнаго въ квіетизмъ и сонъ, востока,—у буддистовъ съ ихъ безутѣшнымъ нытьемъ и сѣтованіемъ на міровое зло; новѣйшіе гилозоисты

(Кцольбе, Цёлльнеръ, Геккель) оживляютъ вѣру архаической философіи (Ѳалесъ-Эмпедоклъ) въ абсолютную творческую силу живой матеріи; „философъ дѣйствительности“, утопистъ-соціологъ Дюрингъ проповѣдуетъ какую-то странную полуматеріалистическую, полуидеалистическую, теорію, распадающуюся отъ внутренняго противорѣчія, и однако, по его убѣжденію, способную замѣнить христіанскую метафизику; наконецъ, надъ всѣмъ этимъ распростираетъ легкую прозрачную дымку полускептическаго идеализма новокантіанецъ Ланге и его школа... Конечно, слабыя искры свѣта, исходящія изъ болѣе здравыхъ теченій новой философской мысли въ Германіи (Лотце и представители „этическаго теизма“—Фихте младшій, Ульрици и др., а отчасти, пожалуй, и Вундтъ) не въ состояніи прорѣзать эту „хаоса бытность довременну“ на столько глубоко, чтобы освѣтить правильнымъ свѣтомъ всѣ ея глубокія и опасныя мысленныя стремнины и пропасти и такимъ образомъ предостеречь отъ гибели умы неосторожно-отважные, но неопытные *). Если мы прибавимъ теперь къ этому, что далеко не всѣ представители современнаго естествознанія на столько благородны, чтобы какъ извѣстный Дю-Буа-Реймонъ открыто заявлять о некомпетентности естествознанія въ рѣшеніи „вѣчныхъ вопросовъ“ и что, вопреки этому похвальному примѣру, они очень часто переходятъ въ отношеніи къ христіанству въ догматическое отрицаніе: то мы легко можемъ себѣ представить, съ какими трудностями должна быть сопряжена выработка единаго міросозерцанія изъ этихъ разнохарактерныхъ и противоборствующихъ элементовъ для человѣка съ ними знакомаго, ими увлекавшагося, и какъ много шансовъ, что „самостоятельно добываемое“ міросозерцаніе получитъ окраску, чуждую возвышеннаго характера христіанскаго идеализма. Что, при такихъ условіяхъ, многіе косные и робкіе умы, подобно евангельской Маѳѣ, легко могутъ предпочесть попеченію о „единомъ на потребу“ безпокойную житейскую сутолоку и прозаичную заботу о „насущныхъ вопросахъ“, оставивъ въ сторонѣ всякій идеализмъ, — объ этомъ, послѣ всего сказаннаго, конечно, достаточно лишь напомнить.

*) О современномъ состояніи философской мысли въ Германіи см. нашу книгу: „*Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи*“.

Такъ что-жъ теперь дѣлать? Что дѣлать въ виду этого несомнѣннаго, по крайне не желательнаго и опаснаго для будущаго развитія Германіи, „оскудѣнія идеализма?“ вотъ вопросъ, который смущаетъ здѣсь нынѣ очень и очень многихъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, конечно, можетъ быть только одинъ: если естественный историческій процессъ подкопалъ христіанскій идеализмъ, то его нужно возстановить по крайней мѣрѣ искусственно. Этотъ вопросъ объ „искусственной культурѣ“ идеализма есть теперь самый жгучій вопросъ, настойчиво требующій своего рѣшенія. Мы уже говорили въ предыдущемъ письмѣ, что онъ смущаетъ правящіе классы; но онъ не менѣе смущаетъ и людей частныхъ, хотя, конечно, всякаго по своему. Если правительство видитъ единственный исходъ изъ современнаго броженія умовъ въ рѣшительномъ, твердомъ и возможно быстромъ поворотѣ къ *вѣроисповѣдному христіанству*: то люди частные, извѣрившись наконецъ въ состоятельность и жизненность извѣстныхъ имъ формъ христіанства — католичества и протестантизма, предлагаютъ *отказаться отъ всякихъ вѣроисповѣдныхъ формъ*, чтобы хотя этою цѣною сохранить истинное зерно „свободнаго отъ всякой условной и спорной догматики“ христіанства (какъ будто *такое* христіанство еще можетъ остаться христіанствомъ?!). Присматриваясь къ современнымъ движеніямъ, направляющимся къ указанной цѣли, мы можемъ различить два основныхъ типа такихъ движеній: одинъ характера чисто теоретическаго, другой по преимуществу практическаго.

Представителемъ перваго типа движеній служатъ упомянутый уже нами въ предыдущемъ письмѣ полковникъ Егиди, написавшій рядъ брошюръ съ призывомъ къ религіозной реформѣ. Эти брошюры сами по себѣ не представляютъ ничего особеннаго. Іхъ писали и прежде, пишутъ и теперь очень многіе, кромѣ Егиди: беретъ-ли авторъ тономъ выше или тономъ ниже, пишетъ-ли онъ радикальнѣе или умѣреннѣе — въ общемъ это немного значитъ. Но вотъ, наконецъ, мы дождались и „особеннаго“, которое, впрочемъ, казалось, уже давно носится въ воздухѣ. На дняхъ (въ 20-хъ числахъ февраля по нов. ст.), этотъ самый неутомимый полковникъ Егиди *чрезъ посредство 40 нѣмецкихъ газетъ разослалъ 600,000 экз. своего „воззванія“* (Auf-

ruf zur Verbreitung des Gedankens „Einiges Christenthums", подписано 21 февр. 1892 г.), которое сверхъ того, по его просьбѣ, было единовременно перепечатано многими другими газетами (см. Vossische Zeitung, № 95). Это уже, очевидно, начало перехода отъ слова къ дѣлу, изъ позиціи выжидательной въ наступательную,—первый шагъ, за которымъ, вѣроятно, послѣдуютъ и другіе: здѣсь подобные примѣры заразительнѣе, чѣмъ гдѣ-либо!

„Серьезное движеніе проходитъ чрезъ наше отечество",—такъ начинаетъ Егиди,—„повсюду чувствуется потребность въбольшемъ согласіи и мирѣ". „Вмѣсто того, чтобы и впредь раздѣляться на католиковъ, протестантовъ и другихъ христіанъ, соединимся лучше въ *христіанствѣ*; вмѣсто того, чтобы обособляться другъ отъ друга въ качествѣ христіанъ, іудеевъ и послѣдователей другихъ религіозныхъ общинъ сойдемся въ *религіи!*" Вѣра есть личное неприкосновенное дѣло каждаго. „Идущія изстари положенія, ученія и исповѣданія, считаемыя характернымъ признакомъ „церкви", „іудейства", „религіозной общины", „секты", теряютъ теперь свое значеніе, въ смыслѣ признаковъ религіи. Обособленныхъ религіозныхъ общинъ теперь нѣтъ. Вмѣсто того мы образуемъ единое всеобъемлющее религіозное общеніе, совпадающее съ понятіемъ общежитія, общества, народа, націи, государства, отечества, человѣчества, при чемъ вовсе не важно должно-ли христіанство разрѣшиться въ человѣчество, или человѣчество въ христіанство". Спорамъ и партіямъ здѣсь мѣста быть не должно Дѣло идетъ не о чемъ-либо второстепенномъ и не важномъ; нѣтъ, здѣсь ставится вопросъ о коренномъ преобразованіи всей нашей жизни,—о совершенномъ измѣненіи всего порядка вещей,—на столько полномъ, что досолѣ лишь очень не многіе могли это себѣ представить. А это мыслимо лишь подъ условіемъ безвозвратнаго отказа (unter rückhaltlosem Aufgeben) отъ того міросозерцанія, которое хотя и находитъ свое объясненіе въ общемъ, руководимомъ провидѣніемъ, планѣ развитія, однако не должно намъ препятствовать, когда наступило „исполненіе временъ", ввести христіанство въ новую сферу развитія". А время пришло. *Наше* поколѣніе призвано исполнить обѣтованіе христіанства. *Культурный человѣкъ* созрѣлъ, доросъ до сознанія этого своего высо-

каго назначенія. Каждый долженъ поэтому содѣйствовать теперь распространенію этихъ мыслей—и трудомъ и деньгами. Только такимъ путемъ мы можемъ исцѣлиться отъ соціальныхъ золъ. „Не станемъ обманываться! Теперь есть только одно средство обезпечить для *всѣхъ языковъ* то благо, которое имъ даровано рожденіемъ Спасителя (ein Mittel, „allem Volke" das Heil zu erhalten, das ihm mit der Heiland Geburt wiederfahren). Это средство—*религія безъ догмата, христіанство безъ исповѣданія* (sic!). Къ *такой* религіи, къ *такому* христіанству обратятся всѣ". Кто отказывается отъ содѣйствія распространенію мыслей этого „единаго христіанства", тотъ не имѣетъ права жаловаться на тѣ бѣдствія, которыя иначе неизбѣжно долженъ породить настоящій строй мысли и характеръ жизни. Только „единое христіанство" способно привести къ конечной и окончательной побѣдѣ всего дѣйствительнаго надъ призрачнымъ, естественнаго надъ измышленнымъ, всего желаемаго Богомъ надъ людскими заблужденіями. Знамя развернуто! Всѣ мы, дѣти одной страны, собравшись,—безъ внѣшней, впрочемъ, связи и только соединившись въ духѣ,—ожидаемъ своихъ благородныхъ вождей, своихъ князей. Только *подъ ихъ водительствомъ* вступимъ мы въ новое время". Тогда алтарь и тронъ преобразятся предъ нами и облекутся въ новое сіяніе: тогда и только тогда „высокое мѣсто" будетъ стоять непоколебимо твердо, а иначе не спасутъ его „ни кони, ни всадники"! „Конечно, предоставляется высокому покровителю страны стремиться къ соединенію съ другими націями и въ этомъ понятіи единаго христіанства; но мы надѣемся и заботимся (?), чтобы и онѣ подготовились къ такому объединенію. Восторженное и благородное ликованіе пройдетъ по всѣмъ странамъ, когда мы увидимъ, что гербъ Гогенцоллерновъ взвился — на этотъ разъ затѣмъ, чтобы возвѣстить міру: *на землѣ миръ*! Священный трепетъ наполняетъ нашу душу,—такъ заканчиваетъ Егиди: наступаетъ время, которое будетъ отмѣчено великимъ шагомъ въ развитіи человѣческаго рода; этимъ шагомъ начинается *исполненіе христіанства*".

Не смотря на то, что въ нѣмецкія головы ударила разомъ картечь изъ цѣлаго милліона такихъ воззваній, онѣ вовсе не были ею взволнованы и озадачены Двѣ-три скром-

ныхъ сходки, два-три безплодныхъ дебата, — вотъ все, что, по сообщенію нѣмецкихъ газетъ, пока вызвано этимъ инцидентомъ. Никакого замѣтнаго движенія, никакого броженія умовъ, никакого одушевленія не вызвано воззваніемъ, не смотря на весь его піэтистическо - патріотическій паѳосъ; видно, возвѣщаемое Егиди „исполненіе временъ“ еще не наступило. Въ объясненіе этой постигшей Егиди неудачи нѣмецкія газеты указываютъ на то, что онъ напрасно - де примѣшалъ къ своему проэкту *религіозной* реформы политическую тенденцію и нѣсколько *рано* заговорилъ о необходимости денежной помощи, призывъ къ которой въ подобныхъ случаяхъ, какъ извѣстно, всегда охлаждаетъ даже и самыя горячія головы и т. д. Но, по нашему мнѣнію, причина неуспѣха гораздо проще. Она заключается *въ очевидной для всякаго безсмысленности и самопротиворѣчивости* воззванія! Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое представляетъ изъ себя это воззваніе въ своей логической основѣ? Это самый несостоятельный конгломератъ радикально противололожныхъ элементовъ. Это—націоналистическій космополитизмъ, язычествующее христіанство, совершенно незаконно связывающее себя съ именемъ нашего Спасителя; словомъ, это—горячій снѣгъ! Какъ ни сбиты съ толку нѣмецкія головы, какъ ни затуманены онѣ различными хитростями: но и онѣ не могли, конечно, не замѣтить внутренней несогласованности и неупорядоченности этихъ quasi— „серьезныхъ мыслей“ отставнаго полковника...

Другой типъ современныхъ движеній, направленныхъ къ оживленію угасающаго идеализма,носитъ, какъ мы уже сказали, по преимуществу практическій характеръ. Самымъ выдающимся явленіемъ этого рода служитъ Берлинскій „христіанскій союзъ молодыхъ людей“ (Christlicher Verein junger Männer zu Berlin), весьма симпатичное учрежденіе, напоминающее наши братства, хотя и не чуждое нѣкоторыхъ специфически-нѣмецкихъ странностей и не совсѣмъ свободное отъ вышеуказанной тенденціи съютить подъ своимъ кровомъ всѣхъ,—безъ различія не только исповѣданій, но и вѣръ (въ 1890 г. между сочленами помѣчены два „израильтянина“, что едва-ли мирится съ названіемъ общества „христіанскимъ“). Благодаря любезности президента общества, императорскаго оберъ-лѣсничаго г-на *Роткирха* (Königl.

Oberförster Rothkirch), въ высшей степени обязательно предложившаго намъ свою готовность ознакомить съ устройствомъ общества, мы имѣемъ возможность дать объ немъ точныя свѣдѣнія, — не позволяя себѣ, впрочемъ, входить въ излишнія подробности, не имѣющія отношенія къ настоящему „письму“.

„Общество, — читаемъ мы во 2 § его устава, — имѣетъ своею цѣлью въ своемъ собственномъ, спеціально для сего сооруженномъ зданіи, служить молодымъ людямъ, путемъ христіанской заботливости о нихъ, путемъ назидательныхъ, учебныхъ и дѣловыхъ собраній, общаго пѣнія, музыки, фехтованія, предоставленія въ нихъ пользованіе библіотеки, читальни, а также публичныхъ чтеній и другихъ подобныхъ средствъ. Въ частности оно: 1) стремится содѣйствовать установленію тѣснаго общенія между христіанскими молодыми людьми Берлина всѣхъ сословій въ цѣляхъ общей миссіи и ради споспѣшествованія осуществленію царствія Божія (zur Förderung des Reiches Gottes); 2) братски помогаетъ совѣтомъ и дѣломъ издалека прибывающимъ сюда молодымъ людямъ; 3) особенно заботится о привлеченіи къ себѣ молодыхъ людей, удалившихся отъ Бога, чтобы такимъ образомъ снова пріобрѣсти ихъ для Господа и Его Церкви“. Эта общая задача достигается Verein'омъ посредствомъ раздѣленія его сочленовъ на маленькіе кружки или отдѣленія съ болѣе узкими и спеціальными задачами, каковы отдѣленія: ремесленниковъ, купцовъ, студентовъ, булочниковъ, книгопродавцевъ, кёльнеровъ, парикмахеровъ, солдатъ, скандинавцевъ (sic), юношей, дѣтей и, наконецъ, въ самое послѣднее время — послѣдователей „бѣлаго креста“. Функціи каждаго изъ названныхъ подраздѣленій ферейна понятны изъ ихъ названій, но о послѣднемъ необходимо сказать нѣсколько словъ особенно. „Общество бѣлаго креста“ имѣетъ своею задачею пробужденіе и воспитаніе въ своихъ молодыхъ сочленахъ чувства цѣломудрія. „Я, нижеподписавшійся, — такъ гласитъ текстъ обѣта, напечатанный на членской книжкѣ, — съ *помощью Божіею* принимаю на себя слѣдующій обѣтъ: 1) относиться съ уваженіемъ ко всѣмъ особамъ женскаго пола и по мѣрѣ силъ защищать ихъ отъ всякихъ оскорбленій и униженій; 2) избѣгать всякихъ непристойныхъ выраженій, двусмысленныхъ шутокъ и

тѣлодвиженій; 3) признавать законъ цѣломудрія равно обязательнымъ какъ для мужчины, такъ для женщины; 4) распространять подобные же взгляды и между своими сверстниками, а также наблюдать за своими младшими братьями и помогать имъ; 5) прилежно пользоваться словомъ Божіимъ и Таинствомъ, чтобы быть въ состояніи исполнять заповѣдь о цѣломудріи". Важность выполненія этого обѣта подкрѣплена цѣлымъ рядомъ удачно выбранныхъ текстовъ св Писанія (Римл. 6, 6; Гал. 5, 24; 2 Тим. 2, 24; Мо. 5, 8; Іоа. 15, 5; 1 Іоа. 1, 7; Іак. 4, 7; 1 Кор. 6, 18—19; Пс. 51, 12), житейскими сентенціями, приглашающими къ серьезности, труду, вниманію къ себѣ и т. д., и наконецъ одною медицинскою справкою такого содержанія: „что чистая и нравственная жизнь будто - бы вредна для здоровья,—это по нашему, единогласно высказываемому здѣсь опыту, совершенно ложно. Мы не знаемъ ни о какомъ вредѣ или разслабленіи, которые бы могли возникнуть изъ совершенно чистой и нравственной жизни" (Medicinalcollegium der Universität Christiania). Идея „бѣлаго креста", судя по отчетамъ, принимаетъ за послѣднее время центральное значеніе среди другихъ задачъ общества.

Таковы задачи и стремленія „христіанскаго ферейна". Повидимому, они не очень расходятся и съ дѣйствительностью. Большое, помѣстительное (въ три этажа) зданіе ферейна расположено не далеко отъ центра Берлина на одной изъ людныхъ улицъ (Wilhelm Str. 34) и устроено весьма раціонально. Достаточное количество отдѣльныхъ комнатъ обезпечиваетъ возможность совмѣстныхъ собраній многочисленныхъ вышеупомянутыхъ кружковъ ферейна и, сверхъ того, обширный, прекрасный въ акустическомъ отношеніи и красиво обставленный общій залъ даетъ возможность устраивать общія собранія съ неограниченнымъ числомъ посѣтителей. Въ зданіи стоитъ великолѣпный рояль и другіе музыкальные инструменты. Библіотека, кромѣ книгъ, предлагаетъ въ распоряженіе посѣтителей свыше 250 ежедневныхъ газетъ и журналовъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Въ зданіи устроенъ буфетъ, въ которомъ за недорогую плату можно получать свѣжія кушанія, но изъ напитковъ—лишь не одуряющіе сорта пива. Распорядители и прислуга очень выдержаны и вѣжливы,—совершенно свободны отъ всякихъ

видовъ на Trinkgeld. Кто посѣтитъ ферейнъ разъ, тотъ навѣрное будетъ посѣщать его и впредь. Но, — такова людская косность! — посѣщаетъ его всетаки сравнительно не много народу. Ферейнъ имѣетъ свою газету (Monatlicher Anzeiger), въ которой между прочимъ объявляетъ впередъ дни, часы и цѣль собраній и которую во множествѣ экземпляровъ раздаетъ безплатно; сверхъ того онъ расклеиваетъ множество объявленій; нѣкоторые изъ его болѣе ревностныхъ членовъ почью при входахъ въ дурныя танцовальныя собранія и др. подобныя мѣста раздаютъ листочки, предостерегающіе отъ грозящей въ этихъ притонахъ молодымъ людямъ опасности и приглашающіе въ ферейнъ, вмѣсто Tanzlokalen и т. д., и всетаки, не смотря на все это, среднее число посѣтителей ферейна менѣе, чѣмъ по нашему мнѣнію можно ожидать. — Кромѣ этой ближайшей и непосредственной задачи пріютить и такимъ образомъ уберечь отъ растлѣвающаго вліянія Берлина молодыхъ людей, особенно живущихъ внѣ семьи, ферейнъ, какъ видно изъ его ежегодныхъ отчетовъ, выполняетъ въ довольно значительныхъ размѣрахъ и другія задачи, входящія въ программу его устава, какъ то: заботится о пріисканіи мѣстъ для безпріютныхъ юношей, посылаетъ своихъ сочленовъ навѣщать больныхъ и говорить поученія — особенно въ противовѣсъ ораторамъ соціалъ-демократовъ, открываетъ воскресныя школы и даже иногда выдѣляетъ изъ себя дѣятелей и для внѣшней миссіи.

21-го января текущаго года студенческое отдѣленіе ферейна праздновало свой годичный праздникъ (Vereinsabend), который, какъ и всякій нѣмецкій, а тѣмъ болѣе студенческій праздникъ, не могъ, конечно, обойтись безъ рѣчи. Ее произносилъ на этотъ разъ, по приглашенію ферейна, популярнѣйшій Берлинскій профессоръ, Гарнакъ, который какъ значилось на пригласительномъ билетѣ, имѣлъ произнести Vortrag изъ области темы: *„безнравственные народы осуждены на гибель“*. Къ 8 ч. вечера общій залъ ферейна переполнился публикою, жаждавшею услышать популярнаго профессора. Странное впечатлѣніе производила эта аудиторія! Предъ каждымъ посѣтителемъ лежала Gesangbuch и рядомъ съ нею такъ же почти предъ каждымъ стояла кружка пива (легкаго, впрочемъ) и рѣдко у кого не было въ зу-

бахъ сигары: совершенно по-нѣмецки — какая-то смѣсь піэтизма съ ресторацнымъ благодушіемъ! — Пропустивши „академическую четверть“, Гарнакъ взошелъ на каѳедру; предсѣдатель пригласилъ собраніе пропѣть указанный имъ гимнъ изъ Gesangbuch и затѣмъ профессоръ началъ. Надо ему отдать честь: онъ говорилъ свободно, легко, образно и даже проникновенно. Извинившись передъ слушателями въ томъ, что вслѣдствіе какихъ-то недоразумѣній тема рѣчи на пригласительныхъ билетахъ была формулирована не совсѣмъ строго, онъ сказалъ въ общихъ чертахъ приблизительно слѣдующее:

„Мм. гг.! Среди современнаго общества распространено мнѣніе, будто наше время, въ нравственномъ отношеніи, очень дурно, — хуже, чѣмъ времена прошлыя Этотъ вредный, парализующій наши силы и добрыя начинанія, предразсудокъ, однако, совершенно не вѣренъ исторически. Не заходя въ глубокую древность и некасаясь мерзкихъ культовъ Астарты иВаала, напомню только, напр., хотя-бы о раскопкахъ Геркулана и Помпеи. Хороши также и нравы среднихъ вѣковъ, когда лица, добровольно связавшія себя строгими обѣтами, какъ мы узнаемъ изъ ихъ собственныхъ писемъ, находили, что путешествіе по Италіи теряетъ всю прелесть, если въ компаніи нѣтъ спутницъ извѣстнаго разбора. Даже и гораздо ближе къ намъ, въ обществѣ современномъ Гёте, напр., какъ мы узнаемъ изъ нѣкоторыхъ его произведеній, уровень нравственности былъ таковъ, что намъ никакъ не приходится ему завидовать. Еще ближе къ намъ: 30 — 40 лѣтъ тому назадъ, дама не могла путешествовать по Германіи одна, а теперь свободно и смѣло можетъ на это рѣшиться. Итакъ въ развитіи общественной нравственности нужно признать несомнѣнный историческій прогрессъ, и нашъ ферейнъ есть одно изъ проявленій такого прогресса: онъ преслѣдуетъ въ высшей степени высокія, истинно христіанскія задачи помогать ближнимъ въ ихъ борьбѣ съ двумя самыми страшными бичами человѣчества, — съ двумя пороками, вытекающими изъ двухъ инстинктовъ нашей природы: самосохраненія и продолженія рода. Чтобы понимать истинный духъ дѣятельности общества и быть его живыми членами, нужно хорошо уяснить себѣ, какъ учитъ христіанство бороться съ этими недугами. Его правила просты и сводятся къ двумъ

слѣдующимъ; строжайшее вниманіе къ себѣ и безкорыстная любовь къ другимъ. Христіанство учитъ ненавидѣть грѣхъ и порокъ въ себѣ и въ другихъ, но любить людей грѣшныхъ и порочныхъ. Полицейское преслѣдованіе, казернированіе порока и др. подобныя мѣры не исцѣлятъ общество: исцѣленіе одно,—въ дѣятельной взаимопомощи, проникнутой духомъ христіанской любви“. Затѣмъ умѣлою рукою, въ цѣломъ рядѣ удачно выбранныхъ примѣровъ, ораторъ начерталъ картину высокой и чистой жизни первыхъ христіанскихъ обществъ, какъ достойный идеалъ для подражанія. Но тутъ профессоръ какъ будто спохватился, да и было отъ чего: въ самомъ дѣлѣ, въ обществѣ безусловный прогрессъ, вслѣдствіе чего достигнутая нами ступень нравственнаго развитія есть, очевидно, наивысшая, а идеалъ,—не отвлеченно поставленный, а конкретный, уже нашедшій свое воплощеніе въ жизни, — остался *позади!* Какъ это такъ? Замѣтивши эту трудность профессоръ, формулировавшій ее впрочемъ нѣсколько иначе, сказалъ нѣчто въ ея разъясненіе и устраненіе, но—намъ не показалось его разъясненіе убѣдительнымъ; даже больше, оно показалось намъ,—sit venia verbo!—простымъ ученымъ Kunststück'омъ, „Мнѣ могутъ возразить,—такъ приблизительно сказалъ ораторъ,—что мы, достигшіе, по вашей теоріи, высшаго сравнительно уровня нравственнаго развитія, не считаемъ однако его болѣе приблизившимся къ идеалу и вовсе не можемъ успокоиться и смотрѣть на жизнь оптимистически. Это, мм. гг., совершенно понятно: *съ ростомъ общества въ интеллектуальномъ и моральномъ отношеніи ростетъ и его идеалъ,* а вмѣстѣ съ нимъ и недовольство собою, своею жизнью“. Что-же, — должны ли были слушатели вывести изъ этихъ словъ заключеніе, что нашъ нравственный идеалъ сталъ выше, чѣмъ идеалъ первыхъ христіанъ? Но тогда, къ чему было рисовать этотъ послѣдній и приглашать къ руководству имъ? Или какъ иначе? Во всякомъ случаѣ здѣсь есть что-то несообразное. Вотъ и всегда то такъ: сначала нѣмецкій профессоръ говоритъ какъ будто ладно—доказательно и фактично, а потомъ вдругъ запутается въ какую нибудь свою нѣмецкую идею и—вся рѣчь изрѣшечивается! За всѣмъ тѣмъ въ рѣчи оставалось много хорошаго и притомъ она заканчивалась такимъ неподдѣльнымъ паѳосомъ.

что аудиторія по праву наградила оратора шумными апплодисментами. По окончаніи рѣчи, предсѣдатель общества формулировалъ ее по *пунктамъ*: г. профессоръ говорилъ, во 1-хъ, о томъ; во 2-хъ, о томъ и т. д. Это было вовсе не лишне для аудиторіи, добрая половина которой состояла изъ пекарей, переплетчиковъ, парикмахеровъ, солдатъ и т. д.; затѣмъ вечеръ прошелъ обычнымъ порядкомъ — въ пѣніи гимновъ изъ Gesangbuch, музыкѣ, разсужденіяхъ и преніяхъ на соотвѣтствующія темы и закончился (въ $^1/_2$ 11) въ Andachtszimmer „вечернею молитвою", состоявшею изъ чтенія Евангелія, пѣнія и совмѣстнаго произношенія Vater unser. — Мы провели этотъ вечеръ съ интересомъ и удовольствіемъ и искренно рекомендуемъ это удовольствіе и другимъ русскимъ посѣтителямъ Берлина. Что этотъ видъ дѣятельности можетъ принести свою долю пользы для оживленія угасающаго христіанскаго идеализма — это, конечно, не подлежитъ спору.

Когда мы уже заканчивали это письмо, *Фоссова газета* въ одномъ изъ своихъ безчисленныхъ приложеній принесла намъ популярно-научный трактатъ о „происхожденіи и сущности религіи" (Entstehung und Wesen der Religion, von Ludwid Henning). Своимъ трактатомъ авторъ, какъ онъ заявляетъ въ первыхъ строкахъ, хочетъ содѣйствовать проясненію понятій о данномъ предметѣ, „смутность которыхъ съ такою ясностью обнаружилась при обсужденіи школьнаго законопроэкта". Ознакомившись съ трактатомъ автора, мы нашли, однако, что его взгляды изъ всѣхъ смутныхъ можетъ быть самые смутные, изъ всѣхъ спорныхъ самые спорные: это самое некритичное сочетаніе модныхъ современныхъ теорій анимистической и эвгемеристической, скрѣпленное, впрочемъ, соотвѣтствующими справками и ссылками на авторитеты. Я увѣренъ, что если завтра заговорить о школьномъ законопроектѣ съ нѣмцемъ средней руки, достаточно состоятельнымъ, чтобы выписывать довольно дорогую Vossische Zeitung, и сохранившимъ достаточно интереса къ теоретическимъ вопросамъ, чтобы не оставить указанный Artikel непрочитаннымъ, то онъ будетъ ссылаться, при своихъ нападкахъ на ненавистный законопроектъ, на это *послѣднее слово науки*. Вотъ по истинѣ *„плоды просвѣщенія"*! И попробуйте убѣдить его, что онъ вмѣстѣ съ авторомъ ци-

туемой имъ статьи, глубоко ошибается! Какъ,—возразитъ онъ,—Тэйлоръ, Каспари, Вайтцъ, Пешель, Ратцель (новый „авторитетъ"—авторъ „der monumentalen Völkerkunde") и, наконецъ, „Несторъ нѣмецкой философіи", Целлеръ,—всѣ они, по вашему, тоже ошибаются?!.. Что будешь отвѣчать ему на такой аргументъ? По неволѣ придется сказать въ духѣ профессора, о которомъ мы говорили въ началѣ письма: да, м. г., ошибаются и, если свои отрицательно догматическія сужденія о такихъ *трансцендентныхъ для точнаго знанія*, вопросахъ, какъ вопросъ о происхожденіи религіи и др. подобные вопросы, они высказываютъ увѣренно-категорически, то мы, съ своей стороны вполнѣ правы, не посягая на ихъ, во многихъ другихъ отношеніяхъ весьма почтенную, ученость, сказать, что *объ этихъ міровыхъ загадкахъ они все-же ничего не знаютъ...*

Берлинъ.
14 (2) марта, 1892 г.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Нравственный и соціально-экономическій строй Запада.—Деморализація Берлина.—Ея психологическая связь съ расшатанностію религіозныхъ и вообще идеальныхъ началъ жизни.—Пролетаріатъ и соціалъ-демократія.—Соціальныя условія развитія на Западѣ пролетаріата.—Превышеніе предложенія надъ спросомъ.—Реклама, какъ форма „борьбы за существованіе" въ промышленномъ и коммерческомъ мірѣ.-Недостатокъ работы.—Интеллигентный пролетаріатъ и его причины въ Германіи, по Бебелю. Передовая роль германскихъ соціалистовъ въ общемъ западномъ соціалистическомъ движеніи.—Публичные дебаты и пренія, какъ разсадникъ соціализма.—Февральскіе „кравaллы" (безпорядки).—18-е марта—праздникъ „дня рожденія" соціалъ-демократіи.—Соціалъ-демократическіе ферейны.—О средствахъ борьбы съ соціализмомъ.—Картина будущихъ соціалистическихъ порядковъ, по Рихтеру. Забота о прикрѣпленіи населенія къ землѣ, какъ „средство предотвратить соціальную революцію".—Къ характеристикѣ современнаго настроенія въ Берлинѣ: pro и contra. Парижъ.

Нигдѣ въ жизни современнаго запада противорѣчія между показною стороною и дѣйствительностію не выступаютъ такъ рѣзко, какъ въ его нравственно-экономическомъ и соціальномъ строѣ. Насъ смутитъ иногда двусмысленное отношеніе протестантскаго пастора къ христіанской истинѣ: но мы знаемъ, что вѣдь и вообще протестантизмъ не ставилъ на своемъ знамени вѣрности подлинному христіанству. Насъ озадачитъ порою скептическая улыбка, которая среди серьезныхъ и глубокомысленныхъ разъясненій вдругъ скользнетъ по лицу нѣмецкаго профессора, какъ-бы договаривая за него: „а все-таки, что-же, въ концѣ концовъ, есть истина"; но мы знаемъ, что вѣдь и догматизмъ нѣмецкой философіи

сто́итъ ея скептицизма. Все это, —говоримъ, —отчасти понятно. Но насъ положительно ужасаетъ та громада бѣдствій, которыя со всѣхъ сторонъ надвигаются на современный западъ и грозятъ въ основаніяхъ разрушить весь его настоящій соціально-экономическій строй, а вмѣстѣ съ нимъ и всю его „культуру“, - ужасаетъ именно потому, что гордый, увѣренный въ живучести и прочности своихъ „автономныхъ“ и научныхъ началъ, западъ, повидимому, все еще несклоненъ признавать надвигающуюся на него тучу во всемъ ея зловѣщемъ значеніи.

Берлинъ оффиціальный и Берлинъ дѣйствительный—это двѣ совершенно различныхъ вещи. Въ *оффиціальномъ* Берлинѣ порока нѣтъ; его казернированіе не дозволено и, поэтому, кто усвоилъ себѣ похвальное обыкновеніе не покидать своей комнаты послѣ того часа, въ который, по предписаніямъ, двери всѣхъ домовъ въ Берлинѣ должны быть заперты, тотъ можетъ благодушно думать, что и повсюду въ Берлинѣ такъ-же опрятно, спокойно и мирно, какъ въ его собственной комнатѣ. Но вотъ вдругъ какой-нибудь досадный процессъ, въ родѣ пресловутаго процесса Гейнце, колеблетъ эту блаженную увѣренность и съ осязательною очевидностію показываетъ, что въ *дѣйствительномъ* Берлинѣ порокъ не только не исчезъ, но, не будучи признанъ оффиціально, тѣмъ глубже и прочнѣе всосался въ жизнь не оффиціально и не только самъ живъ, но породилъ изъ себя другія, болѣе ужасныя, формы порока (напримѣръ Kuppelei и Zuhälterthum—этотъ истинный бичъ современнаго Берлина), которыя разъѣдаютъ злосчастное „сердце Европы“. Если самъ императоръ Вильгельмъ, съ обычною отзывчивостію и прямотою, пришелъ въ своемъ знаменитомъ и надѣлавшемъ много шуму Erlass'ѣ министерству, что „процессъ Гейнце ужасающимъ образомъ обнаружилъ (in erschreckender Weise dargeegt), что Zuhälterthum, вмѣстѣ съ необычайно распространившимся, какъ въ другихъ большихъ городахъ, такъ особенно въ Берлинѣ, порокомъ, сталъ серьезною опасностью для государства и общества“: то мы ясно убѣждаемся отсюда, что изнанка Берлинской жизни далеко не такъ благовидна, какъ ея лицевая сторона *).

*) Мы не можемъ, конечно, задерживать вниманіе читателя на этихъ фактахъ: но если-бы онъ заинтересовался указаннымъ вопросомъ, мы от-

И было-бы не трудно иллюстрировать это обобщеніе соотвѣтствующими фактами...

Безъ сомнѣнія, главнѣйшею причиною этой деморализаціи служитъ именно та расшатанность религіозныхъ и вообще идеальныхъ началъ жизни, о которой мы говорили въ своихъ предыдущихъ письмахъ. Въ душѣ современнаго западнаго человѣка, какъ и въ западномъ городѣ, такъ сказать, нѣтъ центра. Безъ Кремля, безъ святыни, безъ кремлевскихъ соборовъ и дворцовъ, западный городъ съ своими однообразными исполинскими зданіями является повсюду одинаково значительнымъ или пожалуй, смотря по взгляду, повсюду одинаково незначительнымъ,—какъ слабо дифференцированный животный организмъ, у котораго каждая часть одинаково способна къ изолированной жизни; такъ точно и въ душѣ современнаго западнаго человѣка, загасившаго священный огонь идеала, каждая часть, каждое движеніе, каждая страсть является одинаково значительною, одинаково законною, требующею одинаковаго удовлетворенія,—ничего центральнаго, ничего объединяющаго раздробленныя силы духа, ничего вдохновлящаго на подвигъ борьбы со зломъ! Послѣ утомительно-долгаго дѣловаго дня, послѣ чрезмѣрной отупляющей работы, когда душа уже утратила способность къ чистому и спокойному наслажденію, „культурный" человѣкъ съ лихорадочною поспѣшностію бросается къ безсмысленнымъ и шумнымъ удовольствіямъ, при чемъ всѣ средства забыться являются одинаково законными, ибо изъ души переставшей томиться духовною жаждою, уже не раздается болѣе ни одного протеста. Тамъ, гдѣ нѣтъ способности къ чистому духовному наслажденію, тамъ являются болѣзненныя *потребности*, которыя растутъ съ ужасающею быстротою, такъ какъ скопленіе въ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ богатствъ открываетъ широкія двери къ удовлетворенію этихъ потребностей всѣмъ тѣмъ, сердце которыхъ внутри черство. Люди дичаютъ въ

сылаемъ его къ интересной и поучительной брошюрѣ юриста *Friedmann*'а (Die wahren Lehren des Heinzscen Prozesses für Sitten und Rechtspflege. Berl. 1891), гдѣ на стр. 12 онъ найдетъ и упомянутый нами въ текстѣ Erlass императора Вильгельма II. Интересны также происходившіе по этому поводу дебаты въ нынѣшнюю сессію Рейхстага (см. Vossische Ztg. №104 и слѣд.).

нравственномъ отношеніи, не сохраняя ни внимательности, ни участія ни для чего, что находится внѣ круга ихъ удовольствій. Симпатія, сочувствіе къ страданіямъ ближнихъ исчезаетъ. такъ какъ душа, опьяняемая удовольствіями, не сохраняетъ уже болѣе способности къ пониманію положенія другаго. Съ уничтоженіемъ нравственныхъ узъ угасаетъ стыдъ, который удерживалъ бы отъ слишкомъ роскошныхъ наслажденій, а при этомъ становится уже просто дѣломъ вкуса, ищетъ-ли человѣкъ забвенія въ томъ, что тѣшитъ свои чувственныя страсти, игрушкою которыхъ является униженный пролетаріатъ, или, обративъ государственныя формы и обуздывающіе своеволіе законы въ призракъ, съ звѣрскою кровожадностію начинаетъ наслаждаться страданіемъ тѣхъ, кого судьба отдала въ его власть. Не случайное въ самомъ дѣлѣ явленіе, что именно на препрославленной „культурной“ германской почвѣ возрасли тѣ ужасы, разоблаченіемъ которыхъ недавно изумилъ міръ извѣстный военный приказъ принца Георга Саксонскаго! Вѣдь если, какъ заявилъ одинъ депутатъ Рейхстага при обсужденіи этого вопроса (см. протоколы засѣд. отъ 16 февр.), „палачами являются не только нижніе чины, но и офицеры германской арміи,—и при томъ именно тѣ офицеры, которые въ обществѣ играютъ роль и которыхъ особенно любятъ дамы за вѣжливость и утонченное обращеніе“; если, далѣе, и самъ канцлеръ, уклонившись „отъ перемыванія грязнаго бѣлья передъ иностранцами“, не отрицалъ, однако, самаго факта и въ оправданіе этого „*огрубѣнія*“ (слѣдовало-бы сказать: *одичанія*) офицеровъ нашелъ возможнымъ сказать лишь то, что оно происходитъ съ людьми *еще до ихъ поступленія въ армію* (!): то какъ иначе, послѣ всего этого, мы должны представить себѣ современное германское „интеллигентное общество“, какъ не въ тѣхъ именно чертахъ, которыми мы только-что его характеризовали? Не ясно-ли, что у культурнаго человѣка, не смотря на весь его лоскъ и блескъ, все таки „душа убываетъ“?..

Само собою понятно, что когда центръ жизни переставленъ, когда всеобщимъ лозунгомъ сдѣлалось прославленное Гораціево *carpe diem*, а на мѣсто забытыхъ или отвергнутыхъ положительныхъ началъ жизни не поставлено ничего новаго, тогда образуется благопріятная почва для произро-

станія всякихъ не нормальныхъ явленій до пролетаріата и соціалъ-демократіи,—этихъ самыхъ зловѣщихъ тучъ на горизонтѣ современнаго запада, —включительно. Было-бы, конечно, съ нашей стороны не расчетливою смѣлостью браться за выясненіе *специальныхъ* источниковъ соціальнаго зла, по вопросу о которомъ, какъ извѣстно, существуетъ такая громадная литература, что изученіе ея могло-бы наполнить многіе годы. Но указать главныя его причины, — что, конечно, для достиженія полноты въ нашей характеристикѣ западной дѣйствительности, необходимо, —можно и не выходя изъ предѣловъ самой элементарной общности.

„Превышеніе предложенія надъ спросомъ" -вотъ къ какой краткой формулѣ, какъ извѣстно, сводятся всѣ разсужденія современныхъ политико-экономистовъ о *спеціальныхъ* причинахъ развитія на западѣ пролетаріата и соціалъ-демократіи. Мы увидимъ далѣе, что этою формулою не исчерпывается вся сущность дѣла; но есть въ ней и элементъ несомнѣнно истинный. Дѣйствительно, кто видѣлъ собственными глазами, какое множество рукъ тянется здѣсь за работою и какой значительный процентъ все-таки ея не получаетъ, тотъ пойметъ весь многосодержательный реальный смыслъ этой краткой формулы. Преобладаніе предложенія надъ спросомъ, варіируясь въ различныхъ формахъ, дѣйствительно выступаетъ здѣсь повсюду, начиная съ уличныхъ рекламъ и кончая солидною конкурренціею на занятіе профессорской ординатуры.

Наше время есть время рекламы,—этой своеобразной формы „борьбы за существованіе" въ промышленномъ и коммерческомъ мірѣ. Говорятъ, что реклама всего больше развита въ Америкѣ: „если ты хочешь помѣстить долларъ въ какое-нибудь предпріятіе",—говоритъ практичный американецъ, — „то заготовь сначала другой, чтобы сдѣлать извѣстнымъ свое предпріятіе"! Но кажется и другимъ городамъ западной Европы и въ частности Берлину уже немного остается догонять американцевъ. Въ Берлинѣ реклама является въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: въ формѣ газетныхъ объявленій (въ большихъ газетахъ, какъ напр. въ *Фоссовой*, заполняющихъ иногда 6 7 листовъ и превыщающихъ въ 2—3 раза самый текстъ), въ формѣ расклеиваемыхъ повсюду „плакатовъ", билетиковъ, которые на

большихъ улицахъ чуть не насильно всовываются въ руки проходящимъ, въ формѣ яркихъ вывѣсокъ, которыя возятся на особыхъ экипажахъ, иногда съ позвонками, и носятся повсюду какими-нибудь странными субъектами (Sandwichmänner), иногда, и даже по преимуществу, не европейской расы и т. д. А посмотрите, какъ фабрикуются эти объявленія! Въ большинствѣ случаевъ хотятъ обратить вниманіе не только яркостію и размѣромъ „плаката", но также и его оригинальностью и остроуміемъ,—дешевымъ, конечно. Напр., на самомъ верху громаднаго ярко раскрашеннаго листа исполинскими литтерами напечатано: „а знаете-ли Вы, кто такое N. N.? Это — совершенно обыкновенный смертный; но при устройствѣ концертовъ онъ незамѣнимъ" и т. д.—начинается длинная повѣсть о томъ, гдѣ, когда и за какую плату можно имѣть удовольствіе слушать концерты этого „незамѣнимаго обыкновеннаго смертнаго". Или еще примѣръ. Ѣдетъ ярко раскрашенная повозка—довольно странная и на ней объявленіе: „эта карета везетъ каждаго желающаго безплатно въ ресторанъ (Local) x". Иногда безцѣльно скользящій по колоннѣ объявленій (такія колонны чуть не на каждомъ углу) глазъ вдругъ встрѣчаетъ, напр., такое странное воззваніе: „о Констанція, возвратись къ своему раскаявшемуся супругу"! Невольно подходишь ближе и начинаешь читать дальше. Что такое? Вопль покинутаго? Семейная драма? Ничуть не бывало! Это — заглавіе новаго романа, появляющагося въ какомъ-нибудь забытомъ „листкѣ" и тутъ-же, дальше совѣтъ: „кто недоволенъ своею газетою, пусть абонируется на этотъ листокъ, въ которомъ печатается такой интересный романъ". Или, напр., вамъ всовываютъ вдругъ въ руку на дорогѣ билетикъ; вы опускаете на него глаза и съ изумленіемъ читаете лаконическое заявленіе: „стыдитесь, однако"! Какъ? что такое? Разгадка на другой сторонѣ билетика: „стыдитесь за свои дурно вычищенные сапоги; купите за 20 пфенниговъ ваксы тамъ-то" и т. д. Другой билетикъ начинается такими словами: „подержите это у лампы или у печки". Заинтересовавшись оригинальной шуткой, вы приносите билетикъ домой и тамъ, при помощи лампы, прочитываете напечатанное на немъ извѣстными „невидимыми"—кобальтовыми чернилами объявленіе о какомъ-нибудь новомъ мясномъ эк-

страктѣ. Словомъ, подобному остроумію конца нѣтъ и, если брать всѣ объявленія, которыя раздаются на улицахъ Берлина, то можно каждый день набивать всѣ свои карманы и иногда не безъ успѣха замѣнять ими дѣланное остроуміе какого-нибудь низкопробнаго нѣмецкаго quasi-сатирическаго журнала.

Конечно, все это относится прежде всего къ области берлинскихъ курьезовъ. Но есть въ этихъ курьезахъ и серьезная сторона. И въ самомъ дѣлѣ, если даже мы будемъ смотрѣть на рекламы глазами американца, т. е. будемъ видѣть въ нихъ совершенно невинное средство обратить вниманіе на какое-нибудь солидное и „реальное“ предпріятіе; то и въ такомъ случаѣ они будутъ свидѣтельствовать о нѣкоторой ненормальности въ экономическомъ строѣ западнаго города,—о превышеніи предложенія надъ спросомъ или, выражаясь языкомъ современной вульгаризованной политико-экономической науки, о „перепроизводствѣ“ (Ueberproduktion) продуктовъ промышленности, которые далеко превосходятъ „покупную силу“ (Kaufkraft) народа и поэтому не могутъ быть своевременно „перевариваемы желудкомъ рынка“ (Marktmagen). А если мы допустимъ (чего, конечно, и нельзя недопустить), что въ большинствѣ случаевъ, если только не во всѣхъ, на рекламы нужно смотрѣть не американскими, а самыми обыкновенными глазами, т. е. видѣть въ ней *рекламу* въ техническомъ смыслѣ этого слова и ничего болѣе, тогда перспектива будетъ еще печальнѣе. Именно, то впечатлѣніе дешевизны, при солидности и изяществѣ,—впечатлѣніе, которое, какъ мы говорили въ своемъ первомъ письмѣ, невольно появляется у посѣтителя Берлина, впервые проходящаго мимо увѣшенныхъ всевозможными объявленіями исполинскихъ оконъ его магазиновъ,—при ознакомленіи съ системою берлинскихъ рекламъ, должно значительно ослабѣть. И дѣйствительно, поживешь въ Берлинѣ и узнаешь, что дешево въ немъ только то, что никому и ни для чего не нужно; а все дѣйствительно цѣнное цѣнно и въ Берлинѣ; предметы-же насущной потребности не только цѣнны, но и баснословно дороги (1 ф. мяса, напр., стоитъ отъ марки до 2 мрк., т. е. отъ 45—50 к. до 1 рубля). И сами берлинцы никогда уже не соблазняются рекламною дешевизною, равно

какъ и фиктивною „распродажею“, подставными „аукціонами“ и пр.

Итакъ, рабочія руки въ Германіи производятъ гораздо больше, чѣмъ въ силахъ поглотить германскій рынокъ. Но и при такомъ „перепроизводствѣ“ далеко не всѣ рабочія руки заняты. Статистика послѣднихъ лѣтъ показываетъ, что, вслѣдствіе различныхъ осложненій „аграрнаго вопроса“ въ Германіи, деревенское населеніе съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе стягивается въ центры промышленности и торговли, города непропорціонально выростаютъ на счетъ деревень *), такъ что различные „предприниматели“, не смотря на всю свою изобрѣтательность, не могутъ доставить работу всѣмъ. Вслѣдствіе этого къ работѣ начинаетъ стремиться столько рукъ, что заработная плата падаетъ; а это обстоятельство, въ связи съ прогрессивнымъ наростаніемъ населенія, порождаетъ нищету и единственное спасеніе отъ самой крайней нищеты есть принятіе работы *за какую угодно плату*. И принимаютъ! Загляните на окраины Берлина, гдѣ скучены всевозможныя фабрики и заводы, и вы увидите, какая масса оставшихся безъ работы постоянно дежуритъ у всѣхъ фабричныхъ воротъ, „дожидаясь очереди“. Или зайдите когда-нибудь на Zimmerstrasse около 4—5 ч., когда выходитъ Lokalanzeiger и посмотрите, съ какою жадностію расхватываются листы Anzeiger'а, содержащіе объявленіе о „мѣстахъ“, безчисленною толпою пролетаріевъ обоего пола! А всевозможныя „конторы“ и „справочныя бюро“, такъ-же всегда переполнены массою

*) Напр., съ 1-го декабря 1880 г. по 1-е декабря 1885 г. населеніе Германіи возрасло на 1,6 милліон.; но деревенское населеніе за это время *уменьшилось* на 113,000 человѣкъ, тогда какъ городское напротивъ на 1,700,000 *увеличилось*. Всего яснѣе это ненормальное соотношеніе городскаго и деревенскаго населенія можно прослѣдить, наприм., на маленькой саксонской провинціи: въ 1834 г. ея населеніе состояло изъ 1,590,000, изъ которыхъ 1,070,000 приходилось на деревни и только 520,000 на города; между тѣмъ какъ въ 1885 г. изъ общаго числа жителей 3,180.000 на города приходилось уже 1,340.000 противъ 1,840,000 сельскаго населенія: слѣдов. 20% сельскаго населенія въ Саксоніи передвинулось въ города, которые т. о. въ теченіе 50 лѣтъ возрасли почти на 240%, тогда какъ деревни только на 77%! См. брошюру: Papst Leo XIII, Feldmarschal Moltke und ihre Bekämpfung der Socialdemocratie, Berl 1892, S. 21.— Много числовыхъ данныхъ этого рода у Бебеля (ниже).

нуждающихся, готовыхъ взять *всякое* дѣло дѣйствительно *за какую угодно плату* и по большей части за такую, которой едва хватаетъ на прожитіе въ какомъ-нибудь безвоздушномъ и безсвѣтномъ подземельи или въ „монсардѣ“ шестаго-седьмаго этажа.

Таже самая „борьба за существованіе“, за кусокъ хлѣба повторяется и въ другихъ сферахъ западной жизни; здѣсь замѣчается не только „перепроизводство товаровъ“, но— выражаясь опять-таки терминами современныхъ соціологовъ, и „перепроизводство интеллигенціи“ (Ueberproduktion an Intelligenz). „Германія,—говоритъ авторъ популярнѣйшаго соціально и политико-экономическаго трактата: die Frau und der Socialismus (10-е изд. Stuttgart, 1891), Бебель, —Германія есть классическая страна перепроизводства интеллигенціи и образованія. Одно обстоятельство, служившее въ теченіе столѣтій истиннымъ несчастіемъ для нѣмецкаго развитія, существенно содѣйствовало этому,—именно, раздробленность нѣмецкаго государства (Kleinstaaterei— мелкогосударствіе). Вслѣдствіе этой раздробленности духовная жизнь народа была децентрализована: повсюду образовывались маленькіе духовные центры, которые распространяли свое вліяніе и около себя. Многочисленные дворы съ своими правительствами нуждались въ несравненно большемъ числѣ получившихъ высшее образованіе чиновниковъ, чѣмъ правительство централизованное. Такимъ образомъ высшія школы и университеты возникали въ Германіи въ такомъ множествѣ, какъ ни въ какой другой странѣ Европы. Соревнованіе и честолюбіе различныхъ правительствъ играло при этомъ такъ-же не малую роль. Вмѣстѣ съ наукою развивались и искусства. Никакая другая страна Европы не имѣетъ такого громаднаго числа живописныхъ, художественныхъ и техническихъ школъ, равно какъ музеевъ, картинныхъ галлерей и пр., какъ Германія“. Этому содѣйствовала такъ-же и господствовавшая въ это время система всевозможныхъ запретовъ (Absperrungssystem— пошлины, таможни, заставы): между тѣмъ какъ другіе народы суетились, ѣздили изъ конца въ конецъ свѣта, воевали,—нѣмцы тихо сидѣли у себя дома, каждый у своего дѣла, работали, чтобы жить безбѣдно, а на досугѣ думали, учились, философствовали. „Когда съ объединеніемъ Германіи, система

запретовъ пала; когда вслѣдствіе этого стали быстро нарождаться крупные капиталисты, стягивавшіе къ себѣ всѣ нити промышленности; тогда, во-первыхъ, раззорилось множество мелкихъ ремесленниковъ, жившихъ и кормившихся прежде своимъ маленькимъ трудомъ, а теперь оставшихся, вслѣдствіе невозможности конкуррировать съ капиталами, безъ дѣла, и во-вторыхъ, осталось безъ мѣста и соотвѣтствующаго дѣла множество представителей интеллигенціи— образовался *интеллигентный пролетаріатъ*, который возрастаетъ изъ году въ годъ. Оставшіеся безъ работы ремесленники и потерявшіе мѣста чиновники, съ воспитанною при томъ уже заранѣе наклонностію къ умственному труду,— все это бросилось теперь учиться, чтобы этимъ путемъ удержаться на поверхности и не пойти ко дну въ потокѣ жизни среди всеобщей, охватившей всѣ слои, борьбы за существованіе. И вотъ реальныя школы, гимназіи, политехники и пр. растутъ теперь, какъ грибы, а существующіе всѣ уже давно переполнены. Въ подобномъ-же размѣрѣ возрастаетъ число университетскихъ студентовъ *), слушателей физическихъ и химическихъ лабораторій, всевозможныхъ художественныхъ, промышленныхъ, торговыхъ школъ, высшихъ женскихъ институтовъ и т. д. Власть въ отчаяніи и издаетъ распоряженіе за распоряженіемъ съ предостереженіемъ отъ избранія то того, то другаго фаха. Даже теологія, которая въ предшествующее десятилѣтіе грозила увянуть по недостатку кандидатовъ, даже и она получаетъ теперь свою долю среди всеобщаго переполненія" **). „Я буду учить всему, чему угодно, только дайте мнѣ мѣсто" (Ich lehre den Glauben an zehntausend Götter und Teufel, wenn's verlangt wird, schafft mir nur eine Stelle, von der ich leben kann): вотъ что раздается теперь со всѣхъ сторонъ! Министры уклоняются отъ разрѣшенія

*) Въ $184^{1}/_{2}$ учебномъ году во всѣхъ германскихъ университетахъ было 11,626 студ., а въ $188^{8}/_{9}$—29,294.

**) Интересно, что до 1881 г. число теологовъ въ университетахъ постоянно убывало и упало съ 2117 (за $184^{1}/_{2}$ г.) до 1780 (за 1876 г.—и почти до 1881); но потомъ начало быстро возрастать и теперь достигло значительной цифры 4,642 (за $188^{8}/_{9}$). Кромѣ переполненія другихъ факультетовъ Бебель указываетъ какъ на причину этого явленія, на *пробужденіе религіозности въ виду борьбы съ соціализмомъ (!).*

основывать новыя высшія учебныя заведенія, такъ какъ-де и существующія съ избыткомъ покрываютъ потребность въ кандидатахъ всѣхъ специальностей".

На этой почвѣ рабочаго и интеллигентнаго пролетаріата и выростаетъ соціализмъ и имъ-то именно, этимъ разнохарактернымъ пролетаріатомъ, и пополняются прежде всего его ряды. „Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ,—подчеркиваетъ далѣе тотъ-же авторъ,—*въ Германіи больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ міра, интеллигентнаго пролетаріата* (ученые, художники, представители такъ называемыхъ либеральныхъ профессій--юристы, врачи, писатели, архитектора и пр.), *который постоянно увеличивается и вноситъ броженіе и неудовлетворенность наличнымъ строемъ вещей повсюду—до самыхъ высшихъ круговъ общества включительно*. Такимъ образомъ въ великой, исполинской борьбѣ будущаго (?) Германія беретъ на себя передовую роль, къ которой кажется она предназначена всѣмъ своимъ развитіемъ и даже самымъ своимъ географическимъ положеніемъ, какъ сердце Европы. И вовсе не случайность, что именно нѣмцы открыли законы движенія современнаго общества и научно обосновали соціализмъ (?), какъ общественную форму будащаго (Карлъ *Марксъ*, Фридрихъ *Энгельсъ*, Фердинандъ *Лассаль* и др.). Вовсе не случайность такъ-же, что нѣмецкое соціалистическое движеніе есть важнѣйшее и значительнѣйшее въ мірѣ (!), что, далѣе, нѣмецкіе соціалисты суть піонеры, которые распространяютъ соціалистическія мысли между рабочими различныхъ народовъ (очень благовременное напоминаніе!!)". Этому нынѣ усердно служитъ и сама нѣмецкая наука, которая, послѣ того, какъ она замѣнила дедукцію индукціей и стала больше заниматься „практическими вопросами", начала быстро „демократизироваться". Масса, средній уровень образованія которой въ Германіи вообще довольно значителенъ, очень воспріимчивъ ко всякимъ будирующимъ ученіямъ, а въ агитаторахъ въ Германіи никогда недостатка не было. Такимъ образомъ соціалистическое движеніе путемъ своей литературы, журналистики, ферейновъ, собраній, путемъ *представительства въ парламентѣ* и возбуждаемой всѣми этими способами критики общественной жизни съ ея по-

рядками“ прокладываетъ себѣ вѣрную дорогу въ массу: „ремесленники и ученые, хлѣбопашцы и художники, купцы и чиновники, иногда и фабрикантъ, — словомъ представители всѣхъ сословій присоединяются къ рабочимъ и образуютъ ядро соціалистической арміи“ (Op cit. Ss. 374—381, passim.).

Только что набросанная картина распространенія въ Германіи соціализма по истинѣ ужасна! Какъ медленный ядъ, онъ постепенно и систематически пропитываетъ всѣ ткани народнаго организма, повсюду находя для себя воспріимчивую почву и благопріятныя условія. Расшатанность религіозныхъ началъ, оскудѣніе идеализма, экономическія затрудненія, подготовленность массы для воспріятія всякихъ теоретическихъ утопій,—все это теперь соединилось вмѣстѣ для того, чтобы дать торжество давно уже, впрочемъ, народившемуся злу. Особенно много содѣйствуетъ распространенію этого зла страсть нѣмцевъ обо всемъ разсуждать публично,—въ общественныхъ собраніяхъ всякаго рода, начиная съ рейхстага и кончая сходками какихъ нибудь забастовавшихъ рабочихъ, и затѣмъ повторять на всѣ лады эти дебаты путемъ печати. Недаромъ соціалисты всегда подчеркиваютъ эти дебаты и дорожатъ ими какъ „самымъ могущественнымъ средствомъ“, благодаря которому соціалистическое движеніе „дѣлаетъ успѣхи“. Нѣмцы несомнѣнно народъ много думающій; но кажется и они часто не думаютъ о томъ, что говорятъ: иначе на страницахъ нѣмецкихъ газетъ, со словъ „ораторовъ“ различныхъ „ферейновъ“, не перетряхивалось-бы ежедневно столько всевозможнаго будирующаго и сбивающаго съ толку вздору. Мы никогда не могли понять смысла этихъ всевозможныхъ нѣмецкихъ дебатовъ и преній! Въ самомъ дѣлѣ, обсуждаютъ, напр., какой-нибудь законопроэктъ въ палатѣ депутатовъ, — обсуждаютъ долго, страстно, „всесторонне,“—и послѣ того какъ всенародно, на глазахъ у цѣлаго свѣта, выражаясь словами канцлера графа Каприви, „перемыто грязное государственное бѣлье“, законопроэктъ всетаки въ концѣ концовъ сдается въ коммиссію и рѣшается съ очень малымъ вниманіемъ къ дебатамъ! Въ соціалъ демократическомъ ферейнѣ „красный“ ораторъ развиваетъ *публично* какую-нибудь quasi-научную соціалистическую утопію,—говоритъ безъ стѣсненія, „сво-

бодно“ и приводитъ слушателей въ восторгъ; но вотъ неизбѣжно присутствующій на всѣхъ такихъ ферейнахъ полицейскій коммисаръ заноситъ то или другое „выраженіе“ (странная тактика: преслѣдуются только *выраженія*, хотя-бы по своему духу вся рѣчь была красная!) въ свой протоколъ и ораторъ прямо съ трибуны переводится въ заключеніе, часто одиночное, и можетъ быть нигдѣ во всемъ мірѣ не разбирается такъ много процессовъ изъ-за *Majestätsbeléidigung* (оскорбленіе Величества), какъ именно въ Германіи. Разсуждаютъ рабочіе о сокращеніи рабочаго дня,—разсуждаютъ чуть не каждый день,—и все таки работаютъ, какъ и прежде, двѣнадцать часовъ и т. д. безъ конца. Что такое въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти дебаты, какъ не сознательный компромиссъ,—желаніе пройти невозможною срединою между теоретически-доктринерскимъ признаніемъ „въ принципѣ“ за каждымъ права выражать свое мнѣніе и практическою невозможностію допустить послѣдовательное проведеніе этого „опаснаго права“ (хорошо право!) въ дѣйствительности? Это въ сущности тоже противорѣчіе, которое мы видѣли и въ другихъ сферахъ жизни протестантскаго запада: разница только въ формѣ. Но оказываясь такимъ образомъ непослѣдовательнымъ и не имѣя на дѣйствительность почти никакого *положительно-преобразующаго* вліянія, это публичное дебатированіе имѣетъ громадное *отрицательное* вліяніе. Именно оно возбуждаетъ страсти во всѣхъ недовольныхъ элементахъ, подогрѣваетъ всѣ горячія головы, пополняетъ толпы жаждущихъ ореола славы „мученика идеи“, поселяетъ увѣренность въ собственной силѣ въ душѣ различныхъ новаторовъ и всѣми этими средствами,—повторимъ еще разъ,—подготовляетъ торжество соціализму, который съ каждымъ днемъ становится все смѣлѣе и смѣлѣе и иногда дерзко подпимаетъ свою угрожающую голову. Февральскіе берлинскіе краваллы (Cravallen—безпорядки) доказываютъ это самымъ очевиднымъ образомъ и лучше всякихъ разсужденій иллюстрируютъ развиваемую нами мысль.

Февральскіе краваллы! Объ нихъ очень много говорено и писано и почти все здѣсь писанное воспроизведено въ свое время русскими газетами. Журнальному обозрѣвателю, который отстаетъ отъ событій на цѣлые мѣсяцы, очень

трудно предложить что-нибудь свѣжее и новое. Что въ послѣднихъ числахъ Февраля улицы Берлина были запружены толпами всякаго сброда; что эти толпы были очень смѣлы и увѣрены въ себѣ; что тамъ и здѣсь они переходили въ разрушительное нападеніе, имѣвшее хищническій характеръ и обходившееся иногда очень дорого какъ самимъ хищникамъ, такъ и боровшимся съ нимъ полицейскимъ стражамъ; что въ этихъ краваллахъ принимали участіе такъ-же и „демократизированныя" женщины: все это, конечно, уже давно извѣстно и мы рисковали-бы очень наскучить, если-бы еще разъ стали повторять все это. Но за то, разсматривая событіе въ перспективѣ, мы можемъ освѣтить его съ той именно стороны, которая была просмотрѣна хроникерами, увлеченными подробностями тревожныхъ дней. Къ сожалѣнію, эта просмотрѣнная сторона представляетъ очень мало утѣшительнаго. Именно, выражая нашу мысль кратко, мы можемъ формулировать ее такъ: *несомнѣнно, февральскіе безпорядки не окончились-бы такъ сравнительно легко и скоро, еслибы изъ-за нихъ уже не виднѣлся грозный призракъ другихъ, болѣе серьезныхъ и опасныхъ волненій, которыхъ необходимо ожидать въ будущемъ и можетъ быть не весьма отдаленномъ*. Повторяемъ: это несомнѣнно. Дѣло въ томъ, что настоящіе, убѣжденные, „идейные" соціалъ-демократы (а число ихъ въ Берлинѣ легіонъ) не принимали въ этихъ безпорядкахъ никакого участія и даже не одобряли ихъ. Все это время они спокойно оставались дома и въ опасливомъ консервативномъ раздуміи покачивали головой на подвиги dummer Kerle. Они считали эти „подвиги" ниже своей подготовки, ниже своихъ силъ, а съ другой стороны опасались, какъ-бы они снова не вызвали тѣ репрессивныя мѣры, которыя отмѣнены со времени удаленія ненавистнаго соціалъ-демократамъ князя Бисмарка, и какъ-бы такимъ образомъ не отдалить „торжество соціализма". Мы видимъ, однако, что это не принципіальный протестъ противъ насильственныхъ мѣръ, а лишь временное неодобреніе ихъ при данныхъ условіяхъ,—ради сбереженія соціалъ-демократическихъ силъ „для другаго раза". Именно въ этомъ и заключается весь грозный смыслъ факта воздержности убѣжденныхъ соціалъ-демократовъ отъ февральскихъ улич-

ныхъ безпорядковъ, которая на первый взглядъ легко можетъ показаться проявленіемъ съ ихъ стороны похвальнаго благоразумія. Нѣтъ, это—двусмысленная и зловѣщая воздержность: соціалъ-демократы просто выигрываютъ время для лучшей организаціи своихъ рядовъ, окончательной выработки своихъ плановъ, дисциплинированія своихъ, какъ оказывается, всеже отчасти *dummer* Kerle, возможно широкой популяризаціи своихъ идей и „воспитанія“ массы...

А это „воспитаніе“ ведется усердно и систематически,—по всѣмъ правиламъ Контовскаго соціально-политическаго катихизиса, начиная съ соціалистическихъ праздниковъ. Эти праздники такая любопытная подробность въ жизни соціалъ-демократовъ, что мы не можемъ пройти ихъ молчаніемъ. Одинъ изъ этихъ праздниковъ—„день рожденія соціалъ-демократіи“ (18-е Марта,—другой главный праздникъ, Namenstag, имянины, справляется 1-го Мая), совершался на нашихъ глазахъ. Съ ранняго утра, хотя день былъ будничный, несмѣтныя толпы рабочихъ отовсюду направлялись на окраину Берлина—въ Friedrichshain, гдѣ находится кладбище „мартовскихъ жертвъ“ (Märzopfer) т. е. участниковъ уличныхъ безпорядковъ, имѣвшихъ мѣсто 18-го и 19-го марта 1848 г., на улицахъ Берлина. Къ 12 ч. дня площадь была буквально запружена народомъ, который терпѣливо дожидался своей очереди пройти по довольно узкимъ аллеямъ Hain'а къ могиламъ „мучениковъ“. Лица у всѣхъ серьезныя, строгія; порядокъ изумительный; несдержанные крики повсюду неизбѣжныхъ пьяныхъ дебошировъ тотъчасъ-же обуздывались самою толпою; на шляпахъ и въ петлицахъ почти у всѣхъ были приколоты красные бантики, которые тутъ-же и продавались—рядомъ съ нумерами отпечатанной въ этотъ день на красныхъ-же листахъ соціалистической газеты (Berliner Volks-Tribüne, sozial-politisches Wochenblatt), въ которой подробно были описаны событія 18—19 февр. 1848 г. въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Парижѣ; въ довершеніе всего, толпу ярко расцвѣчали своими красными шляпками, платками и накидками, не отстававшія отъ мужей и родственниковъ, дамы-соціалистки, которыхъ было такъ-же весьма много. Самое мѣсто Friedhof'а, обнесенное желѣзною рѣшеткою и обыкновенно запираемое въ предупрежденіе сходокъ, на этотъ разъ было отперто и даже

украшено красными флагами Счастливчики, добиравшіеся до „милыхъ могилъ“ быстро кланялись (оставаться по долгу было запрещено), скользили глазами по знакомымъ уже надписямъ на могильнымъ памятникахъ и еще разъ и еще тверже напечатлѣвали въ своей памяти эти характерныя лаконическія изрѣченія, на которыя соціалъ-демократы смотрятъ, конечно, какъ на девизъ своей жизни *). Тѣже самыя изрѣченія, то-же напоминаніе „жертвовать своею жизнью за свободу народа“ они уносили и въ листкахъ Volks-Tribüne, въ которой, сверхъ того, между строкъ они могли вычитать и многое другое. Конечно, воспроизводя исторію мартовскихъ безпорядковъ 1848 г., демократическая газета всеже не могла открыто приглашать къ ея повторенію. Но въ ея подчеркиваніи различныхъ трогательныхъ исторій; въ ея детальныхъ повѣствованіяхъ о томъ, какъ войска открывали огонь по „беззащитной толпѣ“, какъ тамъ и здѣсь падали „невинныя жертвы“; въ ея неоднократныхъ напоминаніяхъ, что женщины-соціалистки, воспитавшія въ себѣ чуть не религіозное благоговѣніе къ „величавой Маріаннѣ“ (grossartige Marianne—условный терминъ, означающій въ устахъ соціалиста республику), никогда не отставали отъ своихъ мужей, отцовъ и братьевъ и что, именно благодаря этому, солдаты такъ часто слагали предъ республиканцами свое оружіе; въ ея тонкихъ стратегическихъ разъясненіяхъ (къ слову, конечно!), что всякое

---

*) Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) Die Freiheit war's, wofür er sollte enden,—
Die Freiheit, die dereinstens wir vollenden (онъ умеръ за свободу,—за свободу, которой когда нибудь мы добьемся).

2) Sein letzter Will'war auch sein letztes Handeln;
Er ruft uns zu, den gleichen Weg zu wandeln (его послѣдняя воля была и его послѣднимъ дѣломъ; онъ призываетъ насъ идти тѣмъ-же путемъ).

3) Der heil' gen Freiheit galt sein schnell Erblassen;
Er hat sie uns als Erbtheil hinterlassen (изъ за святой свободы такъ померкъ свѣтъ его жизни и её-то (свободу) оставилъ онъ намъ, какъ свое завѣщаніе).

4) Im Kampfe für des Volkes Freiheit sterben,
So heisst das Testament, nach dem wie erben (умереть за свободу народа, — вотъ завѣтъ, который остался намъ въ наслѣдство).

народное движеніе, чтобы имѣть успѣхъ, должно совершаться быстро, натискомъ, отъ одного удара къ другому, отъ одной побѣды къ другой, ни на минуту не останавливаясь, такъ какъ „масса повсюду индифферентна и ея энтузіазмъ всегда зависитъ отъ успѣха и быстро охлаждается при малѣйшихъ неудачахъ“: во всемъ этомъ и многомъ другомъ, что сказано между строкъ, соціалисты съумѣютъ, конечно, вычитать цѣлую и при томъ „на историческомъ опытѣ основанную“ *программу* будущихъ дѣйствій. Когда, прочитавъ листки Volks-Tribune, мы вообразили все это; когда припомнили, что вѣдь такіе-же листки раздаются и такіе-же уроки преподаются ежегодно; то эта молчаливая, сдержанная, спокойная, но затаившая глубокую думу и, начинающая уже чувствоввать свою силу, многотысячная толпа показалась намъ несравненно грознѣе того безтолковаго, недисциплинированнаго сброда, который, взволновавъ и напугавъ Берлинъ въ февралѣ, тотъ-часъ-же и исчезъ, какъ мыльный пузырь.

По „высшею“ школою для соціалъ-демократовъ служатъ ихъ „ферейны“, на которыхъ систематически подкапываются всѣ основы современнаго строя — религіозныя, нравственныя и общественно-соціальныя. Эти ферейны устраиваются въ самыхъ разнообразныхъ помѣщеніяхъ,—начиная съ какого-нибудь третьестепеннаго театрика (въ родѣ Feenpalast) и кончая простымъ Kneip'омъ, - весьма многочисленны и разнохарактерны, Иногда они состоятъ изъ одного только Vortrag'a (лекція, чтеніе); иногда къ нему присоединяются дебаты, пѣніе соціалистическихъ пѣсенъ изъ особо составленной для этой цѣли и изданной въ Лондонѣ соціалистической книжки (Liederbuch fur das arbeitende Volk. Lond. 1891. Preis 40 pf. *), а иногда, сверхъ всего этого, и— танцы. Конечно, всѣ эти ферейны усердно сдабриваются пивомъ. Насъ очень занимали газетныя сообщенія и разсказы объ этихъ ферейнахъ и, когда представился случай ознакомиться съ ними непосредственно, мы не могли, конечно, имъ не воспользоваться. И вотъ что мы увидали. Громадный общій залъ одного укромнаго, расположеннаго въ Gartenhaus'ѣ (надворный домъ), ресторана тѣсно за-

*) Простое перелистываніе этой книжки способно смутить и озадачить человѣка: до того она груба, кощунственна, задорна!

ставленъ стульями и маленькими столиками; въ концѣ его устроена эстрада для „оратора“, а рядомъ съ нею—столъ для полицейскаго коммисара. Былъ назначенъ Vortrag „о концѣ міра“. Ко времени начала Vortrag'а залъ быстро наполнился самою разнохарактерною публикою, въ которой богатые и даже изящные дамскіе костюмы перемѣшивались съ блузами. Вотъ появился полицейскій коммисаръ, въ сопровожденіи Schutzmann'а, и разложилъ свою записную книжку на столикѣ; а за нимъ и—„ораторъ“. Это былъ нечесаный, неумытый, въ пиджакѣ на распашку „мужъ науки“ (изъ народныхъ учителей, кажется, изъ отставныхъ даже—вѣрно не знаемъ), съ развязными и какъ-бы угрожавшими манерами и важною миною. Онъ занялъ свое мѣсто на эстрадѣ рядомъ съ „предсѣдателемъ“ (все по формѣ!), раздался колокольчикъ, и Vortrag начался. Нечего, конечно, говорить, какого характера былъ этотъ Vortrag. Міръ погибнетъ такъ-же необходимо и естественно, какъ необходимо и естественно онъ возникъ. И именно погибнетъ отъ одной изъ двухъ причинъ—геологической или астрономической. Переполняющіе нѣдра земли газы могутъ въ одно несчастное время взорвать ее, какъ, по изысканіямъ ученыхъ, взорваны уже многія другія планеты; а можетъ случиться и то, что постепенно остывающее солнце, которое, какъ извѣстно, постоянно всасываетъ въ себя планетныя массы („пятна на солнцѣ“), закрывающіе его лучеиспускательную поверхность, перестанетъ въ достаточной мѣрѣ согрѣвать землю и она будетъ представлять сначала такую-же картину, какую мы видимъ теперь въ полярныхъ странахъ, а потомъ, уклонившись, вслѣдствіе смерзанія и измѣненія нормальнаго пропорціональнаго отношенія между объемомъ и вѣсомъ, съ своей орбиты, такъ-же будетъ поглощена солнцемъ и превратится въ одно изъ его „пятенъ“. Конечно, міръ погибнетъ медленно, какъ медленно онъ возникъ. Коснувшось этого послѣдняго вопроса, авторъ Vortrag'а безъ церемоніи громоздилъ милліоны лѣтъ на милліоны и въ концѣ концевъ заявилъ, что это „впрочемъ“, не важно, а главное въ томъ, что яσенъ путь, *какъ* міръ возникъ и какъ онъ погибнетъ. Автору хорошо знакомы „вѣчные и неизмѣнные элементы“ міра (атомы); съ силами природы онъ за панибрата. И вотъ на глазахъ у слушателей ораторомъ легок

созидаются и разрушаются безчисленные міры (ибо „за разрушеніемъ нашего міра родится другой“) и слушатель почти „собственными глазами“ убѣждается, что Богъ для объясненія жизни не нуженъ. Полицейскій коммиссаръ безстрастно слушаетъ эту quasi-научную проповѣдь атеизма. До конечнаго вывода и внутренняго смысла Vortrag'а ему мало дѣла. Онъ нотируетъ лишь тѣ мѣста, въ которыхъ „ораторъ вольничаетъ“,—когда, напр., говоря о томъ, что земля, вмѣстѣ съ другими планетами, должна раздѣлить ихъ участь т. е. погибнуть, онъ мимоходомъ вставляетъ „острое слово“ относительно „современности“: ибо-де „въ царствѣ природы нѣтъ различія классовъ и привиллегій, а всѣ равны и подчиняются одному закону необходимости“; или, когда, описывая печальное состояніе будущей „замерзшей земли“ и иллюстрируя его картинами полярной жизни, онъ вставляетъ мимоходомъ, что у жителей полярныхъ странъ, какъ извѣстно (?), нѣтъ ни Бога, ни нравственности, ни полиціи,— „если-молъ не считать бѣлыхъ медвѣдей, которые тамъ иногда пугаютъ людей, *вмѣсто полицейскихъ*“. Что-же выходитъ изъ этихъ нотицій? Коммиссаръ записываетъ, а публика рукоплещетъ... Въ выигрышѣ одинъ ораторъ: за свое грошевое безстрашіе и дешевое острословіе онъ, конечно, дорого не поплатится, а если и поплатимся, то попадетъ въ „мученики идеи“. Vortrag-же, благодаря всему этому, во всякомъ случаѣ плотно засядетъ въ головахъ слушателей.

Было кое-что интересное и характерное и по окончаніи Vortrag'а. Интересно было наблюдать, какъ на почвѣ соціалистическихъ идей сходились и братались „блузники“ различныхъ рабочихъ ранговъ; какъ благодаря двойному дѣйствію—пива и вытравляющихъ всякіе этическіе принципы Vortrag'овъ,—распахивались двери „соціалистическаго рая“, съ его свободою и непринужденностію; какъ какой-нибудь соціалистическій литераторъ и юмористъ, взгромоздившись на эстраду, импровизировалъ куплеты, осмѣивавшіе какое-нибудь новое мѣропріятіе или перетрепывавшіе старую и избитую тему о ненавистномъ Бисмаркѣ; какъ сиплыми голосами горланились самыя красныя пѣсни изъ Liederbuch'а и т. д. Но все это, послѣ Vortrag'а, имѣло уже интересъ дополнительный, декоративный. И при томъ, по

удаленіи коммиссара (тотчасъ послѣ Vortrag'а), въ залѣ стало такъ безпорядочно, сутолочно, душно и чадно, что мы поспѣшили отправиться домой. Но картинѣ всетаки не суждено было остаться неоконченною: дорогою она получила совершенно неожиданное дополненіе. Отецъ семейства, который ввелъ насъ въ ферейнъ, вдругъ началъ комментировать Vortrag своему подростку сыну, какъ *совершенно непреложное слово науки:* „видишь Максъ, все произошло самособою, а вы такъ въ своей школѣ" и т. д. Это насъ изумило. Мы думали, что соціалъ-демократы по крайней мѣрѣ у своихъ дѣтей не спѣшатъ вытравлять религіозныя и нравственныя начала воспитанія, которыхъ всетаки еще держится нѣмецкая школа. А оказывается!... Мы, конечно, сочли своею обязанностію парализовать этотъ комментарій и, насколько допускала воспріимчивость слушателей, разъяснили, что весь Vortrag есть небольше, какъ предположеніе (гипотеза),— предположеніе спорное, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ и положительно несогласное ни съ наукою, ни со здравымъ человѣческимъ смысломъ. Не знаемъ, какъ подѣйствовали наши слова; да и не въ этомъ единичномъ случаѣ, конечно, дѣло. Но какова общая-то картина! Вѣдь если и другіе чадолюбивые отцы преподаютъ послѣ ферейновъ своимъ дѣтямъ такіе-же уроки (а это, при нѣмецкой методичности, болѣе, чѣмъ вѣроятно); то слѣдуетъ опасаться, что подростающее поколѣніе рабочаго люда, а можетъ быть и не рабочаго только, воспитается въ понятіяхъ совершенно атеистическихъ. А тутъ еще, какъ на бѣду, школьный законопроэктъ, дававшій было надежду на болѣе прочную постановку религіознаго обученія въ Германіи, проваливается и есть основанія опасаться, что, при современомъ режимѣ, этотъ законопроэктъ будетъ замѣненъ другимъ, составленнымъ совершенно въ духѣ „новыхъ идей"!... Что-то изъ всего этого выйдетъ?!

Нельзя сказать, чтобы въ Германіи не замѣчали серьезности такого положенія дѣлъ. Нѣтъ, замѣчаютъ и сознаютъ; но отъ этого сознанія, такъ сказать, отмахиваются, какъ отъ докучливаго и тревожнаго призрака. Понимая ясно, что коренное исцѣленіе недуга потребовало-бы большой ломки и энергичныхъ мѣръ, а можетъ быть и личныхъ жертвъ, которыхъ приносить вообще никогда и нигдѣ не

любятъ, большинство успокаивается на той мысли, что „*это* еще будетъ не скоро“ и что вообще-то всѣ соціалистическіе проэкты относятся къ области неосуществимыхъ утопій. Какъ всѣ утопіи, замыслы соціалистовъ разсыплются-де сами собою: къ чему-же, при этомъ, принимать энергичныя мѣры, ломать порядки, „къ которымъ всѣ привыкли“? Нужно только ясно и убѣдительно доказать, что соціалистическія мечты суть не болѣе, какъ утопія и тогда эта мысль, согласно новой научной формулѣ, по которой „всякая мысль есть сила“, сама сдѣлаетъ свое дѣло. Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, многіе придаютъ теперь въ Германіи большое значеніе безчисленнымъ, положительно запрудившимъ нѣмецкій книжный рынокъ, „опроверженіямъ“ соціализма. Типичною формою такихъ опроверженій служитъ мастерски написанная и, поэтому, въ теченіе какихъ нибудь двухъ-трехъ мѣсяцевъ разошедшаяся въ *сотняхъ* тысячь экз., книжка извѣстнаго депутата Рейхстага, Евгенія Рихтера: *Socialdemokratische Zukunftbilder* (Berlin, 1892). Въ этой книжкѣ трогательно разсказана исторія одной честной, работающей семьи, которая сначала пламенно желала осуществленія соціалистической мечты, — главнымъ образомъ подъ вліяніемъ вышеупомянутой книги Бебеля, этого „новаго евангелія“ (!),—а потомъ, когда наступила соціалистическая ломка со всѣми ея ужасами и неустроеніемъ, прежде всѣхъ и еще пламеннѣе стала желать возвращенія прежнихъ порядковъ. Началось съ того, что соціалистическое правительство (какое-же, однако, правительсво, если „всѣ равны“?), слѣдуя принципу уничтоженія „капитализма“ и собственности, отняло у семьи всѣ честныя сбереженія, на которыя она собиралась-было праздновать свадьбу сына, а затѣмъ, по принципу равноправности и равномѣрнаго раздѣленія труда, распихало всѣхъ членовъ семьи (включая въ составъ семьи и невѣсту сына) по разнымъ городамъ, при чемъ далеко не каждый попадалъ на свое мѣсто и къ своему дѣлу; маленькія дѣти, чтобы не мѣшать работѣ родителей, были у нихъ отобраны и помѣщены въ „общественныя“ заведенія, а такъ-же и—дѣдушка; одинъ изъ двухъ ребенковъ (дѣвочка) умеръ, а мать (Павла) съ тоски по дочери, къ которой её не допускали, сошла съ ума. Въ довершеніе всѣхъ этихъ золъ невѣста (Агнесса), которая,

благодаря своей привлекательной наружности, имѣла несчастіе понравиться одному изъ дозорщиковъ надъ работами, сдѣлалась съ его стороны предметомъ нечистыхъ домогательствъ и принуждена была прибѣгнуть, какъ къ единственному средству спасенія изъ этой разнузданной среды, къ бѣгству въ Америку, куда за нею вскорѣ послѣдовалъ и женихъ, испытавшій тоже многочисленныя невзгоды. Между тѣмъ, вслѣдствіе недовольства новыми порядками, въ Германіи началась „контръ-революція,“ въ которой уже рѣшительно нельзя было разобрать, кто и за что: жертвы были безчисленныя и часто совершенно случайныя; подозрительность соціалистическаго правительства была напряжена до крайности; люди гибли и отъ революціонеровъ и отъ контръ-революціонеровъ. Погибъ въ этой всеобщей сумятицѣ и свалкѣ и глава семьи —типографщикъ Шмидтъ. Уцѣлѣлъ одинъ младшій сынъ его, — единственно потому, что бѣжалъ отъ всѣхъ этихъ ужасовъ въ Голландію. Такова печальная судьба честной семьи, созданная ей „новыми порядками“. Въ дополненіе ко всему этому, мимоходомъ Рихтеръ дѣлаетъ много мѣткихъ характеристикъ деморализованнаго „будущаго общества“ и весьма правдоподобныхъ указаній на экономическія и политическія затрудненія, которыя неизбѣжно повлечетъ за собою будущій нестройный строй, при чемъ, конечно, для Россіи и Франціи наступаетъ благопріятное время отмстить ненавистной сосѣдкѣ: онѣ начинаютъ присылать въ Германію угрожающія ноты, а затѣмъ, при ея очевидной неспособности выполнить предъявленныя къ ней требованія (уплатить долги), переходятъ въ наступательную войну, которая застаетъ Германію среди полнѣйшей дезорганизаціи, усложняемой еще повсюду ощущаемымъ недостаткомъ продовольственныхъ средствъ и истощеніемъ казны. Въ общемъ картина получается яркая, впечатлѣніе выносится цѣльное и нерасположеніе къ соціалистическимъ замысламъ безусловное.

Нѣтъ сомнѣнія, что перспективы будущаго соціалистическаго строя, намѣченная Рихтеромъ, очень могутъ отрезвить иную горячую голову, увлекающуюся соціалистическими мечтами, и съ этой точки зрѣнія всѣ подобныя „опроверженія“, конечно могутъ сослужить свою долю службы. Но не слѣдуетъ забывать, что именно въ Германіи, гдѣ такъ

развита страсть ко всякимъ дебатамъ и полемикѣ, такой способъ самообороны имѣетъ и свою обратную сторону. Дѣло въ томъ, что на каждую такую критику здѣсь появляются десятки „антикритикъ“, которыя, конечно, пишутся тѣмъ страстнѣе, чѣмъ яко-бы „несправедливѣе“ отношеніе къ „великой идеѣ“ со стороны „привеллигированной буржуазіи“ въ глазахъ поборниковъ этой идеи. При такомъ положеніи вещей, въ рядахъ соціалистовъ свободныя мѣста отпавшихъ, конечно быстро замѣстятся новыми адептами, при чемъ очень возможно, что иногда цифры распадутся такъ, что выигрышъ будетъ, въ концѣ концовъ, все-же на сторонѣ этихъ послѣднихъ. Да и независимо отъ этого, если бы противники соціализма не могли противопоставить ему ничего больше, кромѣ этихъ опроверженій, ихъ положеніе, конечно, было-бы не многимъ лучше положенія того врача, который, сидя у постели тяжело больнаго, очень ясно констатировалъ-бы его болѣзнь, но оказался-бы не въ силахъ дать ему хоть какую нибудь дѣйствительную помощь. Вотъ почему будетъ имѣть несомнѣнно большее значеніе другая, *практическая* форма, въ которой выразилось чувство самосохраненія современнаго нѣмецкаго общества въ виду надвигающейся на него со стороны соціализма опасности. Мы разумѣемъ пробудившееся за послѣднее время одновременно и въ правительственныхъ сферахъ и въ частныхъ кругахъ стремленіе и заботу *о прикрѣпленіи населенія къ землѣ, чтобы такимъ путемъ отвлечь толпы опаснаго рабочаго пролетаріата изъ городовъ и другихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ въ деревню.* Эту цѣль преслѣдуютъ особенно два, заслуживающія здѣсь упоминанія, мѣропріятія: проведенный чрезъ рейхстагъ и скрѣпленный императоромъ законъ о правѣ каждаго, принадлежащаго къ нѣмецкому государству, по достиженіи 24-лѣтняго возраста, устраивать свою осѣдлость *на собственномъ участкѣ земли* (Entwurf eines Heimstättengesetzes für das Deutsche Reich, отъ 21 Іюня, 2891 г.) и—покровительствуемое правительствомъ частное общество, которое *на очень льготныхъ условіяхъ* устраиваетъ кажому желающему, недалеко отъ Берлина (въ Riesdorfѣ — минутъ 20—30 ѣзды, по желѣзной дорогѣ), домикъ на собственномъ участкѣ, по образцу, который выстроенъ въ Берлинѣ

(недалеко отъ центра—конецъ Dorotheenstr.) и открытъ для осмотра и объясненій всякому желающему. Намъ нѣтъ надобности входить здѣсь относительно этихъ мѣропріятій въ спеціальныя подробности; но мы не можемъ не отмѣтить, хотя-бы лишь въ общихъ чертахъ, тѣ надежды, которыя теперь здѣсь на нихъ возлагаютъ, какъ на могущественное средство „предовратить путемъ соціальной *реформы* соціальную *революцію*“ (проф. Гирке), „снова націонализировать интернаціонализированные элементы“ (den Internationalisirten wieder nationalisiren), „задержать ненормально усиленное стремленіе въ составъ соціалистической арміи“ и т. д.

Вотъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда мыслей, выбранныя нами изъ безчисленныхъ статей, посвященныхъ этому вопросу въ современной нѣмецкой прессѣ. „Одно изъ самыхъ враждебныхъ культурѣ дѣйствій атомизирующаго владычества капитала (der atomisirenden Capitalherrschaft) есть увеличивающійся вмѣстѣ съ ростомъ нашего богатства недостатокъ квартиръ для бѣдныхъ. Безъ приличнаго жилища нѣтъ семьи; безъ семьи нѣтъ нравственности. Мы гордимся цивилизаціею 19-го столѣтія и блескомъ нашихъ большихъ городовъ; но этою гордостію мы доказываемъ только, что нашъ глазъ не проникаетъ дальше поверхности вещей и что мы не задумываясь проходимъ мимо настоящей отвратительной (scheusslichen) дѣйствительности. Берлинъ не тамъ, гдѣ мы видимъ его электрическое освѣщеніе, не *подъ-Липами* (unter den Linden — главная улица Берлина), не тамъ, гдѣ пѣнится шампанское и горятъ драгоцѣнные камни, не въ театрахъ, не въ музеяхъ и пр.; нѣтъ великій Берлинъ, продуктъ прироста цѣлаго милліона людей въ какой нибудь періодъ человѣческой жизни,-- этотъ Берлинъ нужно искать въ отдаленныхъ ночлежныхъ домахъ (Miethkasernen), въ надворныхъ постройкахъ, на чердакахъ, въ подвальныхъ этажахъ и т. д.“ Слоняющійся отъ чердака къ чердаку, тѣснимый нуждою, бѣднякъ (а такихъ тысячи въ Берлинѣ), хотя-бы даже интеллигентный, „превращается въ совершеннаго дикаря“, у котораго всѣ духовныя потребности, всѣ истинно-человѣческія движенія,—чувства почтительности, законности и проч. угасаютъ. Остаются лишь разнузданныя низменныя влеченія, на почвѣ которыхъ и

возрастаютъ всѣ коммунистическія и соціалистическія идеи. Массовый соціалъ-демократическій эгоизмъ (Massenegoismus), проявляющійся въ соціалистическихъ движеніяхъ, есть неизбѣжное слѣдствіе индивидуальнаго эгоизма (Individualegoismus), который, именно вслѣдствіе вышеуказанныхъ условій, развивается у нѣмецкаго рабочаго до размѣровъ эгоизма животнаго. Дайте этому рабочему *свѣтъ, воздухъ* и *собственный кровъ*, изъ котораго-бы его не грозили ежеминутно изгнать, дайте ему клокъ загородной земли, за обработкой которой, между дѣломъ, онъ могъ-бы забывать монотонную, одуряющую жизнь фабричнаго или мастероваго,—и въ немъ тотъ часъ-же проснутся угасшіе идеалы и безпринципный космополитическій соціализмъ смѣнится любовью къ отечеству, къ семьѣ, къ *своему* дому, къ *своему* клоку земли, къ своему, не подлежащему отчужденію, маленькому хозяйству. „*Отечество есть идеалъ* и, если у рабочаго есть *собственное* отечество, у него есть и *собственный* идеалъ“ и онъ уже не космополитъ, а — аристократъ (er ist aristocratisch geworden). Такимъ образомъ, „единственно надежное средство для борьбы съ соціалъ-демократіею это — основанная на историческихъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, началахъ и потому образующая одно органическое цѣлое со здравыми элементами низшихъ классовъ, какъ они воплощены въ осѣдломъ крестьянствѣ, *аристократія*“, — аристократія имѣющая свой собственный идеалъ и поэтому свою собственную развитую духовную жизнь. Съ этой точки зрѣнія,—какъ мѣтко выразился одинъ изъ депутатовъ рейхстага (Гелертъ),—„*собственныя хижины можно сравнить съ бочками, на которыхъ утвержденъ мостъ въ гавань среди безпокойно волнующагося моря:* сотня тысячъ такихъ твердыхъ пунктовъ въ странѣ обезпечила-бы на зыбучемъ пескѣ движимой собственности надежный путь *цивилизаціи*, которая уже не будетъ болѣе (какъ настоящая) однимъ пустымъ звукомъ“. Въ этой цивилизаціи, — дорисовываетъ картину одинъ пасторъ, – нашли-бы себѣ мѣсто и церкви и при нихъ школы, основанныя на религіозныхъ началахъ, въ которыхъ воспитывались-бы въ религіозномъ духѣ и нравственности, теперь обыкновенно возрастающія въ дикости, дѣти соціалъ-демократовъ. Тогда соціалистамъ не

изъ кого было-бы вербовать новобранцевъ для пополненія своихъ рядовъ *)....

Совершенно вѣрно! Это дѣйствительно надежный путь для борьбы съ угрожающимъ западу соціализмомъ и то обстоятельство, что на почвѣ только что изложенныхъ взглядовъ сошлись съ пасторомъ и капиталисты, пожертвовавшіе свои капиталы для осуществленія этихъ взглядовъ (разумѣемъ вышеназванное общество), и ученые, разработавшіе ихъ теоретически (особенно много въ данномъ случаѣ помогли дѣлу юристы — противники господства въ современномъ правѣ принциповъ права римскаго въ ущербъ принципамъ права древне-германскаго), и депутаты рейхстага, принявшіе законопроэктъ, — это обстоятельство самымъ краснорѣчивымъ образомъ доказываетъ, что въ Германіи не совсѣмъ еще утраченъ смыслъ текущаго, что еще есть люди способные оріентироваться въ положеніи вещей и находить, даже и среди спустившагося на нее сумрака, прямой путь. Къ сожалѣнію, вмѣсто „*сотни тысячъ* твердыхъ пунктовъ", которые были-бы достаточны для противодѣйствія соціализму, подъ вліяніемъ этого движенія, на лицѣ германской земли (около Берлина) появилось пока *только двѣсти*, а большинство нѣмецкой интеллигенціи и „буржуазіи" не только ничѣмъ не обнаруживаетъ наклонности содѣйствовать осуществленію разсматриваемыхъ нами мѣропріятій, но и прямо держится совершенно инаго, противоположнаго образа мыслей или, —лучше сказать,—не имѣетъ никакихъ мыслей объ этомъ предметѣ, не простираетъ сюда никакихъ заботъ и предпочитаетъ, какъ уже сказано нами, отъ угрожающихъ въ будущемъ бѣдъ просто отмахиваться.

— „Что намъ за дѣло, — такъ обыкновенно говорятъ въ Берлинѣ,—до этихъ ложныхъ страховъ? Мы имѣемъ отличную, образцово организованную полицію, которая, какъ показываютъ февральскіе опыты, съумѣетъ усмирить бунтовщиковъ. Ну, а если-бы, какъ вы ожидаете, ихъ ряды и увеличились присоединеніемъ „идейныхъ", коренныхъ соціалистовъ, такъ вѣдь у насъ на то есть и армія. А впро-

---

*) Всѣ, относящіяся, къ этому вопросу, статьи, равно какъ и самый текстъ закона (Entwurf), можно найти въ брошюрахъ: 1) Heimstättenrecht ein Recht für Jedermann, Berlin, 1891; 2) Papst Leo XIII etc.—см. выше.

чемъ, все это химеры: наши соціалъ-демократы достаточно умны, чтобы не видать, что безъ рѣзни дѣло не обойдется, а вѣдь рѣзни они не захотятъ-же"...

— Да, по во первыхъ, вы знаете, конечно, что соціализмъ проникаетъ и въ армію и, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже пускаетъ свои корни: что удивительнаго, что при такомъ положеніи вещей, солдаты сложатъ свое оружіе, когда дѣло до него дойдетъ? Вѣдь примѣры французскихъ солдатъ имъ памятны, да къ тому же Volkstribüne и другіе услужливые листки имъ ежегодно о томъ напоминаютъ во время мартовскихъ и майскихъ праздниковъ. Во вторыхъ, —и это главное,—вѣдь ваши „умные" соціалъ-демократы не говорятъ, что „*нужно* произвести революцію" или „*должно* воздержаться отъ рѣзни" (никакихъ „нужно" и „должно" для нихъ больше не существуетъ); нѣтъ, они говорятъ скромнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и внушительнѣе: „*такъ будетъ*", будетъ по неизбѣжнымъ законамъ соціальной динамики", которымъ „подвижные атомы исповѣдующаго эгоизмъ общества" повинуются съ такою-же необходимостію, съ какою атомы физическіе повинуются своимъ законамъ. Справьтесь у „апостола современнаго соціализма", Бебеля, или у популяризатора и пропагандиста новѣйшихъ соціалистическихъ доктринъ, Меринга: Вы прямо найдете этотъ тезисъ (см. напр., у *Mehring*'а: Herrn Eugen Richter's Bilder aus der Gegenwart, антикритика на вышеизложенную брошюру Рихтера, Nürnberg, 1892, S. 11). Въ данномъ случаѣ соціалъ-демократы дѣлаютъ свои выкладки относительно будущаго, какъ чистые математики. Они оперируютъ въ своихъ вычисленіяхъ съ живыми личностями, какъ съ равными и однообразными математическими единицами, у которыхъ нѣтъ никакой самопроизвольной активной реакціи на внѣшнія раздраженія,— нѣтъ самоопредѣленія, которое-бы могло поставить и держать по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сторонѣ отъ соціалистическаго движенія. И они, конечно, правы въ данномъ случаѣ. Вѣдь всѣ эти адепты новыхъ идей, которымъ различные Адамы Смиты, Марксы, Энгельсы и т. д. въ теченіе долгихъ лѣтъ вбивали въ голову, что единственно-реальная, управляющая обществомъ сила есть интересъ—умѣніе понимать свои личныя выгоды, не отвлекаясь отъ этого никакими другими „задерживающими" побуж-

деніями (напр., симпатіею), „такъ какъ изъ совокупности личныхъ выгодъ сама собою будто бы получится общая выгода, общее благо“ (?); которые, вслѣдствіе этого, при косвенномъ содѣйствіи иныхъ условій (о которыхъ рѣчь выше), возвели „спокойно и предусмотрительно разсчитывающій *интересъ недѣлимаго*“ въ верховный принципъ и, отложивъ въ сторону всѣ другіе—религіозные и нравственные мотивы дѣятельности, вытравивъ идеалъ, перестали держать въ уздѣ каждый свой личный эгоизмъ; у которыхъ, наконецъ, при утратѣ образующаго право высшаго принципа, осталось лишь одно безспорное право—право сильнаго, причемъ уже нельзя стало отыскать никакихъ основаній для предпочтенія одной формы обнаруженія этого права сравнительно съ другою: что такое, въ самомъ дѣлѣ, общество такихъ нивеллированныхъ людей, какъ не аггрегатъ чистыхъ единицъ, однообразныхъ „соціальныхъ атомовъ“, которые безъ сомнѣнія естественно устремятся туда, куда направитъ ихъ случайный механическій толчокъ? Что имъ за дѣло, будетъ-ли при этомъ рѣзня или дѣло обойдется мирно; выйдетъ-ли изъ движенія что-либо лучшее, или нѣтъ. Имъ натолковано и сами они это видятъ отчасти, что „соціальная статистика нарушена“, что „равновѣсіе общества при данныхъ условіяхъ немыслимо“: этого для чистыхъ единицъ, исповѣдующихъ „догматику соціальнаго эгоизма“, достаточно, чтобы „соціальная статистика перешла въ революціонную динамику“. Вѣдь, чтобы достаточно мотивировать свою надежду на то, что страшнаго *этого* не будетъ, вамъ необходимо доказать, что соціалъ-демократы не чистыя единицы, что они способны къ реакціи на внѣшнія раздраженія, подъ вліяніемъ противоборствующихъ имъ идеаловъ, религіозныхъ заповѣдей, нравственныхъ мотивовъ и т. д. А возметесь-ли Вы за такое доказательство?

— „Да это и безъ доказательствъ ясно! Вѣдь не можетъ-же, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ одичать настолько, чтобы утратить всѣ человѣческія свойства. Ну а что касается „расшатанности принциповъ“, которой, конечно, у нашего соціалъ-демократа отрицать нельзя; то это дѣло поправимое. Жаль, что законопроэктъ Цедлица провалился: вѣдь высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній онъ не касался, а *для народа религія пока еще нужна*“...

— Итакъ, вы обращаетесь къ религіи, какъ къ палкѣ для того, чтобы отпугнуть грозный призракъ соціализма! Она нужна только для черни, для ея обузданія и усмиренія?!

— „А хотя-бы и такъ! Нельзя-же интеллигенцію ставить на одну доску съ полуобразованною массою. Для религіи проходитъ время и всякій просвѣщенный человѣкъ нынѣ видитъ ясно, что она почтительно уступаетъ свое мѣсто быстро прогрессирующей наукѣ. Ужъ если и говорить о религіи для интеллигенціи, такъ о религіи очищенной отъ всѣхъ примѣсей суевѣрія, въ родѣ, наприм., религіи вашего Толстаго или нашего Егиди“.

—Ну, въ такомъ случаѣ,—простите!—васъ нельзя поздравить со спокойною будущностію. Вашъ, по вашимъ-же собственнымъ словамъ, „умный“ соціалъ-демократъ разглядитъ, конечно, что сами-то вы вовсѣмъ неуважительно относитесь къ той силѣ, которою ему грозите... Нѣтъ, если Вы утверждаете необходимость вѣчнаго существованія даннаго порядка вещей лишь на томъ, что всегда доселѣ ровно въ 12 часовъ появлялся на нашемъ столѣ вкусный Frühstück, если вы ничѣмъ не обнаружите, что сами руководствуетесь въ своей жизни тѣми вѣчными, „идущими свыше“, религіозно-мистическими началами, указаніемъ на которыя хотите образумить безпокойно волнующійся пролетаріатъ и которыя дѣйствительно одни лишь могутъ дать смыслъ человѣческому существованію и обезпечить строй жизни, говоря богатому: „возлюби ближняго своего“ и „дай неимущему“ и—бѣдняку: „не укради“, „не убій“, будь доволенъ „своими оброками“; если такимъ образомъ вы не покажете бѣдняку, что, при несоизмѣримости внутреннихъ духовныхъ благъ съ матеріальными, и богачъ можетъ быть несчастнымъ и, наоборотъ, бѣднякъ счастливымъ: то какія-бы мѣры противъ „соціальнаго землетрясенія“, противъ „обвала“ всей вашей гордой культуры вы ни придумывали, всѣ эти мѣры окажутся лишь средствами палліативными...»

—„Такъ, по вашему, нужно ожидать *соціальнаго землетрясенія* и *обвала культуры*“?!

—Кто знаетъ? Можетъ быть и пронесется гроза и дай Богъ, конечно! Но зловѣщихъ признаковъ много; а радикальныхъ и дѣйствительно цѣлесообразныхъ мѣръ принимается мало...

Мой собесѣдникъ скептически усмѣхнулся и пожалъ плечами.

Настоящее письмо мы дописываемъ въ Парижѣ. Когда быстрѣйшій, какъ говорятъ, поѣздъ въ мірѣ мчалъ насъ отъ Берлина по направленію къ Кёльну и предъ глазами одна за другою быстро мелькали живописныя панорамы благоустроенныхъ нѣмецкихъ фермъ и заводовъ; въ головѣ стучалъ неотступный вопросъ: „будетъ-ли“? И чѣмъ дальше мы уѣзжали отъ Берлина, чѣмъ ближе становилось то мѣсто, гдѣ уже „началось“, гдѣ „обвалъ тронулся“; тѣмъ пламеннѣе и горячѣе становилось пожеланіе, которымъ мы заключили нашъ только-что приведенный діалогъ: „да, дай Богъ, что-бы не было“! Весьма неудобно даже и временно пребываніе въ томъ городѣ, гдѣ невѣрная почва постоянно колеблется подъ ногами и гдѣ въ каждомъ ресторанѣ, вмѣсто простыхъ и совершенно безопасныхъ блюдъ „неприхотливой буржуазіи“, рискуешь получить изъ соціалистическаго меню какое нибудь, покупаемое цѣною жизни, изысканное sauté aux petits pois fulminant *)...

Парижъ.
1 Мая (19 Апрѣля), 1892 г.

---

*) Взрывъ посредствомъ гремучаго порошка (petits pois—горошекъ). — Подъ вліяніемъ взрывовъ и особенно послѣдняго — въ ресторанѣ Вери, остроумные французы помѣстили въ своихъ сатирическихъ листахъ множество меню à la Ravachol, при чемъ въ богатомъ репертуарѣ названій ихъ блюдъ оказалось много омонимовъ для обозначенія средствъ и моментовъ взрыва: эта игра ихъ много тѣшила.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Общее впечатлѣніе, производимое Парижскою жизнью.—Парижъ и Берлинъ.—Культура французская выше-ли нѣмецкой?—двѣ формулы: égalité, liberté, fraternité и summum jus summa injuria—Недовольство республиканскимъ строемъ.—Монархисты, католики и прогрессисты.—Анархизмъ стоитъ-ли въ связи съ республиканскимъ принципомъ равенства и свободы?——Мнѣніе *Temps*'а. Что можетъ уберечь республиканцевъ отъ ската по уклону къ анархизму.—Умственный строй современной Франціи.—Такъ называемый Парижскій Университетъ.—Публичные курсы.—Два крайнихъ полюса французской мысли.—Эстетико-скептическій эпикуреизмъ Ренана.—Его рѣчь въ собраніи „любителей греческаго образованія".—„Нейтральная школа" во Франціи или „школа Sans Dieu". — Catéchisme laique. — Отповѣдь Ренану.—Среднія теченія современой фр. мысли: „новый мистицизмъ" и „спиритуалистическая философская школа".—Нѣчто о Парижской обыденной жизни, забавахъ и модахъ.—Общее сужденіе о французахъ и гаданія о возможномъ будущемъ французской націи.

Парижъ. Иные люди, иные нравы. Таже нивеллирующая культура съ ея смѣшеніемъ временъ и сроковъ, съ ея показнымъ лоскомъ и сомнительною обратною стороною; но на всемъ лежитъ иной отпечатокъ. Парижанинъ живъ и подвиженъ, какъ его легкая, щебечущая рѣчь, хотя, вопреки общепринятому мнѣнію, эта подвижность далеко не всегда и вовсе необязательно переходитъ во фривольность и „легкость". Кто-то сказалъ о французахъ, что они могли-бы танцовать у кратера Этны. Это отчасти вѣрно: когда одинъ ресторанъ летѣлъ здѣсь на воздухъ, они забавлялись сочиненіемъ menu à la Ravachol въ другомъ; когда судьи, участвовавшіе въ процессѣ Равашоля, не чувствовали подъ

собою почвы отъ страха быть по окончаніи процесса взорванными, ихъ милые соотечественники безпечно тѣшились каррикатурами этихъ самыхъ судей, услужливо изготовлявшимися въ бюро различныхъ юмористическихъ и сатирическихъ листковъ; и вообще „паника взрывовъ", о которой такъ много говорили особенно внѣ предѣловъ Парижа, имѣла здѣсь и свою комическую сторону, благодаря исключительной способности француза ни надъ чѣмъ долго не останавливаться, ко всему примѣшивать шутку и все обращать въ поводъ посмѣяться и потѣшиться. Все это такъ. Но не слѣдуетъ, съ другой стороны, забывать и того, что, не смотря на эту свою безпечность, перемѣнчивость и, такъ сказать „воляжность" (volage), тѣже самые французы съумѣли удивительно скоро оправиться послѣ разрушительнаго погрома 71-го года и занять въ финансовомъ и промышленномъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣстъ: уже одно это показываетъ, что при всей „игривости" своего характера, они въ сущности и трудолюбивы, и энергичны, и смышлены. И дѣйствительно, живя и обращаясь съ ними, постоянно приходится убѣждаться въ этомъ; они не боятся грязнить своихъ выхоленныхъ рукъ работою, какъ-бы черна она иногда ни была.

Между Парижемъ и Берлиномъ много сходства. Оба они построены по одному и тому-же типу, — по типу „западнаго города". Но, при этой общности типа, есть между ними и довольно замѣтныя различія. Съ перваго взгляда Парижъ, какъ и Берлинъ, представляется одною сплошною громадою однообразныхъ, чуть не нагроможденныхъ другъ на друга, исполинскихъ сѣрыхъ зданій. Но, затѣмъ, когда находишь въ немъ, на его улицахъ, въ несравненно большей пропорціи, чѣмъ въ Берлинѣ, памятники зодчества и ваянія,—громадные по размѣрамъ, тонкіе и изящные по исполненію; когда останавливаешься въ невольномъ изумленіи предъ величавою готикою Собора Парижской Богоматери (Notre-Dame de Paris), Маделены, Пантеона и т. д.; то сразу чувствуешь, что вступаешь въ иную культурную атмосферу, въ иной кругъ традицій и идей, и кажется еще испытываешь на себѣ мистическое обаяніе далекаго католическаго средневѣковья съ его неясными идеями, съ его отчетливо выработанными, какъ бы стереотипными, внѣш-

ними формами, съ его привычкою сдерживать всѣ порывы личной жизни и постоянно впередь взоръ въ общее и вѣчное, которое такъ наглядно символизировано въ его таинственныхъ храмахъ съ монотонными органами и тусклою мозаикой. Далѣе, въ Парижѣ, какъ и въ Берлинѣ, какъ и вообще во всякомъ другомъ западномъ городѣ, собственно говоря, нѣтъ центра; но, тогда какъ въ Берлинѣ жизнь,— которая никогда не можетъ оставаться безъ центра и, за отсутствіемъ центра естественнаго, всегда и неизбѣжно создаетъ себѣ центръ искусственный,—стягивается къ университету и олицетворенной въ немъ наукѣ, въ Парижѣ она стягивается къ искусству, которое, какъ извѣстно, здѣсь живетъ въ большомъ ладу съ промышленностью: нѣмцы, кажется, живутъ лишь для того, чтобы учиться; французы учатся для того, чтобы жить, и лишь постольку, поскольку наука нужна для жизни. Въ Парижѣ, какъ и въ Берлинѣ, много порядку; но въ Берлинѣ порядокъ, такъ сказать, вымученный, полицейскій, подневольный, канцелярскій, а въ Парижѣ естественный, природный, вытекающій изъ эстетической природы француза. Въ Берлинѣ полиціи *боятся*; въ Парижѣ полиція сама *боится* и очень наклонна понимать *первое* правило своей инструкціи „давать указанія и оказывать помощь“ въ смыслѣ болѣе удобнаго и для нея, и для граждань правила —„видя не видѣть и слушая не слыхать“. Въ Парижѣ, какъ и въ Берлинѣ, изнанка „культуры“ очень не благополучна; но это „неблагополучіе“ здѣсь гораздо откровеннѣе и гораздо чаще всплываетъ на поверхность жизни.

Не разъ задавались вопросомъ о сравнительной высотѣ культуры французской и нѣмецкой. И дѣйствительно, на этотъ вопросъ какъ-то невольно наталкиваешся, когда переѣзжаешь изъ Берлина въ Парижъ: культура французская, въ самомъ дѣлѣ, выше-ли нѣмецкой? Вопросъ естественный и, повидимому, простой. Казалось-бы, достаточно взглянуть на парижскую жизнь послѣ берлинской, чтобы на него отвѣтить. И однако этотъ отвѣтъ очень труденъ. Очень ужъ эластично это истасканное слово „культура“! Что разумѣть подъ нею? Когда, пріѣзжая въ Парижъ, вы узнаете, что здѣсь уже нельзя, какъ Берлинѣ, оставлять дома свою трость, такъ какъ по улицамъ бродитъ масса

собакъ безъ намордниковъ, да при томъ кусаются здѣсь не только собаки, но иногда, особенно на окраинахъ, такъ-же и люди,—вѣсы вашего правосудія склоняются на сторону Берлина и нѣмцевъ. Но вотъ вы узнаете, что, вопреки ожиданіямъ и приготовленіямъ къ хожденію по полицейскимъ мытарствамъ для предъявленія паспорта и удостовѣренія личности, васъ оставляютъ здѣсь въ совершенномъ покоѣ и никто ни разу не спрашиваетъ вашего „вида“, вѣсы наклоняются въ сторону французовъ и Парижа: „ахъ, какъ это удобно здѣсь“,—восклицаютъ обыкновенно путешественники, которымъ еще памятно берлинское хожденіе по Polizei-Revier'амъ и Präzidium'амъ и при томъ буквально въ первые часы по въѣздѣ въ Берлинъ! Подождите, однако, восторгаться: медаль имѣетъ и обратную сторону! Вотъ вамъ нужно идти въ почтовое бюро для полученія по mandat'у (открытый бланкъ международной денежной корреспонденціи), въ банкъ для продажи процентной бумаги, или въ Національную Библіотеку. Повсюду требуется удостовѣреніе вашей личности. Вы, конечно, предъявляете вашъ паспортъ; но ему вѣры не даютъ: „почемъ,—говорятъ,—знать, что это вашъ паспортъ“? — Что-же для доказательства этого нужно, спрашиваете вы? — „А приведите maitre d'hotel'я—хозяина гостинницы, въ которой вы остановились“!—Такимъ образомъ, хозяину гостинницы, который знаетъ васъ всего два-три дня, вѣрятъ, а паспорту нѣтъ... Не странно-ли все это?! Когда требуютъ удостовѣренія отъ консульства (какъ, напр., въ Національной Библіотекѣ), это, конечно, естественно и понятно, — этому подчиняешься охотно, хотя это сравнительно хлопотливо; но maitre d'hotel,—это воля ваша, трудно переварить! Что-же въ концѣ концевъ, отсюда выходитъ? А выходитъ, что берлинская канцелярщина, съ ея мытарствами, гораздо удобнѣе и лучше: разъ прошелъ по мытарствамъ и свободенъ отъ нихъ навсегда. Куда-бы ты ни пришелъ послѣ, достаточно для удостовѣренія личности одной подписи имени,—по ней разыщутъ въ случаѣ надобности. А здѣсь эта прославленная свобода хороша только для „безпаспортныхъ“, укрывающихся отъ взоровъ полиціи, — для Равашолей; для всѣхъ-же остальныхъ она право чаще служитъ источникомъ недоразумѣній и даже огорченій, чѣмъ удобствъ. „Всѣ,—говорятъ,—здѣсь, въ этой странѣ свободы, равны;

всѣ имѣютъ право на свободу отъ стѣсненій и ограниченій", Да! Но люди честные имѣютъ, сверхъ этого незавиднаго права на столь дешевую свободу, еще и обязанность подчиняться „печальнымъ необходимостямъ"; утилизуютъ-же это право, обращая его на служеніе безправію,—повторяемъ,—лишь одни Равашоли. Здѣсь мы убѣждаемся еще разъ въ справедливости изреченія: summum jus, summa injuria.

Это предательское слово injuria, кажется, сквозитъ повсюду, гдѣ, къ дѣлу и не къ дѣлу, горделиво красуется пресловутый республиканскій девизъ: égalité, liberté, fraternité. Вотъ мы разглядываемъ его на почернѣвшей стѣнѣ алтарной части древняго католическаго храма. Что означаетъ онъ здѣсь? Казалось-бы, отвѣтъ простъ и ясенъ: въ странѣ свободы каждый въ дѣлахъ вѣры долженъ быть свободенъ -міряпинъ можетъ исповѣдывать какую угодно вѣру или даже не исповѣдывать никакой, лицо духовное можетъ безпрепятственно выполнять обязанности, налагаемыя на него долгомъ. Однако, нѣтъ-же: служителю церкви нѣтъ правъ и нѣтъ свободы исполнять свой долгъ! Какая, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь масса, особенно за послѣднее время, всякихъ „проскрипцій", лишеній жалованья, денежныхъ штрафовъ, налагаемыхъ на лицъ духовныхъ, — именно за исполненіе долга, за наставленіе пасомыхъ не говорить и не дѣлать ничего противнаго ихъ вѣрѣ: не избирать депутатовъ, извѣстныхъ своею враждою христіанской религіи (жидовъ, франкмасоновъ, атеистовъ), не содѣйствовать ни прямо, ни косвенно, обмірщенію школъ, и вообще проведенію чрезъ парламентъ какихъ либо антирелигіозныхъ и нечестивыхъ законовъ (la législation antireligieuse et scélérate). „Никогда не увидали и никогда не увидятъ,—сказалъ между прочимъ недавно одинъ аббатъ въ своей проповѣди объ „обязанностяхъ католиковъ",—не увидятъ, чтобы епископъ или священникъ покровительствовалъ *врагу религіи!*": послѣдовательно и ясно и, кажется, ни для кого не обидно! И однако за *эти самыя слова* приговорили аббата, который уже два года лишенъ государственнаго жалованья, къ уплатѣ высшаго денежнаго штрафа — *въ три тысячи франковъ!* „И вотъ смотрите,—разсуждаетъ по этому поводу l'Autorité (клерикальный органъ, издаваемый извѣстнымъ Полемъ

Кассаньякомъ—Paul de Cassagnac),—смотрите,—какъ понимаютъ во Франціи прекращеніе религіозной вражды. Никогда не запрещали жидамъ выполнять обряды своей религіи и, если существуютъ антисемиты, такъ вѣдь они не касаются вѣрованій: католическому-же священнику въ настоящее время не дозволено говорить съ каѳедры, что христіанинъ *не можетъ подавать голосъ* (на выборахъ) *за врага религіи*,—подъ страхомъ быть привлеченнымъ къ отвѣтственности предъ безчеловѣчными блюстителями исправительной полиціи (devant les détrousseurs de la police correctionelle) или самаго государственнаго Совѣта" (L'Autorité, № 128). „Вѣдь требовать, чтобы католическіе епископы одобряли законы, направленные ко вреду кат. церкви, и имъ подчинялись, это,—говоритъ тотъ-же органъ въ другомъ мѣстѣ,—это все равно, что требовать отъ служителей Божіихъ, какъ это дѣлали цари языческіе, вкушенія идоложертвеннаго мяса" *). Мы не беремся судить, во всѣхъ-ли случаяхъ правы представители католической церкви, которая, какъ извѣстно, очень любитъ вторгаться въ непринадлежащія ей сферы; но, что, при всѣхъ ограниченіяхъ, принципы egalitê и liberté въ данномъ случаѣ всетаки будутъ страдать,—это полагаемъ не подлежитъ спору. Какое-же, въ самомъ дѣлѣ „равенство" и какая „свобода", когда бульварнымъ листкамъ, напр., безнаказанно позволяютъ молоть всякій кощунственный, развращающій и будирующій вздоръ, а католическому священнику запрещаютъ говорить, что католикъ повсюду долженъ быть католикомъ?!.. Или вотъ, напр. вы разглядываете республиканскій девизъ на стѣнахъ исполинскихъ зданій бывшихъ дворцовъ: Лувра, Палэ-Рояля (Palais-Roial) и др. Что означаетъ онъ *здѣсь?* Означаетъ, видите-ли, что дворцы сдѣлались теперь достояніемъ общимъ

---

*) L'Autorité, № 62—передовая статья самаго Кассаньяка по поводу извѣстнаго отвѣта президента Карно на привѣтственныя рѣчи епископомъ Нанси и Verdun'a, по смыслу котораго, какъ онъ истолкованъ Кассаньякомъ, президентъ требовалъ отъ епископовъ не только подчиненія конституціи, но *и всему республиканскому законодательству*, со включеніемъ, слѣдовательно и статей „нечестивыхъ" (scélérates), каковы: обмірщеніе школъ, госпиталей, отдача семинаристовъ въ солдаты, законы о разводѣ, лишеніе епископовъ и священниковъ жалованья, запрещеніе католич. собраній и т. д.

и стали какъ всѣ другія зданія, — обращены отчасти въ музеи (это, конечно, все же почетное назначеніе) и театры, отчасти въ жилыя помѣщенія для простыхъ смертныхъ, отчасти въ магазины, отчасти просто сданы подъ таверны: базаръ и таверны въ стѣнахъ, въ которыхъ, кажется, еще вѣютъ таинственныя тѣни различныхъ Карловъ, Генриховъ, Людовиковъ, Наполеоновъ,—нѣтъ, нужно быть французомъ, чтобы мириться со всѣмъ этимъ „равенствомъ", уравненіемъ въ правахъ и назначеніи, особенно когда припомнишь, что, во имя этого-же принципа, самая лучшая часть Лувра была вандальски разрушена коммунарами со всѣми, находившимися въ ней произведеніями искусства! Сравнять дворецъ съ лачугою, католика съ жидомъ, честнаго человѣка съ динамитчикомъ,—le voilà, какъ говорятъ французы, вотъ ихъ равенство! А нѣкоторые литературные говоруны, отправлясь все отъ того-же принципа и все во имя его-же, идутъ и еще дальше. Вотъ, напр., прогресивный L'Eclair въ передовой статьѣ доказываетъ, что, такъ какъ-де въ республиканскомъ государствѣ всѣ равны и все обще, все принадлежитъ всѣмъ, цѣлому; то всѣ индивидуальныя силы, а въ томъ числѣ (!) и сила *производительная*, должны быть обращены на служеніе этому цѣлому: слѣдовательно,— дѣлаетъ газета свой знаменитый выводъ, — католическій целибатъ долженъ быть упраздненъ, и всѣ, какъ женскіе, такъ и мужскіе монастыри, закрыты, такъ какъ-де патеры и монахи незаконно и несправедливо (съ точки зрѣнія республиканскаго равенства) „уклоняются отъ исполненія первой и самой необходимой *соціальной обязанности* (!),— обязанности воспроизведенія и численнаго увеличенія населенія" (L'Eclair, № 1274). Принудительный бракъ, *насиліе* надъ самыми завѣтными, освященными религіею, убѣжденіями, во имя *равенства* предъ требованіями животнаго инстинкта и въ цѣляхъ механическаго нарощенія государства,—вотъ свобода, вотъ *равноправіе!* По крайней мѣрѣ послѣдовательно. Не въ правѣ-ли мы послѣ всего этого сказать, что республиканскій принципъ безграничной свободы и безусловнаго равенства, что этотъ высшій jus въ сущности есть высшая injuria?!

Само собою понятно, что на этомъ, стремящемся уравнять по существу неравное и, поэтому, распадающемся отъ

внутренняго противорѣчія, принципѣ не можетъ устоять никакой прочный политическій строй. И дѣйствительно, мы видимъ, что и современнымъ quasi-идеальнымъ строемъ Франціи очень и очень многіе здѣсь недовольны. Имъ недовольны монархисты, имъ недовольны католики, имъ недовольны, наконецъ, и сами прогрессисты.

Монархисты сами по себѣ, конечно, въ настоящее время республикѣ не страшны: ихъ партія, не многочисленная и не сильная вообще, послѣ извѣстной энциклики папы отъ 12-го февраля текущаго года, которою онъ признаетъ законность и республиканской формы правленія*), еще болѣе утратила въ своемъ значеніи, и въ нынѣшнемъ году, на обычномъ годовомъ праздникѣ въ честь графа Парижскаго (Le comte de Paris — кандидатъ въ монархи), монархисты туже недосчитывались многихъ изъ своихъ соучастниковъ, такъ какъ, въ виду упомянутой энциклики, многіе католики очевидно, боялись компрометтировать себя предъ святѣйшимъ отцемъ своимъ участіемъ на *монархическомъ* банкетѣ (см. Le Temps. № 11309). Но считаться съ монархистами все же приходится. Несравненно болѣе трудную задачу, уже по самой своей численности, представляютъ католики, имѣющіе столько поводовъ и иногда, повидимому, не совсѣмъ незаконныхъ (см. выше) быть недовольными республиканскимъ правительствомъ. Правда, за послѣднее время, на основаніи все той-же знаменитой энциклики, и они какъ-будто немного поуспокоились. Они выработали хитрую формулу, разсчитанную, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, на то, чтобы, по пословицѣ, и волки были сыты и овцы цѣлы,—именно формулу, по смыслу которой слѣдуетъ-де признавать республику съ ея основною конституціею, но можно и даже должно, во имя требованій религіи и нравственности, протестовать противъ частныхъ мѣръ республиканскаго правительства. Такимъ образомъ республиканцы удовлетворены, такъ какъ республика признана; но и недовольные ею не обижены: имъ оставлена свобода „протестовать противъ частностей“ т. е. подкапывать существующій строй слегка и понемногу. А кто съумѣетъ сказать, гдѣ долженъ быть положенъ конецъ этому подкапыванію и не приведетъ-ли

*) См. объ этомъ подробнѣе конецъ книги, „Приложеніе“: *Папа Левъ XIII etc.*

оно въ концѣ концовъ къ подрыву всего строя? Во всякомъ случаѣ почва здѣсь довольно скользкая и, когда на этой почвѣ подаютъ другъ другу руки не рѣдко расходящіяся между собою и, во всякомъ случаѣ, не тожественныя группы монархистовъ и католиковъ, то, набравшись въ этомъ союзѣ мужества, они договариваются иногда до формулъ, которыя, вѣроятно, не особенно нравятся ни папѣ, ни республиканцамъ. Такъ, напр., „правая ройялистская" (La Droite Royaliste), въ собраніи 9-го іюня подъ предсѣдательствомъ герцога Додвильскаго (Le duc Doudeauville), скрѣпила многочисленными подписями любопытный документъ, въ которомъ строго разграничиваются обязанности къ святѣйшему престолу и обязанности къ *странѣ* (не къ республикѣ — къ ней нѣтъ обязанностей!). „Святѣйшему Отцу,—таковъ смыслъ документа,—мы обязаны безусловнымъ послушаніемъ въ *дѣлахъ вѣры;* что-же касается дѣлъ политическихъ, то здѣсь позволительно сообразоваться и съ чувствомъ долга къ отечеству, и съ собственнымъ разумѣніемъ теченія дѣлъ. Повидимому, — аргументируетъ документъ дальше,—повидимому, это совпадаетъ и съ желаніями святѣйшаго Престола. Вѣдь если, въ самомъ дѣлѣ, онъ признаетъ теперь республиканскую форму правленія *въ томъ-же самомъ смыслѣ*, въ какомъ признавалъ и формы предыдущія (монархію); то, очевидно, онъ не можетъ дать ей никакихъ особенныхъ привиллегій. Слѣдовательно, принятіе республики вовсе не безусловно обязательно. Это дѣло личной воли и личнаго пониманія каждаго и, въ частности, *для насъ, монархистовъ,* — энергично добавляетъ „манифестъ",—монархистовъ различныхъ оттѣнковъ, *республика никогда не будетъ обязательною,—никогда!* Не потребуетъ отъ насъ этого и долгъ къ странѣ. Онъ требуетъ одного: искренней и мужественной защиты истинно національныхъ интерессовъ на почвѣ свободы (défendre les intérêts nationaux sur le terrain de la liberté), — свободы, которою должны одинаково пользоваться всѣ дѣти страны". Таковъ смыслъ этого любопытнаго „манифеста". Число католиковъ, высказывающихъ съ нимъ свою солидарность увеличивается со дня на день, а главный виновникъ его, предсѣдатель „Правой Ройялистской", получаетъ за него сочувственные адресы (см. L'Autorité, №№ 163. 166 и др.).

Что для республиканцевъ этотъ фактъ очень внушителенъ,— это, конечно, понятно.

Недовольны, какъ мы говорили, современнымъ республиканскимъ строемъ и прогрессисты, особенно самые „передовые“ между ними. Имъ этотъ строй представляется недостаточно послѣдовательнымъ и поэтому лишь переходнымъ. *Figaro,* въ своемъ иллюстрированномъ праздничномъ приложеніи по случаю перваго мая, далъ своимъ читателямъ образцики „политическихъ каррикатуръ“, измышленныхъ именно прогрессистами различныхъ оттѣнковъ. Эти каррикатуры очень интересны и во многихъ отношеніяхъ поучительны. Оказывается, что въ число формъ правленія, не совпадающихъ съ политическими идеалами прогрессистовъ, попала и форма республиканская въ ея обоихъ видахъ: какъ „республика буржуазіи“ или „свободной конкурренціи“ и какъ „республика соціальная“. Первая представляется прогрессистамъ—какъ-бы вы думали, читатель, въ какой формѣ? Въ формѣ безчисленнаго стада свиней, которыя, ощетинившись и взложивъ уши, съ яростью набрасываются на одно и то-же корыто, при чемъ опрокидываютъ и терзаютъ другъ друга. Другой типъ республики, „республика соціальная“, представляется въ формѣ лучшей, даже „справедливой“ (!): корыто большое и у каждой свиньи свое отгороженное мѣсто, такъ что онѣ лакаютъ не обижая другъ друга и поэтому всѣ высматриваютъ сытыми, откормленными и тучными. Это, конечно, близко подходитъ къ прогрессивному идеалу, почему и каррикатура „соціальной республики“ поставлена на самомъ послѣднемъ, т. е. „высшемъ“ мѣстѣ, но все-же не есть еще его осуществленіе. Что-же, однако, дальше?—Дальше?—ну, здѣсь яснаго немного: здѣсь начинаются темныя видѣнія и смутные образы: вотъ тріумфальное шествіе сомкнувшихся въ одну дружину пролетаріевъ, на знамени которыхъ начертано: „ni Dieu, ni maître“; вотъ всемірный потопъ ветхаго соціальнаго міра съ его силами: капиталомъ, пушками, религіею, прессою, да кстати ужъ (вали все въ одну кучу!) и—проституціею; вотъ яростная толпа всякаго сброда, мужчинъ и женщинъ, вооруженныхъ кто чѣмъ попало, которая рушитъ и губитъ все, что встрѣчаетъ на пути; вотъ, наконецъ, лучезарный ликъ Карла

Маркса, который остается неизмѣнно яснымъ, не смотря на множество пущенныхъ въ него ретроградами и особенно Рихтеромъ (см. предыдущее письмо) комьевъ грязи, и рядомъ съ нимъ торжествующій Лассаль съ мечемъ и знаменемъ. Что-же, однако, дальше?—Ко всему этому мы поприслушались и попривыкли. Все это лишь „приготовленіе": гдѣ-же сама желаная дѣйствительность? Въ чемъ долженъ состоять самый идеальный строй общества? Къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на этотъ важный вопросъ мы не находимъ въ ряду каррикатуръ даже и смутныхъ образовъ. Наше положеніе въ данномъ случаѣ было-бы совершенно безвыходнымъ, если-бы насъ не выручилъ изъ бѣды находчивый L'Eclair. Наталкиваясь въ статьѣ, которую мы уже цитовали выше, на только-что поставленный нами вопросъ, онъ разсѣкаетъ его самымъ неожиданнымъ образомъ. „Впередъ, — восклицаетъ онъ,—и не нужно очень много заботиться о томъ, куда мы наконецъ придемъ! По справедливому замѣчанію Спенсера, *намъ такъ-же невозможно теперь предчувствовать тѣ соціальныя формы, къ которымъ приближается наша раса, какъ невозможно нормандскому пирату понять нашъ настоящій строй*" (L'Eclair, № 1274).

Было-бы совершеннымъ произволомъ утверждать, что въ ближайшемъ будущемъ республика пройдетъ именно тѣмъ путемъ, на который указываютъ передовые прогрессисты. Мы вовсе не хотимъ быть для нашихъ друзей-французовъ дурнымъ пророкомъ и вовсе этого не утверждаемъ. Мы хотимъ только сказать, что въ республиканскомъ принципѣ „свободы, равенства и братства" implicite даны и *логически* изъ него вытекаютъ мотивы къ тѣмъ соціальнымъ переворотамъ, которыхъ желаютъ и ожидаютъ радикалы. Въ самомъ дѣлѣ, если девизомъ выставлено уравненіе всѣхъ, а наличный республиканскій строй такого идеальнаго уравненія не представляетъ; то не ясно-ли, что этотъ строй не есть еще строй совершенный, и что нужно стремиться къ его дальнѣйшей перестройкѣ? Такова и есть прямолинейная логика радикаловъ. Но отсюда еще далеко до дѣйствительности и одна логическая послѣдовательность вовсе не уполномочиваетъ еще на печальныя пророчества. Извѣстно, что логика не всегда совпадаетъ съ жизнью: для осу-

ществленія *логической*, даже самой необходимой, связи идей нужны *реальныя* условія, а кто возьметъ на себя смѣлость утверждать, что въ ближайшемъ будущемъ французской исторіи эти условія окажутся на лицо? Что-жъ касается необходимости вышеуказанной нами, собственно логической связи республиканскаго принципа съ мотивами радикальныхъ реформъ, то, утверждая такую связь, мы вовсе не одиноки. Ее сознаютъ и здѣсь. Такъ, на генеральномъ собраніи соціалъ-демократовъ 1-го мая (въ залѣ Favié), одинъ изъ самыхъ популярныхъ ораторовъ сказалъ, что „анархисты—лишь *авангардъ* (l'avant-garde) соціалистовъ". За это открытіе оратору много апплодировали въ залѣ, и на другой день его мысль во многихъ парижскихъ газетахъ комментировалась какъ весьма основательная. Между прочимъ, довольно приличный органъ Soleil выразился на этотъ счетъ такъ: „доктрины анархистскія порождены доктринами соціалистическими, какъ въ свою очередь эти послѣднія—доктринами республиканскими" (приведены въ статьѣ *Temps*'а, № 11307). Ту-же мысль выразилъ, напр., на вышеупомянутомъ праздникѣ въ честь графа Парижскаго, болѣе авторитетный и компетентный авторъ— Норманъ, адвокатъ кассаціонной палаты (Normand, avocat à la cour d'appel); „одинъ общій уклонъ (pente),—сказалъ этотъ ораташоръ,—незамѣтно, но тѣмъ не менѣе фатально связываетъ наиболѣе либеральныхъ республиканцевъ съ динамитчиками" (dynamiteurs). Правда, это сближеніе республиканцевъ съ анархистами и динамитчиками имѣло здѣсь и свою оппозицію; но полагаемъ, что, ознакомившись съ доводами этой оппозиціи, читатель не найдетъ ихъ особенно убѣдительными. Вотъ, напр., что говоритъ въ опроверженіе этого сближенія серьезный и спокойный *Temps*: „Мы не отрицаемъ, что фактически нѣкоторые соціалисты не связываютъ никакого опредѣленнаго смысла съ тою этикеткою, которую они на себя напшиливаютъ, и, въ сущности, суть лишь революціонеры, проникнутые симпатіей, а быть можетъ даже уваженіемъ, къ подвигамъ Равашоля. Но если мы встанемъ на точку зрѣнія чисто теоретическую, то обѣ части дедукціи (т. е. сближенія анархистовъ съ соціалистами и этихъ послѣднихъ, съ республиканцами) окажутся равно несостоятельными. Въ самомъ дѣлѣ, анар-

хія есть уничтоженіе всякой власти, всякаго закона, слѣд. безграничная индивидуальная разнузданность (licence),— возвращеніе къ первобытному, натуральному состоянію, независимости чисто животной. Соціализмъ-же есть, напротивъ, упраздненіе права индивидуальнаго во имя соціальнаго цѣлаго, во имя коллективности,—радикальное подчиненіе гражданина обществу или, другими словами, коммунизмъ, доктрина Государства-Провидѣнія (l'Etat - Providence—?!), всемогущаго (?!) Правительства. Отсюда слѣдуетъ, что вовсе нѣтъ необходимаго логическаго перехода отъ идеи соціалистической къ идеѣ анархистской; что, напротивъ, между обоими этими понятіями существуетъ непримиримый антагонизмъ: одно есть отрицаніе другаго. Анархія хочетъ упразднить соціальную власть; соціализмъ хочетъ все ей подчинить. Съ другой стороны, хотя, дѣйствительно, многіе республиканцы провозглашаютъ себя соціалистами, однако между этими двумя эпитетами все-же нѣтъ необходимаго соотношенія: одинъ обозначаетъ теорію политическую, другой — соціальную. Вполнѣ мыслимъ абсолютный монархъ, усиливающійся осуществить платоновскій идеалъ коммунизма (?) и, наоборотъ, даже самые радикальные республиканцы энергично отталкиваютъ иногда отъ себя кличку соціалиста, а между демократами очень много такихъ, которые выше всего ставятъ „Декларацію" правъ человѣка и гражданина, т. е. самое ясное и самое категоричное признаніе *раціональнаго индивидуализма*. Слѣдуетъ,—продолжаетъ *Temps*, — различать два сорта индивидуализма: грубый и какъ-бы животный индивидуализмъ анархіи, не полагающій никакого ограниченія индивидуальному капризу и алчности, и—индивидуализмъ раціональный, обезпечивающій гражданину уваженіе его свободы и правъ и, въ свою очередь, на него самаго налагающій обязанность уважать свободу и права другаго. Этотъ индивидуализмъ, вовсе не исключающій ни солидарности, ни братства, есть возвышенная доктрина, за которую стояли самые знаменитые мыслители новаго времени, начиная съ Локка въ Англіи, Монтескье во Франціи и Канта въ Германіи: эта доктрина, живымъ воплощеніемъ которой служитъ французская революція (sic!), можно надѣяться, восторжествуетъ въ будущемъ, — такъ заключаетъ Temps,—

и надъ варварскою проповѣдью анархизма, и надъ утопіями коллективизма". (Le Temps, № 11307).

Краснорѣчиво и ясно, вполнѣ достойно почтеннаго и популярнаго органа французской прессы; но — для насъ, по крайней мѣрѣ, совершенно не убѣдительно. Вотъ паутина, которая могла-бы послужить хорошимъ примѣромъ политическаго софизма и недурнымъ средствомъ для развитія „гибкости мышленія"! Все здѣсь одно въ другое переливается: извольте разбираться! Вы говорите: „анархизмъ сроденъ съ соціализмомъ".—Помилуйте, возражаютъ Вамъ, да вѣдь анархизмъ есть *индивидуализмъ*, а соціализмъ есть *коллективизмъ!*—Вы продолжаете дальше: „а соціализмъ сроденъ съ республиканствомъ". — Напрасно, говорятъ, думаете: соціализмъ есть *коллективизмъ*, поглощеніе личности (особенно когда онъ вступаетъ въ союзъ съ монархіею, а онъ—лукавецъ—можетъ и это сдѣлать!), республика-же есть сохраненіе личности, *индивидуализмъ*.— „Ну, хорошо, спѣшите вы воспользоваться случаемъ: ergo, анархизмъ сроденъ съ республиканствомъ, такъ какъ (оставимъ въ сторонѣ „лукавый" соціализмъ, который и есть-то всего лишь „соціальная теорія"!) оба они въ сущности, по вашему-же разъясненію, *индивидуализмъ*". — Да, кипятится противникъ; но нужно различать между индивидуализмомъ и индивидуализмомъ: есть индивидуализмъ умный, „раціональный" (республиканскій) и есть индивидуализмъ глупый, первобытный, „животный" (анархистскій). — „Постойте, однако, привязываемся мы: кто-же вамъ сказалъ, какой индивидуализмъ умнѣе? Равашоль вамъ скажетъ, что его индивидуализмъ умнѣе, послѣдовательнѣе, логичнѣе: дорастите-молъ до моей точки зрѣнія, до моего передоваго и прогрессивнаго пониманія, и вы сами въ этомъ убѣдитесь, а теперь вы—нормандскіе пираты, которымъ трудно даже представить то благо, которое нашъ равашолевскій индивидуализмъ принесетъ людямъ! Притомъ, — добавитъ Равашоль,—напрасно вы насъ обижаете: мы, если угодно, мы тоже за общее благо, только мы понимаемъ это благо иначе и чище..." *). Вотъ и извольте тутъ разобраться,

*) Такъ именно Равашоль и заявилъ: „люди увидятъ,—сказалъ онъ между прочимъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ,—что я работалъ для блага человѣчества" (pour le bien de l'humanité). Въ такомъ-же тонѣ составлены и

гдѣ соціализмъ, гдѣ индивидуализмъ; какой индивидуализмъ „умнѣе", какое благо „выше": мѣрку на этой скользкой почвѣ будетъ найти очень трудно *).

Въ виду этой принципіальной смутности понятій и спутанности точекъ зрѣнія и можно утверждать, что современное французское республиканство, соціализмъ и анархія, дѣйствительно, какъ мѣтко выразился Норманъ, стоятъ на одномъ „уклонѣ", проникнуты одними и тѣми-же тенденціями и, въ сущности, суть лишь степени одного и того-же соціально-политическаго явленія. Удержится-ли фр. республика на этомъ уклонѣ, или стремглавъ полетитъ внизъ, или, наоборотъ, какою-либо чрезвычайною силою внѣшнихъ для нея обстоятельствъ будетъ поднята вверхъ и поставлена на спокойную площадь монархіи,—покажетъ, конечно, время, Но что отдѣльные скаты по этому уклону, свидѣтельствующіе о сродствѣ республиканства съ анархизмомъ и о притяженіи, вслѣдствіе этого сродства, перваго послѣднимъ, существуютъ и теперь,—этого, въ виду очевидныхъ фактовъ, не отрицаетъ и *Тетръ*, свидѣтельствующій, что нѣкоторые „соціалисты въ сущности суть лишь революціонеры, проникнутые симпатіей а, быть можетъ, даже и уваженіемъ къ Равашолю" и что, съ другой стороны, „многіе республиканцы провозглашаютъ себя соціалистами"

его „автобіографія", и проэктъ „защитительной рѣчи". какъ извѣстно недопущенной къ произнесенію. „Анархія, — гов. онъ въ автобіографіи, — *есть уничтоженіе всѣхъ причинъ, раздѣляющихъ современное общество*".

*) А по нашему такъ. Есть начала человѣческія и есть начала вышечеловѣческія. Если хотятъ устроиться на однихъ только первыхъ, много спорятъ и вѣчно будутъ спорить: ибо никогда не будутъ въ состояніи опредѣлить, не выходя за эти начала, какая форма, какое благо и почему именно выше. Со второй-же точки зрѣнія все ясно и, по самому существу дѣла, никакихъ споровъ быть не можетъ. Индивидуализмъ и коллективизмъ, съ этой точки зрѣнія, суть лишь слова, обозначающія въ сущности одно и то-же, одни и тѣ-же человѣческія начала, мотивы, двигатели жизни, какъ хотите (симпатія, безопасность, комфортъ и т. д.), — и цѣна ихъ опредѣляется вовсе не тѣмъ, что одинъ ищетъ *личнаго*, а другой *общаго* (такое разграниченіе въ живомъ обществѣ, говоря строго, и не мыслимо), а въ томъ, *во имя чего* одинъ ищетъ одного, другой другаго. Если искомое коренится въ началахъ сверхчеловѣческихъ, если поиски направляются къ осуществленію въ нашей преходящей жизни началъ вѣчныхъ, „сверхнатуральнаго въ насъ", то „форма" выше и наоборотъ. Съ этой точки зрѣнія и Равашоль найдетъ свою безусловную оцѣнку.

(см. выше). Для фактической скрѣпы нашего тезиса достаточно и этого; полнаго-же ската подъ гору нашимъ друзьямъ-французамъ мы, конечно, вовсе не желаемъ...

Этого ската мы не только не желаемъ, но, если угодно, даже и не ожидаемъ. Именно, намъ кажется, что онъ всегда будетъ находить значительное противодѣйствіе въ тѣхъ положительныхъ началахъ французскаго міросозерцанія, которыя, не смотря на его незавидную репутацію (не совсѣмъ справедливую, какъ увидимъ далѣе), на его двусмысленный характеръ и легкую окраску въ общемъ, не смотря также на нѣкоторыя уродливыя проявленія его въ частности, всегда были ему присущи, а въ послѣднее время, какъ кажется, съ особенною настойчивостью прокладываютъ себѣ путь къ тому, чтобы шире и глубже овладѣть мыслящимъ сознаніемъ націи и занять въ немъ подобающее мѣсто. Утверждаясь, въ свою очередь, въ католичествѣ, — этой великой силѣ и главномъ корнѣ западнаго охраненія,—упомянутыя начала не разъ спасали и, вѣроятно, еще не разъ будутъ спасать націю отъ соціальныхъ бурь и переворотовъ, или,—что бывало чаще,—возрождать ее послѣ произведенныхъ этими бурями и переворотами опустошеній. Но, прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ умственнаго строя современной Франціи, скажемъ нѣсколько словъ о средоточіи французской мысли, — Парижскомъ Университетѣ. Можетъ быть, эти краткія свѣдѣнія будутъ не совсѣмъ лишены интереса, особенно для тѣхъ, кто (какъ было съ нами, — сознаемся въ этомъ,— до пріѣзда въ Парижъ) съ указаннымъ выраженіемъ „Парижскій Университетъ“ связываетъ не совсѣмъ отчетливое представленіе.

Говоря строго, никакого „Парижскаго Университета“ въ Парижѣ нѣтъ. Очень ошибается тотъ, кто представляетъ себѣ этотъ несуществующій Университетъ по подобію, напр., строго централизованнаго, объединеннаго даже самымъ зданіемъ, Университета Берлинскаго или хотя-бы даже по подобію нашего, менѣе централизованнаго, Московскаго. Ничего подобнаго! Въ замѣнъ этого здѣсь существуетъ великое множество обособленныхъ, помѣщающихся не только въ разныхъ зданіяхъ, но на разныхъ улицахъ и даже въ разныхъ кварталахъ города, „курсовъ“, „школъ“

и, пожалуй, „факультетовъ". Такъ здѣсь существуютъ „факультеты"; протестантскаго богословія (Faculté de théologie protestante, Bd. *Arago*), юридическій факультетъ (Fac. de Droit, *Place du Pantheon*) медицинскій (F. de Médicine, *Rue et Place de l'Ecole-de-Médicine*), естественнонаучный или физико-математическій (F. des Sciences, *en Sorbonne*), и факультетъ литературный или, по нашему, историко-филологическій (F. des Lettres *en Sorbonne*). Вотъ, если угодно, собственно „Парижскій Университетъ" (L'Uiversite des Paris), который здѣсь, однако, очень рѣдко называютъ этимъ именемъ. Далѣе, въ составъ Университета въ широкомъ смыслѣ слова, или,—какъ здѣсь болѣе принято говорить, — въ составъ „Парижской Академіи„ (Académie de Paris) входитъ цѣлый рядъ спеціальныхъ „высшихъ курсовъ" (Les Cours et Renseignements des Grandes Ecoles), какъ-то Collége de France (соединеніе курсовъ естественно-научныхъ и историко-филологическихъ, включая сюда и философію), Muséum d'Histoire Naturelle (въ зоологическомъ саду), Ecole pratique des Hautes Etudes съ подраздѣленіями—секціею наукъ историческихъ и филологическихъ и секціею наукъ религіозныхъ (обѣ секціи въ библіотекѣ Сорбонны), курсы изящныхъ искусствъ (des Beaux-Arts), дипломатіи (Ecole nationale des Chartes), археологіи (въ Луврѣ) восточныхъ языковъ, сельскаго хозяйства и т. д. и т. д. Сюда-же слѣдуетъ, наконецъ, отнести и Католическій Институтъ (Institut Catholique) съ его отдѣленіями: спеціально-богословскимъ, юридическимъ (Lection Canonique), и научно-литературнымъ (Etudes scientifiques et litteraires). Всѣ эти „факультеты" и „курсы" живутъ самостоятельною, изолированною жизнью, имѣютъ свои учебные планы, преслѣдуютъ свои спеціальныя задачи и объединяются развѣ лишь на исполинскихъ министерскихъ объявленіяхъ о началѣ и составѣ курсовъ, которыя во множествѣ расклеиваются по всему Парижу *). Называть

*) Въ послѣднее время, впрочемъ, замѣчается движеніе къ централизаціи разрозненныхъ высшихъ учебныхъ заведеній Парижа: такъ, для всѣхъ факультетовъ и фармацевтической школы образованъ одинъ общій совѣтъ (Le Conseil général des Facultés), а для студентовъ *всѣхъ* высшихъ заведеній безъ различія основано одно общество (Association générale des

ихъ Университетомъ или Академіею, очевидно, можно не съ большимъ правомъ, чѣмъ, напр., вообще всѣ высшія учебныя заведенія и курсы Франціи—Университетомъ Французскимъ. И какъ это ни странно, французы дѣйствительно иногда пользуются этимъ послѣднимъ терминомъ — особенно на диссертаціяхъ (thèses). Обычная формула здѣсь такая: Université *de France*, — Academie *de Paris*, de *Toulouse* и т. д. Очевидно, въ такомъ случаѣ, названія „Французскій Университетъ", „Парижскій Университетъ", „Парижская Академія", получаютъ смыслъ имени не собственнаго, а собирательнаго.

Что касается характера „высшихъ курсовъ", то ихъ слѣдуетъ различать два рода: курсы публичные, или собственно курсы, и курсы закрытые, или такъ называемые „конференціи" (Conférences). Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ читаются исключительно курсы публичные, какъ, напр., au College de France, гдѣ читаютъ Ренанъ, Бертело, Масперо, Леруа-Болье, Рибо, Шарль Левекъ и др. „знаменитости"; въ иныхъ—исключительно закрытые, какъ, напр., à l'Ecole pratique des Hautes Etudes, вслѣдствіе крайней спеціальности предметовъ (на этихъ курсахъ „слушатели" обыкновенно настоятельно приглашаются къ дѣятельному „сотрудничеству",—къ домашнимъ подготовкамъ); въ другихъ, наконецъ, смѣшанные (во всѣхъ факультетахъ Университета, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова). На публичные курсы допускаются всѣ, безъ различія пола, возраста и образовательнаго ценза. Это послѣднее обстоятельство иногда неблагопріятно отражается на характерѣ преподаванія, такъ какъ нѣкоторые профессора легко и, конечно, естественно поддаются искушенію, въ виду разнохарактернаго состава слушателей, „упрощать" свои чтенія, вслѣдствіе чего „высшіе курсы" иногда получаютъ вовсе несвойственный имъ характеръ крайней элементарности. Спѣшимъ, впрочемъ, оговориться: этою наклонностію къ „упрощенію" страдаютъ далеко не всѣ профессора. Можно даже сказать болѣе: она есть лишь исключеніе. Большинство-же съ похвальнымъ ригоризмомъ оставляетъ пониманіе или непониманіе лекціи

étudiants de Paris). См. объ этомъ интересную книгу *Лависса* (Lavisse), проф. Сорбонны: L'etude et les étudiants, Par. 1890. p. 223 и сл.

на отвѣтственности своихъ нерѣдко случайныхъ слушателей и слушательницъ. Кстати сказать: между этими послѣдними очень много нашихъ соотечественницъ, — такъ много, что своею численностію онѣ превышаютъ, кажется, самихъ туземокъ. Еще одна замѣтка кстати; въ прохладныя аудиторіи различныхъ „курсовъ", особенно въ жаркую пору, многіе, и по преимуществу дамы почтенныхъ лѣтъ, заходятъ, повидимому, лишь затѣмъ, чтобы освѣжиться и отдохнуть, и нерѣдко,—говоримъ это безъ преувеличенія,—равномѣрный речитативъ слабаго, старческаго профессорскаго голоса аккомпанируется довольно изряднымъ храномъ какой-нибудь вольной „мученицы науки", изнемогающей въ непосильной борьбѣ со всемогущимъ послѣобѣденнымъ морфеемъ...

Возвратимся теперь къ покинутому предмету,—къ характеристикѣ умственнаго строя современной Франціи. Начнемъ передачею двухъ маленькихъ фактовъ, которые, при своей кажущейся незначительности, можетъ быть, будутъ достаточны для того, чтобы поставить читателя съ самаго начала на надлежащую точку зрѣнія въ этомъ сложномъ вопросѣ. Вотъ первый фактъ Профессоръ Сорбоны, Бутру (Boutroux), авторъ одного изъ самыхъ сенсаціозныхъ философскихъ сочиненій послѣдняго времени („О *случайности* законовъ природы", Paris, 1874), заканчивая свой курсъ („объ идеѣ естественнаго закона въ новой философіи"), благодарилъ своихъ многочисленныхъ слушателей (курсъ публичный) за вниманіе къ его чтеніямъ, которыя „по необходимости иногда должны были касаться отвлеченныхъ и трудныхъ вопросовъ", и, между прочимъ, сказалъ:

„Меня радуетъ это вниманіе отчасти и потому, что я вижу въ немъ вообще доброе знаменіе времени, — поворотъ къ лучшему въ мысляхъ моихъ соотечественниковъ: лѣтъ 30—25 тому назадъ всѣ эти „отвлеченные" вопросы,—вопросы о механизмѣ и цѣлесообразности, причинности и свободѣ, познаваемости и непознаваемости основаній существующаго, — считались уже *рѣшенными* разъ и навсегда, въ смыслѣ позитивно-матеріалистическомъ; а теперь вы слушаете, — слушаете съ настойчивымъ вниманіемъ. Очевидно общественное сознаніе, мысль становится серьезнѣе, вдумчивѣе, глубже" и т. д.

Почтенный профессоръ могъ бы объяснить значительную долю вниманія къ своимъ чтеніямъ и иначе: его курсъ и самъ по себѣ, независимо отъ всякихъ вѣяній времени, былъ очень интересенъ и своеобразенъ, — одинъ изъ самыхъ талантливыхъ курсовъ, которые довелось намъ выслушать не только здѣсь, но и въ Берлинѣ. За всѣмъ тѣмъ, кое-что остается, конечно, и на долю „духа времени", — на долю той перемѣны въ настроеніи, которую отмѣтилъ почтенный профессоръ. Вотъ одинъ фактъ. Другой былъ его маленькимъ продолженіемъ. Разговаривая по окончаніи лекціи и по поводу ея, съ своими коллегами по студенческой скамьѣ, я, между прочимъ, поздравилъ ихъ съ этой перемѣной къ лучшему". По этимъ поздравленіемъ они остались не совсѣмъ довольны: „да,—отвѣчали они мнѣ,— *къ сожалѣнію* это вѣрно, перемѣна замѣчается, это фактъ". — Къ сожалѣнію?! — „Да, къ сожалѣнію! У насъ и безъ того всегда было достаточно метафизики и даже, пожалуй, мистики, и очень мало трезваго противодѣйствія ей. Жаль, что у насъ теперь только одинъ Рибо, было очень мало Тэновъ, а Контъ оставилъ намъ токого несчастнаго ученика (разумѣется *Лаффитъ*, Laffitte, профессоръ au Cellége de France и издатель очень мало извѣстнаго даже въ Парижѣ философскаго и соціально-политическаго журнала: Revue Occidentela), который на двадцать лѣтъ отсталъ (!) даже отъ своего, уже давно умершаго, учителя"...

Вотъ факты. Смыслъ ихъ ясенъ: основное, „мистико-метафизическое", какъ нѣсколько утрированно выразился мой собесѣдникъ, теченіе французской мысли за послѣднее время получаетъ болѣе широкое вліяніе, чѣмъ 30—25 лѣтъ назадъ, но *рядомъ съ нимъ* остается и другое, связывающее себя съ именами Рибо, Конта, Тэна и др. под. Гдѣ пролегаетъ пограничная линія между этими теченіями сказать съ точностію, конечно, не легко; но за то очень не трудно указать, гдѣ эти теченія достигаютъ своихъ кульминаціонныхъ пунктовъ. Одинъ изъ Парижскихъ юмористическихъ листковъ далъ на дняхъ своимъ читателямъ очень удачную концепцію, какъ разъ отвѣчающую на этотъ вопросъ. Онъ помѣстилъ на одной картинѣ, въ окнахъ двухъ, раздѣленныхъ между собою широкою улицею, зданій, другъ противъ друга лукаво улыбающіяся фигуры хо-

рошо извѣстныхъ всему Парижу Ренана и Гюльста (Hulst—епископъ, Ректоръ Католическаго Института и весьма популярный проповѣдникъ въ Соборѣ Парижской Богоматери): вотъ-де новые римскіе авгуры! Что шуты умѣютъ иногда говорить правду не хуже философовъ,—это хорошо извѣстно со временъ Шекспира, и хотя на этотъ разъ литературный шутъ слишкомъ поспѣшно включилъ въ число *лукавыхъ* авгуровъ *искренно-убѣжденнаго* католика, тѣмъ не менѣе, въ его словахъ еще остается нѣчто такое, подъ чѣмъ философъ можетъ смѣло подписаться. Вотъ, въ самомъ дѣлѣ, новые авгуры! Каждый изъ нихъ имѣетъ своихъ многочисленныхъ и слѣпыхъ послѣдователей; каждый пользуется въ глазахъ своихъ адептовъ очень высокимъ престижемъ—одинъ во имя „непогрѣшимой“ науки, другой во имя еще болѣе непогрѣшимаго „святѣйшаго престола“; слова каждаго изъ нихъ принимаются „вѣрующими“, какъ подлинное откровеніе; другъ друга они хорошо понимаютъ и, вѣроятно, смертельно ненавидятъ; каждый отстаиваетъ своего рода крайность — одинъ одного характера, другой — другаго: оба они, слѣдовательно, могутъ быть поставлены вмѣстѣ, на одну доску и уравнены какъ самые типичные выразители, какъ „кульминаціоныхе пункты“ крайнихъ теченій современной французской мысли, — скептическаго эпикуреизма и ультрамонтанскаго догматизма.

Своеобразный эстетико-скептическій эпикуреизмъ Ренана *) положительно оттѣснилъ или, сказать точнѣе, поглотилъ, какъ-бы переплавилъ въ себя всѣ другія формы французскаго (а отчасти и нѣмецкаго) вольномыслія прошлаго времени. Кощунственное вольнодумство энциклопедистовъ, соціально-политическія утопіи прудонистовъ и сенсимонистовъ, quasi-научность позитивизма и библейскій критицизмъ quasi—исторической школы Штрауса,—все это слилось вмѣстѣ въ одинъ общій конгломератъ, въ одинъ апоѳеозъ „автономной человѣчности“ и, будучи скрашено недюжиннымъ литературнымъ талантомъ Ренана, увлекло и сбило здѣсь съ толку очень и очень многихъ. Сюда бросились всѣ тѣ, которые, всту-

---

*) О философіи Ренана см. нашу, выше названную, книгу: *Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи* (отдѣлъ 2-й, гл. 1, 3).

пивъ практически на путь матеріализма, всетаки искали и ищутъ для него теоретическаго оправданія; а такихъ всегда и повсюду очень много, во Франціи-же особенно. Чтобы познакомить съ этою новою формою эпикуреизма, мы позволимъ себѣ привести здѣсь недавнюю рѣчь Ренана, произнесенную имъ въ собраніи любителей греческаго образованія (l'Association des études grecques), праздновавшаго двадцатипятилѣтіе своего основанія, на каковомъ праздникѣ Ренанъ занималъ самое почетное мѣсто посреди греческаго министра, Дельянн (Delyannis), съ одной стороны, и директора средняго образованія, довольно извѣстнаго здѣсь автора многихъ философскихъ сочиненій, Рабье (Rabier), — съ другой. Эта рѣчь содержитъ въ себѣ почти всю, несложную, впрочемъ, ренановскую догматику съ ея тріадою идей, — идеею „свободной отъ супранатурализма“ религіи, „автономной морали“ и „историческаго безсмертія“.

„Вамъ угодно было, мм. гг., — сказалъ ораторъ, — бросить солнечный лучъ на мои послѣдніе дни. Я люблю банкеты, сознаюсь въ этомъ, — банкеты, на которыхъ, какъ на нашемъ, царятъ симпатія, сердечность, и гдѣ не говорятъ о политикѣ. Вѣроятно, сегодня послѣдній разъ я присутствую на одномъ изъ такихъ праздниковъ. Еще часъ тому назадъ я не зналъ, буду-ли въ силахъ придти на ваше собраніе (до того осаждаютъ меня мои недуги!). Но, слава Богу, я, какъ видите, не совсѣмъ еще инвалидъ среди васъ. Этотъ праздникъ поистинѣ прекрасенъ, мм. гг., и вы очень хорошо дѣлаете, что его празднуете. Въ началѣ 1867 г. группа друзей эллинизма, изъ которой нѣкоторые еще здравствуютъ, основала эту ассоціацію, съ цѣлію поддерживать и развивать среди насъ вкусъ къ изученію греческой образованности: развивать вкусъ къ греческой образованности, — о, какая прекрасная программа! Мы остальные, изслѣдователи предметовъ внѣшнихъ, чужеземныхъ (exotiques), — мы культивируемъ лишь окрестности, колоніи; вы-же, — вы обитаете въ самомъ отечествѣ; вы разбили здѣсь палатку, изъ которой ведете свои изысканія на священной почвѣ, гдѣ стоитъ нашъ Акрополь, наша общая религіозная колыбель (notre berceau religieux à tous).

„Есть въ исторіи чудо, мм. гг., — а чудомъ я называю то, что совершилось лишь одинъ разъ, — это античная Греція. Да, почти 500 л. до Р. Хр. уже намѣтился въ человѣчествѣ типъ цивилизаціи столь совершенной, столь полной, что все предшествовавшее отступило въ тѣнь. Это было поистинѣ рожденіемъ разума и свободы. Гражданинъ, человѣкъ свободный, проявилъ себя въ дѣлахъ подлинно человѣческихъ. Благородство, достоинство этого новаго человѣка заставило закрыть глаза на все, что до того времени являлось царственнымъ и великимъ. Мораль, основанная на разумѣ, утвердилась въ своей вѣчной истинѣ, безъ всякой примѣси сверхъестественныхъ фикцій (!) Истина о богахъ и природѣ была уже

почти открыта. Человѣкъ освобожденный отъ безумныхъ страховъ своего дѣтства, началъ спокойно смотрѣть на свою судьбу. Наука, т. е. истинная философія, была основана. Уже догадывались, по временамъ, объ универсальномъ механизмѣ и, хотя не съумѣли еще продержаться на этой той точкѣ зрѣнія, однако принципъ уже былъ найденъ. Каперникъ, Галилей и Ньютонъ выведутъ лишь слѣдствія изъ этихъ идей, которыя отнимутъ у земли ея центральное положеніе и откроютъ перспективу на безконечность универса.

„А въ искусствѣ, - о небо! - какое обиліе! Какое множество боговъ и богинь! Какая небесная революція! Греція открыла красоту, какъ она-же открыла разумъ. Она одна открыла тайну красоты и истины, правило, идеалъ. Отнынѣ ничего не остается, какъ идти къ ней въ школу...

„И этотъ-то рѣшительный моментъ въ исторіи человѣчества вы, мм. гг., изучаете. О, какъ завидна ваша доля! Въ твореніяхъ, которыя вы изслѣдуете со столь пламеннымъ рвеніемъ, найденъ смыслъ жизни—*τὸ καλόν*, и особенно *καλὸς κ'ἀγαθὸς*. О дивныя слова! Благородный человѣкъ отнынѣ въ себѣ самомъ имѣетъ принципъ благородства. Истина, благо и красота — вотъ божественные полюсы, которые насъ притягиваютъ. Меланхолическаго обращенія къ прошлому, мысли печальной, т. е. эгоистической,—ничего этого Греція никогда не знала. Она идетъ всегда впередъ, ибо чувствуетъ, что міръ имѣетъ въ ней потребность и что она осуществитъ въ свое время самое возвышенное собраніе человѣчности

„Въ самомъ дѣлѣ, что особенно характеризуетъ грека, такъ это его вѣра въ славу, его довѣрчивое отношеніе къ будущему. Слава—вотъ еще изобрѣтеніе Греціи! Жизнь индивидуума коротка; но память людей вѣчна, и вотъ въ этой-то памяти живутъ дѣйствительно. Для человѣка важно, что будутъ говорить о немъ по смерти. Жизнь дѣйствительная подчинена жизни за предѣлами гроба (la vie d'outre-tombe). Жертвовать репутаціи есть благоразумный разсчетъ. Грекъ создалъ, такимъ образомъ, оцѣнку непогрѣшимую. Изобрѣтая исторію, онъ установилъ судъ надъ міромъ, и этотъ судъ, этотъ приговоръ — безапелляціоненъ. Забвеніе— это небытіе; воспоминаніе, слава—жизнь. За статую въ Аѳинахъ грекъ пожертвуетъ всѣмъ. Такимъ образомъ, въ замѣнъ безсмертія, которое боги, казалось, сохранятъ только для себя, для человѣка, для котораго съ жизнью кончается все, было найдено нѣчто бо́льшее пустаго тщеславія: „быть почетнымъ между греками" сдѣлалось наградою для того, кто преслѣдовалъ благо и красоту.

„Такъ былъ созданъ тотъ прекрасный источникъ свѣта, изъ котораго жизнь заимствуетъ свое достоинство и свою цѣну. Предметы имѣютъ свою идеальную цѣнность,—однако, подъ условіемъ существованія судей, способныхъ къ оцѣнкѣ блага и красоты. Жить въ виду оцѣнки избранниковъ—вотъ что служило основаніемъ столь возвышенныхъ характеровъ, какіе мы видимъ среди грековъ и римлянъ. Это вполнѣ понималъ Цицеронъ, глубокій знатокъ Греціи: *in hac luce vivce*! Въ тѣ печальные дни, которые онъ пережилъ, онъ постоянно держалъ предъ глазами этотъ маякъ истины—*τὸ καλόν*!.

„Благодарю васъ, мм. гг., за то, что вы дали мнѣ возможность перенестись воспоминаніемъ, хотя лишь на одинъ моментъ, въ эту чистую

атмосферу иного міра. Вотъ мысли, которыя заставляютъ забывать страданія и утѣшаютъ въ старости. Увижу-ли я еще аѳинскій Акрополь? Сомнѣваюсь и не надѣюсь. Думаю, что наши несносные (vilaines) сѣверные туманы окажутся послѣднимъ горизонтомъ, по которому будетъ блуждать мой угасающій взоръ. Но вамъ я обязанъ моментомъ прекрасной мечты. Благодарю за этотъ вечеръ. Благодарю за удовольствіе, которое я получилъ, пробывъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ среди настоящихъ грековъ. Предлагаю тостъ сначала, если угодно, за грековъ древнихъ,- этихъ несравненныхъ наставниковъ всякаго истиннаго благородства и величія; потомъ за почетныхъ гостей, изволившихъ присоединиться къ нашему *симпосіону*; потомъ за основателей общества, которые теперь - увы! — почти всѣ уже умерли. Имъ, мм. гг., 25 л. тому назадъ пришла прекрасная и счастливая мысль" (*Le Temps*, № 11308).

Да проститъ намъ читатель эту выписку, которую, быть можетъ, онъ находитъ нѣсколько длинною. Но рѣчь Ренана намъ казалась характерною и заслуживающею вниманія во многихъ отношеніяхъ: во первыхъ, — какъ сжатое и точное выраженіе его идеаловъ и убѣжденій, если въ данномъ случаѣ о нихъ можно говорить; во-вторыхъ,— какъ характеристика его, во всякомъ случаѣ, недюжиннаго литературнаго и ораторскаго таланта; въ-третьихъ, наконецъ, какъ выраженіе того настроенія, тѣхъ мыслей, съ которыми этотъ великій скептикъ и отрицатель нашихъ дней, готовится встрѣтить закатъ своей жизни и вѣстницу иного міра. И вотъ съ такимъ-же краснорѣчіемъ, съ такимъ же изяществомъ, иногда съ примѣсью ѣдкой ироніи и игриваго остроумія и всегда тономъ убѣжденнымъ (ибо, вѣдь, и Ренанъ думаетъ что онъ служитъ религіи и христіанству, см, предисловіе его Vie de Jésus, изд. 1881 г., p. VI), этотъ эстетикъ—эпикуреецъ, съ типичнаго лица котораго никогда не сходитъ скептическая улыбка, въ теченіе долгихъ лѣтъ насаждаетъ au Collège de France свою „критику" и свою „новую религію",—и его охотно слушаютъ. Въ нынѣшнемъ году, напр., онъ излагалъ „критику легендъ (sic) о Моисеѣ" (Critique des Légendes relatives à Móïse), и около него тѣснилась всегда масса слушателей, не смотря на то, что его старческій голосъ для большой и переполненной аудиторіи уже недостаточно силенъ и внятенъ. Если прибавить къ этому, что его пресловутая *Vie de Jésus* выдержала уже около сорока популярныхъ изданій (у насъ подъ руками *тридцать седьмое)*, не считая изданій непопулярныхъ, предназначенныхъ для „образованныхъ"; то

легко понять, какую широкую струю невѣрія и „свободной мысли“ ввелъ онъ въ сознаніе французской націи. Несомнѣнно, что подъ значительнымъ вліяніемъ его идей выработался тотъ странный типъ, такъ называемой *нейтральной школы*,—школы „sans Dieu“, какъ принято говорить здѣсь, —которая составляетъ, можетъ быть, самое печальное явленіе въ умственномъ строѣ современной Франціи. *Закономъ* 1882 г., правда, предоставлено свободѣ родителей выбирать для своихъ дѣтей школу; но *фактически* эта „нейтральная школа“, повидимому, пользуется бóльшею симпатіею со стороны республиканскаго правительства, чѣмъ школы, основанныя на началахъ католическихъ. По крайней мѣрѣ католическое духовенство преслѣдуется здѣсь за проповѣди противъ этой школы и за внушеніе родителямъ, что они „грѣшатъ противъ своей религіи, посылая дѣтей въ эти школы“ и что, какъ католики, они должны предпочитать школы католическія (см. недавній, одинъ изъ *очень многихъ*, процессъ такого рода противъ аббата Деляфосса въ L'Autorité, № 190). Чтобы дать читателю представленіе объ этомъ типѣ современной фр. школы, скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о такъ называемомъ „свѣтскомъ катехизисѣ“ (Catéchisme laique), положенномъ въ ея основаніе. Этотъ катехизисъ составленъ совершенно въ смыслѣ контовско-ренановскаго скептицизма и съ этой точки зрѣнія толкуетъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ: о прогрессѣ (новое божество!), о природѣ и человѣкѣ, душѣ и тѣлѣ, о страстяхъ и добродѣтеляхъ, о правѣ и долгѣ, „клерикализмѣ“ и свободѣ, о матеріализмѣ, спиритуализмѣ, атеизмѣ, свободной и независимой мысли и т. д. и т. д. Онъ открывается главою „о неизвѣстномъ“ (de ce qu'on ne sait pas), которая начинается такъ:

Вопросъ (книга изложена въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ): что такое Богъ?

Отвѣтъ: Не знаю.

В. Кто сотворилъ міръ?

О. Не знаю.

В. Откуда приходитъ и куда идетъ человѣчество? Когда и какъ человѣкъ появился на землѣ? Что случится съ нами по смерти?

О. Не знаю.

В. Не краснѣете-ли Вы за свое невѣдѣніе?

О. Нѣтъ стыда не знать то, чего никто и никогда не могъ узнать.

В. Но развѣ этому не учитъ религія?

О. Религіи учили объ этомъ каждая по своему и каждая говорила людямъ: „вѣрьте мнѣ—вотъ истина"!

В. Значитъ Вы не вѣрите никакой религіи?

О. Я боюсь ошибиться и ожидаю, пока разумъ въ согласіи съ вѣрою сдѣлаетъ выборъ наиболѣе раціональный.

В. Но во что-же Вы вѣрите въ ожиданіи этого?

О. Я вѣрю, что больше заслуги, особенно-же больше пользы, хорошо вести себя на землѣ, чѣмъ строить всевозможныя догадки о первой причинѣ, которая насъ поставила въ это положеніе.

В. Но, вѣдь, чтобы хорошо вести себя, нужно знать направленіе; а кто укажетъ Вамъ это направленіе, если у Васъ нѣтъ религіозной вѣры?

О. Разумъ.

В. Куда-же ведетъ Васъ разумъ?

О. Ведетъ.... къ признанію истины *въ прогрессъ* (Catéchisme laique, par *André Berthet*, 2-e éd. 1891. Chap. I, passim).

Въ такомъ тонѣ и направленіи изложенъ и весь этотъ quasi-„катехизисъ". Что въ *католической* странѣ ни онъ самъ, ни тѣ школы, въ основу которыхъ онъ положенъ, ни его первовиновники и иниціаторы, во главѣ которыхъ стоитъ Ренанъ, не только не могутъ пользоваться всеобщею симпатіею, но, напротивъ, неизбѣжно должны встрѣчать сильную оппозицію или, по крайней мѣрѣ, критику,—это, конечно, понятно. Вотъ, напр., одинъ изъ безчисленныхъ отзывовъ о Ренанѣ со стороны представителей противоположнаго ему лагеря,—отзывъ, которымъ недавно обрушился на него Поль Кассаньякъ, по поводу защиты Ренаномъ семитовъ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ *Франкфуртской газеты*. „Я былъ еще очень молодъ,—гов. Кассаньякъ, -когда появилась *Жизнь Іисуса*. Съ тѣхъ поръ я читаю все, что Ренанъ публикуетъ. И теперь, какъ и прежде, я испытываю непреодолимое отвращеніе къ этому существу безъ нравственности и вѣры, безъ ненависти и любви, безъ пола(sic!) и патріотизма,—къ этому ублюдку, воплощенному практическому разсчету,

религіозному эвнуху (être hybride, chapon pratique, eunuque religieux); къ этому измѣннику и предателю (défroqué), который ни во что не вѣритъ, кромѣ самого себя, и идетъ къ могилѣ, оставляя за собою долгій путь сомнѣнія и скептицизма, равнодушно относясь и къ добродѣтели, и къ пороку; къ этому жалкому человѣку, который никого не поддержалъ, никого не утѣшилъ, и зловредное сочиненіе котораго еще долго будетъ дѣйствовать растлѣвающимъ образомъ, особенно на наше молодое поколѣніе" (L'Autorité № 184). Изъ этого рѣзкаго отзыва Кассаньяка о Ренанѣ мы видимъ, что представители противоположнаго ренановскому полюса французской мысли не дремлютъ и клеймятъ его кощунственный эпикуреизмъ сильнымъ и смѣлымъ словомъ осужденія. Здѣсь, заговоривъ объ этомъ, противоположномъ ренановскому, полюсѣ мысли, мы должны-бы были перейти къ характеристикѣ этого послѣдняго, -къ выясненію того элемента, который вносятъ въ мыслящее сознаніе современной Франціи „клерикалы", т. е. ультрамонтанскаго догматизма. Но такъ какъ вопросу о католицизмѣ во Франціи мы предполагаемъ посвятить особое (ближайшее) письмо, то на этотъ разъ ограничимся характеристикою лишь двухъ другихъ, среднихъ, теченій современной фр. мысли.

Первое изъ этихъ среднихъ теченій, которое *Поланъ* въ своей недавней книгѣ мѣтко назвалъ „новымъ мистицизмомъ" (Le nouveau mysticisme, par *F. Paulan* Paris, 1891), есть компромиссъ между двумя вышеуказанными крайними полюсами мысли. Съ одной стороны, дарвинизмъ, разрушившій своимъ ученіемъ о всеобщей борьбѣ за существованіе доктрину „благой природы"; позитивизмъ, пробившій бреши въ спиритуализмѣ Кузена и его школы; пессимизмъ Шопенгауера и Гартмана, полу-скептическія доктрины Тэна и др. крайнія движенія мысли послѣдняго времени, концентрирующіяся, какъ мы сказали, въ эстетическомъ эпикуреизмѣ Ренана,—все это произвело своего рода „анархію", уже не „анархію мысли", о которой говорилъ Контъ, но анархію вѣрованій и нравственныхъ устоевъ, каковая анархія, въ свою очередь, пробудила мучительную жажду идеала. Съ другой стороны, вѣками воспитанное отвращеніе къ ультрамонтанскому авторитету, доселѣ не перестающему сковывать мысль догматическимъ *veto*, заставило искать

удовлетворенія этого мистическаго стремленія къ идеалу повсюду, гдѣ угодно, только не въ католицизмѣ. Къ этимъ двумъ факторамъ присоединился еще третій, совершенно своеобразный и, можетъ быть, самый важный для характеристики современныхъ настроеній во Франціи, — это *любовь ко злу*,—любовь, не какъ простое практическое настроеніе, не какъ безсознательное и какъ-бы невольное увлеченіе обезсилѣвшей и разслабѣвшей воли, но любовь сознательная, возведенная въ теорію, въ принципъ, и даже одѣтая обаяніемъ поэзіи. Это-то странное, ненормальное состояніе, въ которомъ больной сознаетъ себя больнымъ и тѣшится, упивается своею болѣзнью, рисуется или гордится ею, какъ признакомъ своего особеннаго благородства, своей исключительно-тонко развитой нервной организаціи (эти настроенія хорошо вскрыты многими современными фр. писателями, особенно *Musset*. *Paul*'емъ *Bourget* и *Joséphin*'омъ *Péladon*'омъ); это-то болѣзненное настроеніе, эта „любовь ко злу“ заставляетъ окрашивать новый смутный идеалъ пессимистически - меланхолическимъ колоритомъ, вслѣдствіе чего онъ, конечно, ужъ не можетъ лежать въ одномъ направленіи съ истиннымъ идеаломъ Религіи Искупленія, призывающей къ бодрой и энергичной борьбѣ съ тою самою болѣзненно-преступною „любовью ко злу“, которымъ гордятся разбитыя натуры нашихъ дней. Такимъ образомъ, на мѣсто животворной христіанской мистики у этихъ половинчатыхъ людей, которые не имѣютъ въ себѣ достаточно послѣдовательности, чтобы примкнуть къ одному изъ вышеуказанныхъ полюсовъ мысли, вступаетъ „новый мистицизмъ“ въ его неисчерпаемо разнообразныхъ формахъ, начиная отъ спиритизма и кончая необуддійскою теософіею. Даже и наиболѣе осторожные умы, каковъ, напр., самъ авторъ цитованной нами книги: Le nouveau mysticisme, при этомъ эпидемическомъ увлеченіи „болѣзнью времени“, предпочитаютъ „историческому христіанству“ (т. е. католицизму и протестантизму, каковыя формы они только и знаютъ) неопредѣленную и самопротиворѣчивую „религію отечества“, „человѣчества“, „научныхъ ассоціацій“ и прочія утопіи. Если,— разсуждаетъ Поланъ,—„религія есть форма общенія людей между собою, съ одной стороны, и съ міромъ, съ другой“ (?); то вѣдь можно включить въ это опредѣленіе и всѣ тѣ ассо-

ціаціи, въ которыхъ человѣкъ можетъ найти поддержку и усладу своей жизни, какъ-то: семью, отечество, человѣчество, научныя общества взаимной помощи, экономическія ассоціаціи и т. д. (p. 170 и слѣд.). Въ этомъ направленіи, какъ ожидаютъ адепты „новаго мистицизма", и должно совершиться „религіозное возрожденіе".

Совершится это ненужное „возрожденіе" или нѣтъ,—мы не знаемъ. Но мы знаемъ, что, къ счастію для націи, во французскомъ міросозерцаніи есть еще особый элементъ, который никогда не замиралъ и еще доселѣ заявляетъ себя довольно энергично,- элементъ, забота о которомъ была-бы несравненно болѣе плодотворна, чѣмъ всѣ эти сантиментальныя увлеченія „новымъ мистицизмомъ". Это—философская, такъ называемая *спиритуалистическая школа*—въ обоихъ смыслахъ этого послѣдняго слова: и въ смыслѣ общей философской традиціи и въ смыслѣ спеціально-школяной (университетской) программы. Счастливы народы, которые имѣютъ опредѣленныя и здравыя традиціи и умѣютъ хранить ихъ; и въ этомъ завидномъ счастіи не только не отказано Франціи, но она, кажется, надѣлена имъ по преимуществу. Великіе Декартъ и Мальбраншъ, Фенелонъ и Боссюэ, Кузенъ и Мэнъ-де Биранъ отмѣтили главные моменты мысли, которая медленно, но неутомимо преслѣдовала свою основную цѣль уразумѣть и перевести въ отчетливую форму возвышенныя христіанскія идеи. Историко-философское изученіе этого процесса могло-бы указать въ немъ важную охранительную роль католицизма, который, въ противоположность протестантизму, разнуздавшему протестантскую мысль, даже и для самыхъ свободныхъ и смѣлыхъ умовъ все еще оставался и остается святынею, которую они не осмѣливались осквернять вольномысліемъ и которая указывала для нихъ опредѣленныя задачи и. по крайней мѣрѣ, общее направленіе. Но выясненіе *генезиса* этого типа мысли не было нашею задачею. Мы хотѣли только отмѣтить фактъ, который сохраняетъ свое вліяніе и на современную французскую мысль, не смотря на великое множество растлѣвающихъ ее побочныхъ теченій. Именно, благодаря этимъ, охраняемымъ католицизмомъ, здравымъ философскимъ традиціямъ, мы находимъ во Франціи единственную въ своемъ родѣ философскую литера-

туру, которая остается свободною отъ поработившихъ новую (нѣмецкую, а отчасти и англійскую) мысль эволюціонно-пантеистическихъ и механико-матеріалистическихъ тенденцій, хотя, съ другой стороны, не представляетъ безжизненнаго, сухаго и, такъ сказать, стереотипнаго повторенія средневѣковой философіи, какъ философія „ультрамонтанская". Поборники этого типа мысли высоко и твердо держатъ свое знамя и смѣло несутъ его впередъ, не смотря на непрерывную и ожесточенную аттаку со стороны своихъ многочисленныхъ противниковъ, и пользуются для своей проповѣди не только перомъ, но и каѳедрою. Мы намѣренно сказали; „для своей *проповѣди*". Они излагаютъ свое ученіе съ истиннымъ одушевленіемъ проповѣдника, проникнутаго сознаніемъ святости своихъ идей, и тогда какъ какой нибудь Лаффитъ или хотя-бы даже самъ Ренанъ апатично перетряхиваютъ небогатый запасъ своихъ quasi-положительныхъ выводовъ, въ сосѣдней аудиторіи, съ искреннею вѣрою въ окончательное торжество истины и со ссылкою на свой собственный *духовный* опытъ, маститый старецъ Левекъ (Charles Leveque), Поль Жане, Нуррисонъ и др. зажигаютъ въ сердцахъ своихъ слушателей, изъ которыхъ, конечно, каждый хоть отчасти знакомъ съ тѣми же опытами, тотъ-же священный огонь, который горитъ и въ ихъ груди. Подъ вліяніемъ этой проповѣди формируются новыя силы, которыя начинаютъ работать на томъ-же полѣ и въ томъ-же направленіи. Поколѣніе смѣняется поколѣніемъ; но духъ, но направленіе, но вѣяніе возвышеннаго идеализма остаются тѣ-же, и маститая Сорбонна, проникнутая этими идеалистическими традиціями, вѣроятно, еще не разъ будетъ содѣйствовать отрезвленію расшатавшейся французской мысли. Въ всемъ этомъ для каждаго, кому будущія судьбы Франціи не безразличны, много успокоительнаго: именно онъ, этотъ устойчивый идеализмъ, можетъ и долженъ спасти непостоянную французскую націю и уберечь ее отъ разложенія, которое ей пророчатъ не одни только ея враги...

Мы не станемъ касаться другихъ сторонъ французской „культуры". Фривольность фр. литературы, откровенность (nudité) фр. искусства—все это общія мѣста, которыя уже мало кого занимаютъ. Но, чтобы не обрывать „письма" на

такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ вопросъ о спиритуалистической школѣ, скажемъ здѣсь кое-что объ обыденной жизни парижанъ; эти замѣчанія дополнятъ сдѣланную выше характеристику француза съ его неустанною подвижностью.

Парижъ суетится цѣлыя сутки, за исключеніемъ развѣ трехъ—четырехъ раннихъ утреннихъ часовъ. Утромъ суета дѣловая: трубитъ рожокъ омнибуса, слышится колокольчикъ какого-нибудь мелкаго уличнаго торговца, протяжный, какъ-бы надорванный, крикъ торговки, свирѣль пастуха-погонщика козъ, который тутъ же добываетъ отъ нихъ свѣжее молоко и за недорогую плату предлагаетъ всѣмъ желающимъ, поминутно слышатся выкрики газетчиковъ, продавцевъ свѣжихъ телеграммъ, биржевыхъ котировокъ, бюллетеней всевозможныхъ спортовъ и т. д., докучливое *marchand d'habit* старьевщика,—и все это сливается въ одинъ неопредѣленный шумъ, который стономъ стоитъ надъ Парижемъ и, вмѣстѣ съ грохотомъ омнибусовъ, трамваевъ и экипажей и съ торопливою суетою прохожихъ, въ состояніи, особенно на первыхъ порахъ, нагнать на свѣжаго человѣка оторопь. По мѣрѣ склоненія дня къ вечеру, суета смолкаетъ или,—сказать точнѣе,—суета дѣловая переходитъ въ суету бездѣльную: бульвары и бульварные рестораны, и café (а ими усѣянъ весь Парижъ) переполняются вѣчно досужей или освободившейся отъ срочнаго дѣла публикой и все это напѣваетъ, насвистываетъ какой-нибудь новый мотивъ, безпечно хохочетъ, а позднимъ вечеромъ, когда Парижъ освѣтится цѣлымъ моремъ свѣта — газоваго и электрическаго, надорванный крикъ дѣловаго утра смѣняется всеобщею безпечною веселостью, которая иногда переходитъ въ совершенно ребяческую шаловливость этихъ „взрослыхъ дѣтей", способныхъ подъ-часъ завести на самой бойкой улицѣ игру „въ догонялки". Здѣсь много типичнаго и характернаго. Вотъ, напр., въ какомъ-нибудь тупомъ переулкѣ, а иногда и на перекресткѣ большихъ улицъ, пѣвецъ, или пѣвица, обыкновенно подъ аккомпаниментъ скрипки или мандолины, среди громадной толпы поетъ шансонетку, только-что положенную на ноты, и послѣ каждаго куплета предлагаетъ ее слушателямъ. Новинка раскупается быстро. Около улич-

наго пѣвца образуется цѣлый хоръ, который растетъ и растетъ до тѣхъ поръ, пока докучливый „сержантъ“ не пригласитъ разойтись. Здѣсь мы присутствуемъ при зарожденіи моды: завтра весь Парижъ будетъ напѣвать и насвистывать тотъ-же мотивъ...

Французы любятъ пѣсни, веселье и праздники. По воскреснымъ днямъ и праздникамъ они отнюдь не работаютъ, и всѣ магазины, за исключеніемъ развѣ еврейскихъ, заперты. А сколько у нихъ всевозможныхъ народныхъ гуляній! Сегодня въ одномъ концѣ Парижа, завтра въ другомъ, послѣ завтра въ третьемъ, а разъ въ годъ (именно въ настоящее время, когда мы заканчиваемъ это письмо) весь Парижъ превращается въ одно сплошное гулянье и безумно-весело празднуетъ свой „національный праздникъ“. Чего-чего тутъ нѣтъ: и карусели, и тиры, и „русскія горы“, и „баллоны-каптивы“ (въ миніатюрѣ, конечно), и фейерверки, и театры,— словомъ всевозможныя забавы. И все это изящно, нарядно, богато!

Таковъ Парижъ—эта всемірная столица, эта гордость французовъ. Такова французская дѣйствительность, какъ-бы повисшая на скользкомъ скатѣ къ соціальному и нравственному разложенію, а затѣмъ, вслѣдствіе необходимой связи фактовъ, можетъ быть и къ вырожденію, хотя, съ другой стороны, еще таящая въ себѣ задатки и живыя начала обновленія. Въ какомъ направленіи пройдетъ дальнѣйшая исторія Франціи, — превозмогутъ-ли здравые и неповрежденные ростки, которые проростутъ обветшавшую оболочку, и, такимъ образомъ, французская нація возродится, какъ фениксъ изъ пепла, или, наоборотъ, вѣками наслоившіяся заблужденія ума и воли заглушатъ еще прозябающіе задатки обновленія: кто можетъ сказать это? При непостоянствѣ французскаго характера, при недостаткѣ моральной дисциплины, все возможно. „Подождите, — говорилъ намъ одинъ нѣмецкій профессоръ, страстный политикъ, при прощаніи,—явится снова какой-нибудь Буланже: скрутитъ этихъ вольнодумцевъ!“. „Подождите,—слыхали мы не разъ и здѣсь отъ очень многихъ, не исключая и самихъ французовъ, — первая серьезная неудача, которая произойдетъ вслѣдствіе оплошности нынѣшняго правительства, можетъ разомъ перевернуть все: за погромъ 1871 г.

винили монархію; для французскаго ума не будетъ ничего послѣдовательнѣе, какъ за новую неудачу винить республику. Монархія—республика, республика —монархія: французская нація, повидимому, вѣчно будетъ вращаться въ этомъ кругу, какъ бѣлка въ колесѣ". Всматриваясь въ ея жизнь, прислушиваясь къ движеніямъ ея мысли,—къ этому ропоту прессы и массы, который, какъ зыбь подвижнаго моря, при каждомъ болѣе или менѣе сильномъ напорѣ вѣтра, быстро разростается въ грозно пѣнящійся валъ, поневолѣ подумаешь, что ничего невѣроятнаго въ этихъ ожиданіяхъ и предсказаніяхъ нѣтъ. Но, что-бы ни случилось съ этимъ добродушнымъ и добросердечнымъ народомъ, вся историческая вина котораго, можетъ быть, именно въ томъ и состоитъ, что онъ не привыкъ подчинять головѣ свое пылкое сердце, онъ, кажется, никогда не перестанетъ обращать съ симпатіею и надеждою свой взоръ къ тому далекому востоку, гдѣ обитаетъ его могущественный другъ. И кто знаетъ, можетъ быть въ этихъ симпатіяхъ двухъ націй, которыя несомнѣнно обусловлены не одними только политическими мотивами, но такъ-же и сродствомъ народныхъ характеровъ, одинаково сердечныхъ, одинаково далекихъ отъ нѣмецкой педантичной сухости, одинаково обвѣяныхъ обаяніемъ поэзіи, можетъ быть въ нихъ дано для французской націи, даже помимо ея сознанія и воли, не только средство для сохраненія своей политической самобытности, но такъ-же и начало отрезвленія и освобожденія отъ тѣхъ обольщеній, которыми она грезитъ вотъ уже цѣлое столѣтіе?!...

Парижъ.
14 (2) Іюля 1892.
День фр. національнаго праздника.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Кёльнскій Соборъ, какъ символъ католичества.—Спеціально католическая физіономія западнаго города за Кёльномъ.—Католичество и культура.—Организація и матеріальное положеніе католическаго клира во Франціи.—Проповѣдь Монсиньёра д'Юльста въ Соборѣ Парижской Богоматери.—Ослабленіе вліянія кат. церкви на массы. — Причины этого явленія по Тэну, Леруа-Болье и Брогли. — „Дехристіанизація" Франціи. — Причины этого явленія—вторичныя и коренная. „Соціально-демократическая эволюція" папства.—Католичество и рабочій вопросъ.—Энциклика папы Льва XIII о рабочемъ вопросѣ (De conditione opificum). — Какъ папа опровергаетъ соціализмъ?—О соціальномъ значеніи Христіанства и кат. церкви, по энцикликѣ.—Объ отношеніи къ рабочему вопросу со стороны государства.—Объ ассоціаціяхъ и коопераціяхъ рабочихъ, какъ единственномъ исходѣ изъ современнаго соціальнаго кризиса, по энцикликѣ. — Главная ошибка въ энцикликѣ.—Неудовлетворенность ею.—Что можетъ спасти западный міръ отъ „соціальнаго землетрясенія"?—Двѣ формулы выражающія господствующее настроеніе современнаго католическаго Запада.

Le christianisme en France s'est réchauffé dans le cloître et refroidi dans le monde.
Taine *).

Adveniat regnum Tuum!

На рубежѣ, отдѣляющемъ католическій Западъ отъ протестантскаго, возвышается монументальный памятникъ — Кёльнскій Соборъ. Массивный и величественный, раздѣлившійся на множество какъ-бы самостоятельныхъ пристроекъ и, однако, ничуть не утратившій своего архитектоническаго единства, своего строго выдержаннаго стиля, постоянно до-

---

*) La reconstruction de la France en 1800. Revue des deux Mondes, t. 105, 1891 г., стр. 516: „къ христіанству во Франціи снова прониклись (запылали) любовью въ монастыряхъ, но охладѣли въ міру".

страиваемый и все еще недовершенный, уходящій своими гордыми шпицами въ далекую высь голубаго неба и въ то же время грузно осѣвшій на землю, этотъ священный колоссъ служитъ нагляднымъ и выразительнымъ символомъ католической церкви съ ея прочною организаціею, съ ея горделивыми замыслами, съ ея постоянными достройками при неизмѣнности основной идеи и плана, съ ея страстными порывами къ небу, которые не мѣшаютъ ей, однако, всѣмъ существомъ своимъ, всѣми привязанностями и помыслами оставаться на землѣ, —церкви, о которой такъ правдиво сказалъ поэтъ:

Она небесъ не забывала,
Но пыль земли на ней легла...

Присматриваешься къ этому колоссу ближе, и аналогія становится все отчетливѣе и отчетливѣе: въ воображеніи проносятся разнохарактерныя картины, напрашивается сближеніе за сближеніемъ и, кажется, символически переживаешь все, чѣмъ живетъ католикъ, начинаешь постигать загадку великаго, неразгаданнаго факта и становишься участникомъ чуждаго міра, чуждыхъ думъ и чувствъ, чуждой. глубоко сокрытой, утаенной жизни. Вотъ вступаешь подъ сѣнь величественныхъ сводовъ храма, и, когда въ священномъ полумракѣ тебя охватываетъ могучее, уничтожающее чувство таинственнаго, заглушающее личную мысль и личное желаніе, всѣ проявленія сознательной жизни, и ты какъ бы сливаешься со всѣмъ окружающимъ; когда слушаешь громовой звукъ органа и нѣмую, непонятную „мессу", которая самымъ фактомъ своей непонятности какъ-бы снимаетъ съ тебя обязанность участвовать въ молитвѣ *своею* мыслью, *своимъ* словомъ, движеніемъ *своей* души, своей единоличной воли: когда переживаешь всѣ эти безотчетныя, но невольныя настроенія, тогда ясно чувствуешь все обаяніе соблазна отдаться,—безмысленно и безвольно, —внѣшнему водительству, внѣшне „спасающей матери"—католической церкви. Вотъ вмѣстѣ съ проводникомъ мы поднимаемся на кровлю храма и проходимъ по его безконечнымъ наружнымъ переходамъ. У подножія храма смиренно стелется городъ, а далѣе открываются необозримые горизонты... Заманчиво, до раздраженія заманчиво даже и это, лишь

мгновенное и призрачное обладаніе окрестностью и шумнымъ городомъ, которое дается на этой высотѣ: на сколько-же заманчивѣе и обольстительнѣе должно быть реальное обладаніе міромъ, людьми, ихъ душею и совѣстью! И вотъ—разгадка папства, его неутомимой энергіи, которой хватаетъ для поддержанія громоздкой и сложной постройки вотъ уже въ продолженіе столькихъ вѣковъ! Переходишь непрестанно мыслью отъ символа къ тому, что онъ такъ полно символизируетъ и не знаешь, чему больше дивиться,—тому ли каменному колоссу, около котораго стоишь и которымъ любуешься, или тому обширному и сложному построенію, которое воздвигается вотъ уже много вѣковъ и захватываетъ своею площадью почти всѣ страны свѣта и которое называется католическою церковью...

Но вотъ проводникъ, наскучившій ожиданіемъ, выводитъ изъ раздумья указаніемъ на одну любопытную подробность, которая сразу разрушаетъ иллюзію: у самой кровли храма, среди колоннадъ и пристроекъ, онъ указываетъ какія-то странныя фигуры съ выраженіемъ отверженія и угрозы на сумрачномъ челѣ, которыя какъ-бы приросли къ храму всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ,—кажется, хотятъ и не могутъ отъ него отдѣлиться. „Это, —комментируетъ услужливый провожатый,—это злые духи, улетающіе изъ храма“. Вотъ важное и правдивое дополненіе къ символу! И около католицизма вьются различные искусительные духи, которые, кажется, хотятъ и не могутъ отъ него оторваться. Да и хотятъ-ли?...

За Кёльномъ западный городъ принимаетъ иную, чисто католическую физіономію. Встрѣчаются патеры въ своихъ типичныхъ широкополыхъ шляпахъ. Порою проходитъ доминиканецъ въ сандаліяхъ, во вретищѣ, препоясанный грубоватымъ поясомъ и съ шапочкою особаго покроя (въ родѣ ермолки) на головѣ. Въ окнахъ магазиновъ священной утвари выставлены скульптурныя фигуры католическихъ святыхъ, которыя сначала положительно смущаютъ непривычный глазъ своею пластичностью и рельефностью очертаній. На дверяхъ, при входѣ въ храмъ, еще и досель можно иногда прочитать текстъ индульгенціи, обѣщающей за такіе или иные благочестивые подвиги отпущеніе грѣховъ—и самимъ молящимся и душамъ ихъ находящихся въ

чистилищѣ сродниковъ (индульгенціи въ нашъ-то скептическій девятнадцатый вѣкъ! *). А въ самыхъ храмахъ! Здѣсь сразу и непосредственно чувствуется, что католикъ живетъ иною жизнью сравнительно съ протестантомъ. Вмѣсто монотоннаго погруженія въ себя протестанта, католикъ живетъ какъ-бы внѣ себя,—такъ сказать, выноситъ свое, не изсушенное, но за то и не весьма просвѣтленное мыслью чувство, свое благочестіе, свою религіозную настроенность наружу и проявляетъ его конкретно—прежде всего въ различныхъ вещественныхъ приношеніяхъ особенно чтимымъ святымъ, каковыми приношеніями (дощечками съ надписями, изображеніями исцѣленныхъ частей тѣла и пр.) обыкновенно увѣшаны въ храмахъ всѣ стѣны около изображенія святаго. А какъ пестры, такъ сказать нарядны, съ какою помпою выполняются разнообразныя и многочисленныя католическія процессіи! Кажется, все разсчитано на глазъ и на воображеніе. Повсюду конкретность и пластика, которая особенно бросается въ глаза послѣ сдержаннаго подобраннаго нѣмецкаго города...

Вотъ и Парижъ. Среди всевозможныхъ соблазновъ и искушеній, которыя представляетъ культурному и некультурному человѣку этотъ новый Вавилонъ, католицизмъ развертываетъ всѣ свои силы, употребляетъ всѣ свои средства для борьбы со врагомъ, и,—надо правду сказать, изумляетъ и своею энергіею, и своимъ искусствомъ, и своею настойчивою неутомимостью. Кажется, присутствуешь здѣсь при какой-то рѣшительной битвѣ, которой не замѣчаешь

---

*) Вотъ наприм., текстъ такого объявленія объ индульгенціи, усвоенной кат. церкви въ *Трувилъ*, списанный нами лично.

église Notre-Dame de Bon-Secours de Trouville sur-Mer.

Cette église jouit du précieux privilège de l'indulgence plenière de la portioncule Cette indulgerce peut être gagnée chaque année depuis 2 heures de l'après-midi du 1-er août, jour de la fête des chaînes de saint-Pierre, jousqu'au coucher du soleil du 2 août, par tous les fidèles qui, contrits, confessès, communies visitent cette èglise et y prient aux intentions du Souverain Pontife

Elle se gagne autant de fois qu'on renouvelle la visite.
Elle est appliquable aux âmes du Pourgatoire.
Le curè de N.-De Bon-Secour.
A. Le Tournier.

только потому, что боевыя силы раскинуты на слишкомъ большомъ пространствѣ, и самыя горячія схватки не тамъ, гдѣ ты. Двѣ исполинскія силы встали другъ противъ друга, вступили въ борьбу и, хотя пока еще очень трудно сказать, которая изъ нихъ побѣдитъ и оттѣснитъ другую, однако уже съ перваго взгляда очевидно, что силѣ безбожной культуры, быть можетъ, превосходящей своею численностью, противостоитъ хорошо вооруженный и организованный противникъ, съ которымъ во всякомъ случаѣ нужно серьезно считаться.

Католическая армія хорошо *организована*. Чрезъ епископовъ, этихъ „генералъ-лейтенантовъ папы", всѣ католическіе патеры и монахи, а за ними и міряне, подчинены власти верховнаго вождя и главы, воля котораго—священный законъ. Армія хорошо *обучена*. Кромѣ семинарій, у католиковъ есть институты (высшія учебныя заведенія), въ которыхъ разрабатываются и преподаются съ строго католической точки зрѣнія *всѣ отрасли человѣческаго знанія*, а не одно богословіе *); у нихъ есть огромныя, но истинѣ универсальныя энциклопедіи **), журналы, компендіумы и курсы, изъ которыхъ желающіе могутъ получать свѣдѣнія по всѣмъ безъ исключенія отраслямъ знанія и притомъ въ строго католическомъ духѣ и освѣщеніи. Далѣе, эта армія хорошо *поставлена матеріально*. Кромѣ случайныхъ поступленій и доходовъ, которые въ богатыхъ приходахъ достигаютъ весьма значительной цифры (наприм., доходъ настоятеля въ церкви св. Маріи Магдалины, l'Eglise de la Madeleine, по исчисленію Тэна, достигаетъ до 40,000 фр. ежегодно ***), - кромѣ этихъ случайныхъ поступленій каждый настоятель и викарный священникъ получаетъ опредѣленное, довольно приличное жалованье, которое одно, безъ стороннихъ доходовъ, даетъ ему возможность въ матеріальномъ отношеніи стоять на ряду съ чиновниками средняго разряда ****). Само собою понятно, что все это въ

*) Парижскій кат. институтъ есть тоже, что нашъ университетъ: въ немъ всѣ факультеты (филол., математ, юридическій).

**) Такова напр., *Encyclopédie théologique—въ 171 томахъ!*

***) Тэнъ, op. cit., p. 482, примѣч. 2-е.

****) Ibid. Викарные священники получаютъ во Франціи отъ 900 до 1300 фр. въ годъ, смотря по лѣтамъ; настоятели (curés) 2-го класса отъ 1200

совокупности,—и сознаніе патера или епископа, что за ними стоитъ ихъ могущественный повелитель и защитникъ, и хорошая подготовленность, и солидное матеріальное положеніе, — все это сообщаетъ имъ увѣренность въ себѣ, въ своемъ дѣлѣ, смѣлость и независимость.

Трудно забыть впечатлѣніе этой несокрушимой увѣренности въ своей силѣ, которая энергично выступила предъ нами, когда въ соборѣ Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris) мы впервые слушали проповѣдь знаменитаго католическаго проповѣдника, Монсеньёра *д'Юльста* (ученый ректоръ католическаго института, соперникъ Дидона по проповѣднической славѣ). Былъ вечеръ страстной среды *). Мелодичный и сильный звукъ большаго колокола, разливавшійся изъ башни собора Парижской Богоматери возвѣщалъ о началѣ службы. Вхожу вмѣстѣ съ толпою и къ своему удивленію узнаю, что немногія, остающіяся за исключеніемъ *откупленныхъ заранѣе*, мѣста, нужно было *покупать* (по цѣнѣ, впрочемъ, недорогой—20 сант.). Купилъ, конечно. Спрашиваю: что это значитъ? — „Сегодня, отвѣчаютъ, говоритъ Монсеньеръ д'Юльстъ". Сажусь и начинаю разсматривать слушателей: здѣсь былъ весь парижскій beau monde—нарядный и элегантный. Вотъ появляется митрополитъ въ красной тогѣ, за нимъ сонмъ подчиненнаго ему духовенства и занимаютъ свои мѣста. Наконецъ и проповѣдникъ. Это—сухощавый старикъ (не очень, впрочемъ, старый), съ весьма выразительнымъ лицомъ, съ тонкими чертами и энергичными манерами. Онъ занялъ свое „гнѣздо", какъ я мысленно называю проповѣдническую каѳедру католическихъ храмовъ, и мгновенно все превратилось въ напряженный слухъ. Раздались звуки не особенно сильнаго, но отчетливаго и проникновеннаго голоса. Онъ говорилъ, конечно, безъ тетрадки, говорилъ долго (болѣе часу), лишь на минуту останавливаясь, чтобы отпить глотокъ воды, и сопровождалъ свою рѣчь выразительными жестами. Это была не проповѣдь, а лекція, хорошо расчле-

---

до 1300 фр.,—1-го кл. отъ 1500 до 1600 фр.; каноники (chanoines) и настоятели-протоіереи (curés archiprêtres) отъ 1600 до 2400 фр.; викарные епископы отъ 2500 до 4000 фр.

*) Пасха въ 1892-мъ году у католиковъ совпадала съ нашей.

ненная и, какъ говорятъ, „обточенная". Рѣчь шла о внутренней миссіи,— о воспитаніи народа въ духѣ католичества: выяснялась обязанность каждаго католика содѣйствовать Церкви въ этомъ дѣлѣ, и проповѣдь закончилась приглашеніемъ къ пожертвованію. Не смотря на этотъ послѣдній, довольно деликатный мотивъ проповѣди, не смотря на ея продолжительность и пожалуй даже сухость, проповѣдникъ сначала и до конца владѣлъ своею аудиторіею,—и именно, какъ мнѣ казалось, потому, что проповѣдь была сказана съ необычайною силою внутренняго убѣжденія и какъ-бы права,—безапелляціоннаго права проповѣдника—на вниманіе слушателей, которое давалось ему и предметомъ, и положеніемъ, и личныхъ отношеніемъ къ вопросу. Правда, Монсеньёръ д'Юльстъ—знаменитый проповѣдникъ, и долю его успѣха, конечно, нужно было отнести на счетъ его личнаго ораторскаго искусства; но кое-что несомнѣнно оставалось и на долю авторитета католическаго проповѣдника вообще,— его увѣренности въ силѣ того института, которому онъ служитъ, въ живучести того организма, частью котораго онъ является: слыхалъ я и послѣ католическихъ проповѣдниковъ, менѣе искусныхъ и совсѣмъ неискусныхъ, но та же смѣлость и та же увѣренность. Очевидно, это свойство—общее, родовое, воспитываемое какими нибудь постоянными причинами и вліяніями и, кажется, что они объясняются именно совокупностью указанныхъ выше причинъ, конечно, при общей у католическихъ проповѣдниковъ со всѣми другими увѣренности въ истинѣ возвѣщаемаго ученія.

Казалось-бы при такихъ условіяхъ духъ католическаго христіанства долженъ былъ проникать и направлять всю жизнь католическаго запада, во всѣхъ ея подробностяхъ, со всѣхъ сторонъ, во всемъ объемѣ. И однако, вотъ что говоритъ, напримѣръ знаменитый современный соціологъ, горячій патріотъ и вѣрный сынъ католической Церкви, Анатоль Леруа-Больё: „Несчастіе, великое несчастіе нашей Франціи состоитъ въ томъ, что церковь уже не имѣетъ больше власти надъ массами, что, въ нашихъ предмѣстьяхъ особенно, Евангеліе есть книга почти совсѣмъ неизвѣстная, какъ будто-бы она никогда и не переводилась съ греческаго, что народъ, который нѣкогда у подножія Распятаго

искалъ силы и утѣшенія, теперь не идетъ болѣе ко Кресту и не ищетъ облегченія подъ его сѣнію“. У Франціи много всякихъ мнимыхъ связей, но нѣтъ связи единственно истинной и реальной — нѣтъ связи нравственной, духовной, „Чему подобна она, наша Франція, — спрашиваетъ далѣе знаменитый публицистъ, — Франція, столь гордая своею прочностью? Подобна зданію, сложенному изъ однихъ камней безъ цемента. Цементомъ служила религія: онъ выпалъ и вотъ мы не знаемъ, чѣмъ, какимъ связующимъ составомъ замѣнить его“ *). А вотъ и другое свидѣтельство, такъ сказать, изъ другаго лагеря, — свидѣтельство извѣстнаго историка, философа и публициста (недавно скончавшагося), Тэна: „во Франціи, — говоритъ онъ, заканчивая послѣднюю часть своихъ мастерскихъ этюдовъ о „Возсозданіи Франціи въ 1800 г.“, — во Франціи къ христіанству снова прониклись любовью въ монастыряхъ (послѣ погрома, который принесла революція конца прошлаго столѣтія), но *охладѣли въ міру*, хотя въ міру-то именно и нужна теперь его согрѣвающая теплота“ **).

Не легко, какъ извѣстно, проникнуть въ католическіе монастыри, а проникнувъ, не легко узнать ихъ сокровенную жизнь, и мы не беремся судить объ ней. Если вѣрить Тэну, французская революція конца прошлаго столѣтія подѣйствовала на монастырскую жизнь благодѣтельно: отнявъ у монаховъ различныя внѣшнія прерогативы, она заставила уйти изъ монастырей всѣхъ тунеядцевъ и карьеристовъ, такъ что теперь будто-бы въ нихъ остаются лишь люди по призванію, которые молятся и трудятся, — трудятся на всѣхъ возможныхъ поприщахъ благотворительности и служенія человѣчеству, безъ всякихъ стороннихъ мотивовъ, безъ всякихъ честолюбивыхъ или властолюбивыхъ стремленій. Даже пріоры современныхъ монастырей ничѣмъ будто бы не отличаются отъ всей остальной братіи, несутъ всѣ тяготы и невзгоды монастырской жизни наравнѣ со всѣми, такъ что монастыри являются въ глазахъ Тэна истиннымъ осуществленіемъ „теоретическаго идеала соціалистовъ, республи-

---

*) *Anatole Leroy-Beaulieu:* la Papauté, le Socialisme et la Democrate, 1892 pp. 243—4.

**) Taine, op. cit. девизъ.

кою чисто спартанскою“ *). Мы не можемъ, говорю, провѣрить всего этого и намъ приходится въ данномъ случаѣ вѣрить Тэну на слово. Но за то другая половина тезиса,— замираніе католичества или точнѣе охлажденіе къ нему, ослабленіе его вліянія въ міру и вступленіе на его мѣсто иныхъ, чисто языческихъ началъ жизни,—этотъ тезисъ выступаетъ предъ нами повсюду въ своей неопровержимой печальной истинности. Спутанность понятій о честномъ и безчестномъ, дозволенномъ и недозволенномъ, истинномъ и ложномъ, приличномъ и неприличномъ заявляетъ себя въ слишкомъ громкихъ и слишкомъ краснорѣчивыхъ фактахъ послѣдняго времени, чтобы обо всемъ этомъ нужно было еще говорить. Краснорѣчивое, хотя и неопредѣленное свидѣтельство этихъ фактовъ подтверждается, далѣе, болѣе точными показаніями статистики. Она говоритъ, наприм., что въ настоящее время въ Парижѣ изъ двухъ милліоновъ католиковъ лишь 100,000 исполняютъ свой долгъ (говѣютъ, пріобщаются, освящаютъ событія своей жизни церковнымъ благословеніемъ и молитвою и т. д.). Это составляетъ около 5% (при чемъ изъ пяти человѣкъ, исполняющихъ свой долгъ католика, четыре женщины и одинъ мущина): пять настоящихъ католиковъ на сто номинальныхъ — это, конечно, очень не много! Далѣе, изъ тѣхъ-же статистическихъ данныхъ мы узнаемъ, что изъ ста погребеній въ Парижѣ (въ средѣ католиковъ) около 20 чисто гражданскихъ, т. е. производимыхъ безъ совершенія церковнаго чинопослѣдованія; изъ сотни браковъ - гражданскихъ 25; изъ сотни родившихся 24 — 5 остаются не крещеными и т. д. въ такой-же пропорціи. Предположимъ, что въ провинціи процентное отношеніе номинальныхъ и настоящихъ католиковъ измѣняется къ лучшему (послѣднихъ больше въ 2—3 раза) **); но въ общемъ все же получается нѣчто мало утѣшительное, — нѣчто такое, что никакъ не отвѣчаетъ первымъ впечатлѣніямъ.

Чѣмъ-же объяснить это странное явленіе? Объясняетъ его, конечно, каждый по своему. Католикъ сошлется на внѣшнія соціально политическія условія существованія ка-

---

*) Taine, op. cit., p. 486.
**) Ibid., pp. 513—5.

толической церкви во Франціи: сторонникъ культуры, вѣрующій въ ея обновляющее и благодѣтельное вліяніе на жизнь, въ ея способность замѣнить религію, обвинитъ саму церковь. Выслушаемъ эти любопытныя объясненія занимающаго насъ факта.

Прежде всего сами католики и ихъ друзья указываютъ въ объясненіе уменьшенія вліянія религіи на массы, на то же, на что указывали въ объясненіе этого факта и благомыслящіе и дальновидные люди Германіи *),—на оторванность населенія отъ почвы, отъ земли и отъ семейнаго очага, на развращающее вліяніе культуры, на отупляющее дѣйствіе поденной работы, приковывающей къ станку и машинѣ. Къ этому въ республиканской Франціи присоединяется еще особое обстоятельство: на выборахъ за послѣднее время все болѣе и болѣе получаетъ власть партія враждебная религіи, которая образуетъ какъ-бы цѣлую „антихристіанскую секту“ (la secte antichrétienne), овладѣла если не довѣріемъ, то по крайней мѣрѣ волею и голосами избирателей въ парламентѣ (въ палатѣ депутатовъ) и ловко направляетъ ихъ въ свою сторону. „Эта антихристіанская секта, —говоритъ аббатъ Брогли,—стоитъ теперь у власти, располагаетъ бюджетомъ Франціи, держитъ въ своихъ рукахъ общественное образованіе; можетъ создавать и измѣнять по своей прихоти законы; можетъ употреблять всѣ государственныя силы для удовлетворенія своей ненависти и страсти, не находя для себя ни въ чемъ и никакого препятствія. Слѣдовательно,—выводитъ отсюда ученый аббатъ,—если мы видимъ во Франціи ослабленіе вліянія религіи, то виновата въ этомъ единственно та животная и лицемѣрная сила, которая опирается на дурныя страсти и низкія чувства массъ; виновата борьба противъ церкви, ожесточенная, систематическая и непрерывная; виновата сознательная и безсознательная работа стоящихъ у власти фанатиковъ антихрисіанской секты, которая мало по малу ведетъ къ *дехристіанизаціи Франціи* (déchristianisation de la France)“. И что особенно ухудшаетъ это положеніе дѣла,—продолжаетъ онъ свои размышленія,—такъ это то, что многія обстоятельства весьма затрудняютъ защиту церкви

*) См. четвертое „письмо“.

противъ ея противниковъ: напр., дѣйствующія постановленія запрещаютъ церкви въ предѣлахъ той или другой мѣстности расширять сферу своего вліянія посредствомъ увеличенія числа клириковъ или посредствомъ концентраціи ихъ силъ въ лицѣ новаго епископа. Наконецъ, самая значительная опасность для церкви въ современномъ положеніи вещей состоитъ въ томъ, что враги церкви могутъ истощить почву, которая теперь пока еще даетъ достаточное число лицъ, желающихъ посвятить себя духовному званію. Эта послѣдняя опасность грозитъ церкви не только во Франціи, но косвенно и во всей вселенной, такъ какъ Франція есть самая вѣрная папѣ и самая значительная католическая страна *).

Въ томъ же тонѣ и направленіи, хотя съ иной нѣсколько точки зрѣнія смотритъ на современное положеніе католичества во Франціи и упомянутый уже нами соціологъ, Леруа-Болье. Два лица, — разсуждаетъ знаменитый соціологъ,—всего болѣе нужны современной западной Европѣ и особенно Франціи, имѣютъ, или, по крайней мѣрѣ должны имѣть въ ней самое большое значеніе: офицеръ и священникъ. Но къ сожалѣнію первый *не знаетъ*, какъ выполнять свое дѣло и чего нынѣ отъ него особенно хотятъ и ожидаютъ; а послѣдній *не смѣетъ* исполнять то, что знаетъ и сознаетъ, какъ свой долгъ. Офицеръ видитъ въ солдатѣ только внѣшнюю сторону, тѣло или точнѣе животное, способное къ выполненію различныхъ техническихъ пріемовъ и работъ и забываетъ, что подъ солдатскою каскою бродятъ идеи, что подъ солдатскою курткою бьется сердце, которое живетъ своими чувствами, водится своими симпатіями и антипатіями и что для военнаго успѣха эти идеи и чувства имѣютъ значеніе, быть можетъ, несравненно болѣе, чѣмъ ружья и техническіе пріемы. Говоря иначе, онъ не заботится о душѣ солдата, заботясь лишь о его тѣлѣ, и предоставляетъ эту заботу священнику (le prêtre). А этотъ послѣдній? Онъ соглашается, что это—его обязанность, помнитъ, что на него возложено попеченіе о душахъ и считаетъ это прямымъ своимъ дѣломъ; но при современномъ строѣ вещей

*) L'abbé de *Broglie*: le présent et l'avenir du catholicisme en France, 1892. pp. 222. 251—3.

онъ долженъ ждать, пока нуждающіеся въ его духовной помощи сами придутъ къ нему, и не осмѣливается (?) идти къ тѣмъ, которые, быть можетъ, всего болѣе нуждаются въ его словахъ, но которые никогда не услышатъ его, такъ какъ забыли, а пожалуй и вовсе не знали дороги въ церковь. „Вотъ почему, — продолжаетъ названный публицистъ-соціологъ, — и патеръ, какъ офицеръ, погружается въ мелочное и механическое выполненіе своихъ профессіональныхъ обязанностей. Онъ думаетъ, что сдѣлалъ свое дѣло, если пропѣлъ вечерню или спросилъ дѣтей изъ катехизиса. Изъ своей высокой миссіи такимъ образомъ онъ безсознательно дѣлаетъ ремесло. Онъ почти уже не понимаетъ ея соціальной важности или, если и понимаетъ, то считаетъ неудобнымъ, даже пожалуй непозволительнымъ проявлять это свое пониманіе на дѣлѣ. Изгнанный изъ школы, исключенный изъ всѣхъ благотворительныхъ бюро, подозрительный въ глазахъ администраціи, которая смотритъ на него взглядомъ неблагосклоннымъ, а иногда и прямо съ ненавистью, обходимый, въ качествѣ компрометтирующаго сосѣда, всѣми мелкими государственными чиновниками, постоянно выслѣживаемый шпіонами, подверженный непрестаннымъ анонимнымъ доносамъ и оскорбленіямъ въ мѣстныхъ листкахъ, — патеръ мало-по-малу заключается въ свою церковь или въ свой пресбитеріумъ (священническій домъ), со своимъ служебникомъ и книгами, вполнѣ довольный и счастливый, что объ немъ забыли. Онъ живетъ молчаливымъ отшельникомъ, который не всегда осмѣливается заглядывать за ограду своего сада. Міръ для него запертъ, — не только обширный міръ большихъ городовъ съ ихъ притупляющею и лихорадочною сутолокою, — но и маленькій, погруженный въ сонъ и дремоту мірокъ провинціи и деревни. Наши предразсудки запрещаютъ ему вмѣшиваться въ жизнь, и такимъ образомъ онъ, человѣкъ самопожертвованія по призванію, мало по малу привыкаетъ жить эгоистическимъ холостякомъ, который не заботится ни о чемъ, кромѣ своего дешеваго благополучія, мельчаетъ и справляется лишь съ тѣмъ, „не говорятъ-ли о немъ чего дурнаго“. По утрамъ онъ вычитываетъ въ церкви предъ голыми скамьями свое *oremus*, по вечерамъ подстригаетъ и подвязываетъ свои розаны или поливаетъ капусту... И од-

нако у него, у этого теперь почти безполезнаго патера, было вѣдь когда-то свое важное практическое дѣло, своя соціальная роль и тамъ, гдѣ мѣстные обычаи ее за нимъ сохранили, гдѣ общественное мнѣніе не наложило еще на нее запрета,—тамъ семейство крестьянина или ремесленника, отецъ, ребенокъ, юноша, вдова и старикъ все еще охотно идутъ къ нему за совѣтомъ: онъ является для нихъ примирителемъ и устроителемъ ихъ семейныхъ дѣлъ и затрудненій. Но теперь -увы!—онъ выступаетъ въ этой роли весьма рѣдко. Это вліяніе его почти повсюду уже исчезло и всѣ усилія администраціи, публичнаго образованія, популярной прессы, кажется, направлены именно къ тому, чтобы свести къ нулю и уничтожить совсѣмъ это значеніе патера. А угодно-ли знать,—спрашиваетъ далѣе почтенный публицистъ,—кто заступилъ у насъ мѣсто священника и, вмѣсто него, сталъ обыкновеннымъ совѣтникомъ народа, особенно рабочихъ? Открыть этого замѣстителя не трудно. *Это кабатчикъ!!* Около кабака обыкновенно собираются рабочіе и здѣсь именно постановляютъ свои рѣшенія. Такимъ образомъ, чтобы ни говорилъ папа и въ своихъ энцикликахъ и *чрезъ* своихъ кардиналовъ и чрезъ *Petit Journal*,—чтобы ни говорилъ о томъ, что Церковь будто-бы „не имѣетъ ничего не совмѣстимаго съ республикою“ — дехристіанизація народа является главною и существенною задачею республики. Нигилизмъ проникаетъ повсюду и медленно высасываетъ кровь нашихъ общественныхъ установленій и постепенно проникаетъ въ глубь до самаго сердца страны. Бѣдная Франція! Ея обмірщеніе несетъ ей гибель“ *)...

Таково положеніе дѣла и таковы его причины, какъ ихъ выясняютъ друзья и доброжелатели папы, заинтересованные, конечно, тѣмъ, чтобы снять со святѣйшаго отца за это положеніе всякую отвѣтственность. Но нельзя не замѣтить, что здѣсь указана лишь часть причины современнаго печальнаго положенія католичества во Франціи. Правда, у религіи, съ ея суровыми и докучливыми призывами, есть вѣчный врагъ, который всегда съ нею борется,—это людскія страсти. Въ той или другой формѣ онъ всегда пытается отбить у ней территорію, власть надъ людскими

*) *Leroy-Beaulieu*, op. cit. 244—251, passim.

умами и сердцами, и Франція, съ ея настоящимъ республиканскимъ режимомъ, представляетъ лишь наиболѣе напряженную и острую форму этой борьбы съ религіею ея исконнаго врага. Но исчерпывается-ли этимъ дѣло? Нѣтъ-ли спеціальныхъ причинъ охлажденія въ современной Европѣ къ католической церкви? Есть, и па нихъ не со вчерашняго дня стали указывать. „Пассивное присутствіе за мессою, которая совершается по латыни; церемоніи, символическій смыслъ которыхъ почти уже ни для кого не понятенъ; машинальное повтореніе въ строго установленные сроки непонятнаго *Pater noster* и *Ave Maria*", —эти и подобныя особенности католичества, превращающія его во что-то внѣшнее, въ какое-то подобіе религіи волшебства и заклинаній съ непонятными формулами, особенности, о которыхъ, какъ о причинахъ современной „дехристіанизаціи" Франціи снова напомнилъ въ недавнее время Тэнъ, въ своей любопытной, упомянутой уже выше монографіи *), —эти и подобныя особенности, конечно, еще не все, хотя и они выполняютъ въ созданіи выше очерченнаго печальнаго положенія дѣлъ свою долю вліянія. За ними кроется другая, болѣе глубокая и общая причина этой „дехристіанизаціи", которая коренится въ самомъ духѣ католичества, въ его основномъ характерѣ, въ томъ коренномъ противорѣчіи, которое срослось съ самымъ существомъ католической церкви и безъ котораго она стала почти немыслима. Начавъ неразумною заботою о достиженіи *божественныхъ* цѣлей *человѣческими* средствами, она мало-по-малу пришла къ тому, что переставила отношенія и, наоборотъ, стала стремиться къ достиженію своихъ *человѣческихъ*, земныхъ цѣлей *богоположенными* средствами, — стала преслѣдовать свою власть и пользу во имя Христа и духовнаго блага народовъ. Вся ея исторія проходитъ въ томъ, что прямо или косвенно, силою или политикою она стремится обезпечить за собою права и вліяніе не на одну только духовную, но на всю вообще — политическую, государственную и общественную жизнь народовъ. Само собою понятно, что и къ ней въ свою очередь мало-по-малу привыкали относиться, какъ къ внѣшней силѣ, и довѣріе къ ней,

*) *Taine*, op. cit., p. 512.

вѣру въ нее во имя Христа, измѣнили на политику съ нею: взявши мечъ, она отъ меча и гибнетъ. Своею страстію смѣшивать религію съ политикою, сферу церковную со сферою гражданскою, она возбудила противъ себя всеобщее неудовольствіе и накликала на себя бѣды и ея современное паденіе, ослабленіе ея вліянія въ только что указанномъ ея характерѣ имѣетъ едва-ли не главную свою причину. Этотъ исконный характеръ католичества съ особенною ясностью проявился въ послѣднее время въ двоякой *„эволюціи папства"*, выражаясь языкомъ современныхъ историковъ и соціологовъ,—*республиканской и соціально-демократической.*

Я уже говорилъ въ своемъ предыдущемъ письмѣ о *„республиканской* эволюціи" католичества,—о томъ, какъ оно нашло возможнымъ признать, что республика, какъ республика, какъ форма правленія, „не представляетъ ничего несогласнаго съ католичествомъ", не хуже и не лучше всякой другой формы правленія. Теперь позволю себѣ остановить вниманіе читателя лишь на другой сторонѣ этой ея эволюціи—на „эволюціи соціально-демократической".

Завершительнымъ моментомъ этого послѣдняго, уже давно подготовлявшагося, явленія служитъ извѣстная энциклика папы *Rerum novarum* (*De conditione opificum* отъ 15-го Мая 1891 г.). Это, быть можетъ, одинъ изъ самыхъ значительныхъ историческихъ документовъ нашего столѣтія. Движеніе, вызванное имъ въ современныхъ политическихъ и научно-литературныхъ сферахъ, громадно. Одни поспѣшили сдѣлать изъ энциклики своего рода догматику или соціально-политическій катехизисъ (такъ, напр., одинъ французскій аббатъ, Монсеньёръ Леко, архіепископъ Бордосскій, написалъ по энцикликѣ катехизисъ, содержащій въ себѣ ни больше, ни меньше, *какъ 136 вопросовъ и отвѣтовъ!*); другіе, ученые свѣтскіе, поспѣшили выразить святѣйшему отцу свое полное уваженіе и солидарность, такъ сказать, поставить подъ его энцикликою свое „аминь" — удивленіе къ его вѣрному пониманію (!) соціально-экономическихъ вопросовъ *); иные, даже и не раздѣляя или не вполнѣ раздѣ-

---

*) Журналъ *L'economiste francais* отъ 3 окт. 1891 г. См. у Болье, стр. 86.

ляя взгляды папы, удивлялись смѣлости и рѣшительности шага, равно какъ и обнаруженному въ энцикликѣ искусству обходить скользкіе пути *).

Чѣмъ же, собственно, въ энцикликѣ вызвано это движеніе? Что, собственно, она возвѣщаетъ? Чѣмъ явилась она въ глазахъ изумленнаго свѣта? Энциклика, по энергичному выраженію Леруа Болье, это — „поцѣлуй Христа бѣднымъ, лобзаніе и объятіе народа Церковію" (c'est un baiser du Christ à ses pauvres et l'embrassement du peuple par l'Église). Во имя Христа, возлюбившаго паче всѣхъ и призывающаго къ Себѣ прежде всего труждающихся и обремененныхъ, папа становится всенародно за пролетаріатъ, за униженныхъ и обездоленныхъ бѣдняковъ и паріевъ, которыхъ одни избѣгаютъ, другіе презираютъ, третьи боятся и считаютъ необходимымъ всѣми силами подавлять. Вотъ, чѣмъ является папа въ энцикликѣ! Онъ идетъ на перекоръ общему мнѣнію, общему движенію всей культурной Европы. Развѣ это,—спрашиваютъ его друзья и приверженцы,—развѣ это не подвигъ самоотверженія, подсказанный любовью и ревностью о благѣ ближнихъ? Развѣ это не смѣлое слово, достойное всякаго уваженія? Развѣ папа не является здѣсь болѣе, чѣмъ въ чемъ либо другомъ, самимъ собою, намѣстникомъ Христа, полновластнымъ устроителемъ судебъ человѣчества? „Конечно", поспѣшили отвѣтить со всѣхъ сторонъ. Но..... дальнозоркіе и проницательные разглядѣли и обратную сторону медали, и за дѣломъ человѣколюбія во имя Христово безошибочнымъ чутьемъ почуяли „соціально-демократическую эволюцію папства", — хорошо разсчитанный политическій шагъ, желаніе воспользоваться историческимъ моментомъ для своихъ цѣлей, для своего утрачиваемаго вліянія, новою соціальною силою, „четвертымъ сословіемъ", которое получаетъ теперь все бо́льшее и бо́льшее вліяніе и значеніе въ соціально экономической и политической жизни народовъ.

Постепенно оттѣсняемое отъ мірскихъ дѣлъ, мало по малу лишаемое вліянія на политическую исторію народовъ, теряя прерогативу за прерогативою, папство давно и вни-

*) Сюда относится прежде всего самъ авторъ уже не разъ цитованной нами талантливой монографіи: *Papauté* etc.

мательно всматривается въ обширный, разстилающійся предъ его взорами горизонтъ, отыскивая для себя болѣе надежную опору и менѣе вѣроломныхъ, чѣмъ монархи и ихъ властительные канцлеры, союзниковъ. И вотъ оно разглядываетъ на исторической аренѣ новую, дотолѣ невѣдомую личность, новую историческую силу—демократію. Эта сила не страшна для папства, какъ страшна она для свѣтскихъ владыкъ. Чего бояться? Вѣдь свѣтское могущество у него отнято не этимъ новымъ пришельцемъ, а старыми династіями, которыя оно само-же и помазывало когда-то на царство. Напротивъ, не есть-ли этотъ, враждебно настроенный въ отношеніи къ единодержавнымъ свѣтскимъ владыкамъ, пришлецъ наиболѣе надежный и желанный союзникъ папы? Не связываетъ-ли ихъ борьба съ общимъ врагомъ? Не въ общемъ ли ихъ интересѣ, поэтому, подать другъ другу руки? Уже давно и съ разныхъ сторонъ, по разнымъ побужденіямъ и мотивамъ приглашали папъ „вступиться за поруганный и угнетенный бѣдный народъ". Сенъ-Симонисты и ревностные католики сходились въ этихъ пожеланіяхъ св. Отцу. „Ваши предшественники,—писалъ, напримѣръ, Сенъ-Симонъ папѣ еще въ 1825 г. — *достаточно улучшили* (sic) *теорію христіанства*. Вамъ нужно теперь озаботиться ея примѣненіемъ. Истинное христіанство должно сдѣлать людей счастливыми не только на небесахъ, но и на землѣ. Недостаточно проповѣдывать, что бѣдняки суть возлюбленные чада Божіи. Нужно еще энергично всѣми силами и всѣми средствами, которыми располагаетъ воинствующая церковь, заботиться о томъ, чтобы улучшить нравственное и физическое положеніе рабочаго класса" *). О томъ-же напоминали папѣ и многіе другіе (Ля-Мнэ — особенно въ газетѣ *l'Avenir* и позднѣе *l'Ere nouvelle*). Сорокъ осьмой годъ съ его ужасами, обнаружившій истинную природу „четвертаго сословія", на время было задержалъ „демократическую эволюцію папства". Но, разъ пробудившись, она не могла умереть совершенно и дѣйствительно она оживаетъ снова на нашихъ глазахъ. Пій IX, въ послѣднее время своего правленія особенно, отстранился отъ политическихъ дѣлъ. Онъ оставилъ авторитетъ престола упрочен-

*) *У. Больe*, стр. 6.

нымъ въ самой церкви, но ослабленнымъ внѣ ея: онъ былъ облеченъ сіяніемъ непогрѣшимости, но за то былъ лишенъ власти свѣтской, которую потерялъ въ борьбѣ чуть не со всѣми государствами и владыками того времени. Левъ XIII захотѣлъ возвратить утраченную церковію свѣтскую власть папъ и самымъ лучшимъ средствомъ для этого, по видимому, призналъ демократію, союзъ съ нею. Когда въ наши дни, потрясенный и взволнованный ожиданіемъ грознаго „соціалистическаго землетрясенія“ и „обвала культуры“, Западъ снова устремилъ свои взоры съ надеждою и тоскою ко всемогущему Риму, Римъ откликнулся снова, но онъ откликнулся не такъ, какъ ожидали: его откликъ смутилъ и изумилъ своею неожиданностію даже людей, подготовлявшихъ себя ко всякимъ неожиданностямъ. Нашъ маловѣрный вѣкъ, уже давно начавшій смотрѣть на христіанство и на религію, какъ на специальную, лишь болѣе тонкую форму полицейской власти, - этотъ міръ ожидалъ, что папа придетъ съ жезломъ желѣзнымъ и смиритъ разбушевавшуюся чернь, что онъ будетъ грозить ей прещеніями и угрозами, будетъ смирять ее обѣщаніями небесной награды за земныя страданія, въ ожиданіи которой она должна спокойно смотрѣть, какъ разбогатѣвшая буржуазія пользуется благами жизни. Вотъ чего ожидали отъ папы. Но жестоко ошиблись: онъ заговорилъ совсѣмъ иначе, совсѣмъ инымъ, не привычнымъ для слуха современнаго культурнаго человѣка, языкомъ. Случилось нѣчто странное —нѣчто подобное тому, что случилось во дни пророка Валаама съ Валакомъ, царемъ Моавитскимъ. Валакъ призвалъ пророка Божія проклясть станъ израилевъ и предотвратить нашествіе двѣнадцати колѣнъ на землю моавитянъ, а пророкъ призвалъ на нихъ благословеніе Божіе: такъ и папа нынѣ изумляетъ смятенный культурный міръ, произнося надъ соціалъ-демократами не анаѳему, которой ожидали, а участливое слово заботливости объ ихъ благѣ. „Хотите-ли, чтобы я вывелъ васъ изъ сухой и безплодной пустыни, гдѣ вы томитесь голодомъ и жаждою, слѣдуйте за мною“: вотъ какимъ тономъ заговорилъ онъ!...

Когда предстоятели церкви открываютъ уста, чтобы учить пасомыхъ, не этимъ послѣднимъ, конечно, говорить, чему и какъ ихъ нужно учить. Если папа обращается къ

міру со словомъ заботливой попечительности о бѣдныхъ, оскорбленныхъ и униженныхъ, кто скажетъ, что онъ поступаетъ не такъ, какъ должно, какъ ему повелѣваютъ исконныя традиціи церкви? Развѣ Церковь католическая, съ обычною своею страстностію и увлеченіемъ не привыкла издавна повторять, что она есть „собственно и прежде всего градъ бѣдныхъ“, въ которомъ богачи лишь „терпятся? *) Развѣ не повторяютъ и доселѣ наиболѣе вліятельные и авторитетные члены ея, „что сила церкви—въ народѣ“ и что самъ Христосъ Спаситель „сдѣлалъ изъ соціальнаго вопроса основаніе (?), самую суть Своего служенія“? **) Итакъ, говоримъ, обратившись къ современному міру съ рѣчью, которая была для него неожиданностію, папа все-же оставался въ согласіи съ исконными традиціями въ отношеніи къ бѣднякамъ. Все это такъ. Но утрированная и доведенная до крайности традиція оправдываетъ-ли сквозящее въ энцикликѣ заискиваніе у демократіи,—заискиваніе, котораго могутъ не вычитать въ ней развѣ лишь не желающіе? Этотъ тонъ и эта тенденція папскаго посланія становятся особенно замѣтны, если мы сопоставимъ его съ тѣми пріемами демократовъ и вообще пилигримомъ изъ низшаго класса въ Ватиканѣ, о которыхъ почти ежедневно сообщаютъ теперь газеты,—съ тою сердечностію, съ тѣми пышными выходами и торжественными, спеціально для нихъ устрояемыми религіозными церемоніями, на которыя такъ щедръ теперь Ватиканъ. Эти сердечные пріемы, эти небывалыя торжества въ Ватиканѣ по случаю появленія тамъ простецовъ-пилигримовъ и энциклика *Rerum novarum*,—явленія одного и того-же порядка, своего рода *captatio benevolentiae* у демократовъ. Вотъ почему, т. е. именно вслѣдствіе этой тенденціозности энциклики, она представляетъ какую-то смѣсь и производитъ какое-то двойственное впечатлѣніе: чисто христіанскія идеи, тонкія разграниченія понятій, сферъ и точекъ зрѣнія, основательные научно-экономическіе выводы и сужденія являются въ ней какъ бы въ несоотвѣтствующей оправѣ, на фонѣ, окра-

---

*) *Боссюэ* у Beaulieu, p. 30.

**) Какъ недавно заявилъ одинъ амераканскій католич епископъ. Ibid., p. 40.

шеннымъ тенденціею въ сторону демократіи, и въ общемъ все это очень нарушаетъ цѣлостность впечатлѣнія. Часто бываетъ довольно трудно отдѣлить, гдѣ кончаются слова ученика Христова, горящаго духомъ Его любви и руководящагося ею въ своихъ отношеніяхъ къ меньшей братіи, и гдѣ начинаетъ говорить хитрый и ловкій политикъ, твердо памѣтившій и преслѣдующій свои политическіе цѣли и виды. Это, впрочемъ, общая черта папскихъ посланій: тѣмъ легче они вводятъ въ заблужденіе и подкупаютъ въ свою пользу кажущеюся вѣрностію духу ученія Христова, чѣмъ ближе по буквѣ къ нему и къ завѣтамъ первенствующей Церкви. Но ознакомимся съ этимъ любопытнымъ документомъ ближе *).

Энциклика состоитъ изъ четырехъ частей. Первая посвящена разбору соціализма, какъ теоретической доктрины; вторая—вопросу о соціальномъ значеніи религіи и въ частности кат. Церкви; третья—выясненію нормальныхъ отношеній къ рабочему вопросу государства (о стачкахъ, о поденной платѣ, о числѣ суточныхъ рабочихъ часовъ, о воскресномъ отдыхѣ и пр.); наконецъ, четвертая—свободнымъ ассоціаціямъ и корпораціямъ рабочихъ, въ которыхъ папа видитъ желанное разрѣшеніе безпокоющаго западную Европу рабочаго вопроса.

Соціализмъ, какъ доктрину, какъ ее развивали Марксъ, Лассаль и др., папа рѣшительно отвергаетъ и подробно опровергаетъ. Онъ разсуждаетъ здѣсь главнымъ образомъ, какъ соціологъ и политико-экономистъ: утверждается на „естественномъ правѣ“ индивидуума, семьи и, наконецъ, самаго общества. „Соціалисты,—разсуждаетъ св. отецъ,—хотятъ исцѣлить порождаемое бѣдностью зло посредствомъ уничтоженія частной собственности,—посредствомъ передачи ея въ общее распоряженіе муниципалитета или государства. Но, во-первыхъ, возражаетъ папа, это вовсе не исцѣлило бы зла; во-вторыхъ, это было-бы несправедливымъ посягательствомъ на законныя права собственниковъ; въ третьихъ, это извращало-бы функціи государства и вносило-бы разстройство во все соціальное зданіе. Кто за плату отдаетъ свои руки въ распоряженіе другаго, тотъ очевидно дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы что-нибудь заработать. И не вправѣ-ли онъ распорядиться заработанною платою такъ, какъ ему угодно—издержать ее тотъ-часъ-же или же превратить въ движимую и недвижимую собственность? Посягать на эту послѣднюю, желать сдѣлать, изъ частной собственности коллективную, это значитъ ухудшать положеніе рабочаго, „отнимать у него свободу распоряжаться заработанною платою, а вслѣдствіе этого—и всякую надежду и даже возможность увеличить свое имущество и улучшить свое положеніе“. Но этого мало: превращеніе частной собственности, въ общую было-бы нарушеніемъ справедливости. Человѣкъ

*) Подлинный (латинскій) текстъ и *оффиціальный* французскій переводъ энциклики приложены къ книгѣ *Леруа-Больё* на концѣ, стр. 280—371.

тѣмъ существенно отличается отъ животнаго, что кромѣ чувственности (сензитивной способности), которая проявляется главнымъ образомъ въ инстинктахъ самосохраненія и продолженія рода, и которая у животнаго находитъ непосредственное удовлетвореніе въ окружающихъ предметахъ,— кромѣ этой способности человѣкъ обладаетъ еще господствующею силою разума. Именно во имя разума за человѣкомъ „должна быть признана не только *способность* временно пользоваться внѣшними предметами, но также и *право*,—право твердое и постоянное,—владѣть ими". Въ самомъ дѣлѣ, „человѣкъ обнимаетъ своимъ умомъ безконечное множество предметовъ, къ предметамъ настоящимъ присоединяетъ вещи будущія и, такъ какъ онъ есть самъ владыка своихъ дѣйствій, то по вѣчному закону и подъ водительствомъ всеблагаго промысла, онъ самъ для себя въ нѣкоторомъ смыслѣ есть законъ и провидѣніе (se ipse gubernat providentia consilii sui). Вотъ почему онъ имѣетъ право выбирать именно тѣ предметы, которые считаетъ для себя наиболѣе пригодными не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ имѣть право не только на плоды земли, но и на самую землю, такъ какъ она предназначена къ тому, чтобы своимъ плодородіемъ обезпечивать его существованіе. Потребности человѣка возвращаются постоянно: удовлетворенныя нынѣ, онѣ возвращаются завтра съ новою силою. Необходимо, слѣдовательно, чтобы природа дала человѣку нѣкоторый постоянный источникъ, изъ котораго-бы онъ могъ всегда добывать себѣ средства къ жизни. Но такого постоянства не представляетъ ничто, кромѣ самой земли съ ея естественными богатствами" (плодородіемъ—ubertas). И пусть,—поучаетъ св. отецъ, не ссылаются при этомъ на государство, которое будто-бы можетъ обезпечить человѣку существованіе: государство позднѣе человѣка. Пусть не говорятъ противники частной собственности, будто Богъ далъ землю въ общее обладаніе: Онъ не далъ ее, правда, никому въ частности и предназначилъ для всѣхъ, но онъ предоставилъ людямъ и народамъ самимъ размежеваться, сообразно со своими силами и искусствомъ (industria). Впрочемъ, и будучи раздѣлена на частныя владѣнія, земля служитъ нуждамъ и потребностямъ всѣхъ. Каждый пользуется ея плодами за свои труды, прямо или косвенно относящіеся къ ея воздѣлыванію. Такимъ образомъ, „частная собственность вполнѣ сообразна съ природою". Кто употребляетъ на добываніе благъ природы изобрѣтательность своего ума и свой физическій трудъ, тотъ кладетъ на природу какъ-бы нѣкоторый отпечатокъ своей личности, такъ что „по всей справедливости, эта (носящая отпечатокъ его личности) часть природы отселѣ становится его личною собственностію и никто никакимъ образомъ не долженъ посягать на это его право" (non licet). Воздѣланная человѣкомъ земля становится уже его неотъемлемою собственностію, ибо вложенный въ нее личный трудъ уже не отдѣлимъ отъ почвы. Вотъ почему это, утверждающееся на законѣ природы, естественное право собственности утверждается на условіяхъ и обязанностяхъ, налагаемыхъ жизнью семейною. „Природа налагаетъ на отца семейства священнѣйшую обязанность питать и воспитывать своихъ дѣтей". Но безъ собственности какъ выполнить эту обязанность? И не смѣетъ государство посягать на это право, потому что и логически и фактически семья имѣетъ первенство предъ государствомъ (et cogitatione et

re prior) и служитъ условіемъ самаго его существованія. Напротивъ, оно должно спѣшить семьѣ на помощь, если она впала въ нищету. Можетъ оно иногда становиться и на защиту правъ членовъ семьи относительно другъ друга, но не иначе, какъ въ случаѣ ихъ грубаго нарушенія, и никогда не должно, какъ того хотятъ соціалисты, заступать мѣсто отца и распоряжаться по своему дѣтьми. Это было-бы разрушеніемъ семейныхъ узъ и нарушеніемъ естественнаго права (contra justitiam naturalem): *„дѣти суть какъ-бы часть отца* (filii sunt aliquid patris) и нѣкое расширеніе его личности“ (Ѳома Аквин.) и посему должны оставаться на его попеченіи и подъ его властію до тѣхъ поръ, пока не получатъ способности къ свободному самоопредѣленію.—Наконецъ, доктрина соціалистовъ, какъ уже сказано, посягая на естественное право человѣка, никакъ не можетъ его и осчастливить. Изъ нея вытекаетъ множество печальныхъ и гибельныхъ слѣдствій: „разстройство (perturbatio) во всѣхъ слояхъ общества; гнусное и не выносимое рабство для всѣхъ гражданъ; зависть, недовольство, раздоры; талантъ и искуство будутъ лишены стимуловъ и, какъ неизбѣжное слѣдствіе отсюда, богатства истощатся въ своихъ источникахъ, и въ концѣ концовъ, вмѣсто равенства, о которомъ мечтаютъ (соціалисты), вмѣсто равенства въ пользованіи земными благами, получится лишь равенство въ нищетѣ, униженіи и бѣдности“.—Итакъ заключаетъ св. отецъ, „соціалистическая теорія коллективной собственности должна быть абсолютно отвергнута“ и неприкосновенность частной собственности должна быть признана первымъ основаніемъ народнаго благополучія.

Во второй части энциклики, какъ сказано, папа разсуждаетъ о соціальномъ значеніи хр. религіи и католической Церкви. — Помимо религіи и Церкви, нигдѣ нельзя найти окончательнаго разрѣшенія рабочаго вопроса: вотъ его основной тезисъ. Но что даетъ Церковь? Ея первый принципъ—призывъ къ терпѣнію: трудъ и страданіе неизбѣжны для человѣка на землѣ; они сопровождаютъ его отъ колыбели до могилы; было бы, слѣдов., тщетно пытаться какимъ нибудь способомъ избавить человѣчество, какъ этого хотятъ соціалисты, отъ бѣдствій и страданій. Капитальная ошибка въ современной постановкѣ рабочаго вопроса, — разсуждаетъ св. отецъ далѣе, - есть мысль о томъ, будто бы богатые и бѣдные суть два противоборствующихъ класса, какъ-бы двѣ враждебныхъ арміи, которыя должны находиться между собою въ постоянной враждѣ. Нѣтъ ничего несправедливѣе этого. Какъ въ организмѣ члены находятся между собою въ равновѣсіи и гармоніи, такъ и въ обществѣ богачи и бѣдные самою природою предназначены къ гармоническому соединенію и совершенному равновѣсію. Они нуждаются и предполагаютъ другъ друга: „капитала нѣтъ безъ работы и работы безъ капитала“ (?). Христіанство и только оно одно владѣетъ истинными средствами уничтожить этотъ раздоръ и противоборство между богачами и бѣдными. Прежде всего оно *учитъ*, что у бѣдняка и богача, рабочаго и работодателя - - у каждаго есть свои обязанности. Рабочій обязанъ соблюдать интересы своего патрона, не предъявлять чрезмѣрныхъ требованій къ нему, избѣгать людей, которые внушаютъ ему различныя вздорныя идеи и возбуждаютъ противъ хозяина и т. д. Наоборотъ, хозяинъ обязанъ смотрѣть на рабочаго не какъ на орудіе наживы, но какъ на человѣка, и заботиться не только о его тѣлѣ, но и о

душѣ, наблюдать, чтобы его не развращали дурные люди, не давать ему непосильной работы, оплачивать, какъ должно его трудъ, не эксплуатировать его въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и т. д. Указывая рабочимъ и работодателямъ на эти ихъ взаимныя обязанности, Церковь постоянно обращаетъ ихъ взоры къ небу и напоминаетъ, что отечество человѣка не здѣсь, не въ этой, но въ будущей жизни, что истинную цѣну имѣютъ не внѣшнія, а лишь внутреннія блага, что земное богатство совершенно безполезно и даже вредно для снисканія жизни вѣчной, что богачи поэтому суть только распорядители и раздаятели земныхъ благъ, которыя принадлежатъ не имъ собственно, но всѣмъ вмѣстѣ. „Конечно,—читаемъ мы далѣе въ энцикликѣ классическое, спеціально католическое разъясненіе къ этому общехристіанскому ученію,—конечно, никто не обязанъ отдавать другимъ того, что необходимо для его семьи, для людей, ему близкихъ, или въ чемъ онъ самъ нуждается для приличной и соотвѣтствующей своему положенію жизни: ибо, — продолжаетъ папа словами Ѳомы Аквината, — *никто не обязанъ жить съ неудобствами* (? nullus enim inconvenienter vivere debet). Но если требованія необходимости и приличія удовлетворены (?), тогда нужно удѣлять изъ того, что остается, нуждающимся: quod superest, date eleemosynam *)". Это,—гов. папа, есть святое требованіе христіанской любви (не справедливости,—подчеркиваетъ онъ,—non justitae ista sunt), къ которой призываетъ своихъ послѣдователей І. Христосъ и Своимъ ученіемъ и Своимъ примѣромъ. По этому закону любви, каждый долженъ дѣлиться съ другими всѣмъ тѣмъ, чѣмъ Господь надѣлилъ его самаго: и вещественными благами и тѣлесными силами, и духовными дарованіями. Нужно при этомъ помнить, что, „именно къ обездоленныхъ классамъ преклонено преимущественно сердце Божіе. І. Христосъ называетъ бѣдныхъ (? *нищихъ духомъ*) блаженными: Онъ призываетъ къ Себѣ для утѣшенія всѣхъ труждающихся и обремененныхъ; объемлетъ съ особенно нѣжною любовью малыхъ и угнетенныхъ". Такъ должны поступать и христіане. Въ мысли о томъ, что всѣ мы дѣти одного Отца, что всѣ мы искуплены и возрождены одною и тою-же кровію нужно искать основанія, на которомъ могутъ быть примирены разъединенные классы общества. Вотъ какъ,—заключаетъ свои разъясненія папа,—учитъ

*) Вотъ какъ читается это характерное мѣсто въ подлинникѣ: Nemo certe opitulari aliis de eo jubetur, quod ad usus pertineat cum suos tum suorum necessarios: immo nec tradere aliis quod ipse egeat ad id servandum quod personae conveniat, quodque deceat: *nullus enim inconvenienter vivere debet* (S. Thomas. II — II. Quaest xxxII, a. II). Sed ubi necèssitati satis et decoro datum, officium est de eo quod superat gratificari indigentibus: *quod superest date eleemosynam* (Лук. XI, 41) etc. Приведенный въ энцикликѣ по переводу Вульгаты текстъ изъ Ев. отъ Луки по греч. читается такъ: *πλὴν τα ἐνόντα δότε ἐλεημοσύνην* (*обаче отъ сущихъ дадите милостыню*, подавайте лучше милостыню *изъ того, что у васъ есть*). Переводъ Вульгаты въ данномъ случаѣ не имѣетъ основаній ни въ самомъ текстѣ, ни въ контекстѣ. Вотъ типическій образчикъ того какъ Вульгата *подтягиваетъ* букву къ смыслу, къ общему духу и особенностямъ, характеризующимъ католичество!

насъ относиться къ рабочему вопросу „христіанская философія". — Но Христіанство не есть только доктрина. Оно есть еще *жизнь*. И при томъ Церковь не только учитъ жить, но черезъ своихъ епископовъ, клиръ и чрезъ свои установленія направляетъ, реально управляетъ жизнью. И какъ въ первые вѣка христіанства только Церковью былъ спасенъ отъ окончательнаго разложенія языческій міръ, такъ и теперь только возвращеніемъ къ Церкви-же можетъ быть исцѣленъ отъ золъ и бѣдствій міръ, забывающій Церковь. Благотворительность, имѣвшая свой источникъ въ чистой любви первенствующихъ христіанъ, сдѣлала то, что въ первенствующей Церкви не было нуждающихся (Дѣян. 4, 34): такъ точно и теперь *она* прежде всего можетъ оказать помощь бѣднымъ. Въ послѣднее время на мѣсто христіанской любви хотѣли поставить благотворительность, основанную на законахъ гражданскихъ: „но,—замѣчаетъ папа, — христіанская любовь, которая отдается всецѣло и безъ всякихъ постороннихъ соображеній заботѣ о благѣ ближняго, не можетъ быть замѣнена никакимъ чисто человѣческимъ институтомъ".

Третья часть энциклики посвящена выясненію роли государства въ отношеніи къ рабочему вопросу. Заботясь объ общемъ благѣ государства, правительство должно особенно заботиться о благѣ рабочихъ, такъ какъ они, ихъ трудъ - основа государственнаго благосостоянія и источникъ государственныхъ богатствъ. Не разнуздывая страстей и не потворствуя незаконнымъ притязаніямъ рабочаго люда, защищая отъ ихъ посягательства частную собственность гражданъ, предупреждая стачки и т. д., правительство должно, однако, съ другой стороны, соблюдать и интересы самихъ рабочихъ, такъ какъ они суть такіе-же граждане и элементарная справедливость (справедливость распредѣляющая — *disstributira*) заставляетъ обращаться съ ними, какъ и со всѣми остальными гражданами. Въ часности правительство должно заботиться объ ихъ нравственно-религіозной жизни (наблюдать, наприм. чтобы имъ дозволяли праздновать день воскресный и пр.): защищать ихъ отъ безсердечной эксплуатаціи со стороны собственниковъ, отъ переобремененія непосильнымъ трудомъ (особенно дѣтей и женщинъ); наконецъ, наблюдать, чтобы трудъ ихъ оплачивался, какъ должно. Этотъ послѣдній вопросъ, т. е. вопросъ о заработной платѣ, какъ наиболѣе деликатный и спорный, папа сопровождаетъ спеціальнымъ разъясненіемъ. „Работать, — разсуждаетъ онъ, — значитъ употреблять свою дѣятельность съ цѣлью снискать себѣ средства необходимыя для удовлетворенія различныхъ потребностей жизни и главнымъ образомъ—для поддержанія самой жизни: *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой*. Вотъ почему трудъ получилъ отъ природы какъ бы двойную печать: печать *личности*, такъ какъ дѣятельность, активность *принадлежитъ лицу* и есть его собственность и—печать *необходимости*, такъ какъ человѣкъ *нуждается* въ плодахъ трудовъ своихъ, чтобы сохранить свое существованіе. Если разсматривать трудъ лишь съ одной стороны со стороны его личнаго характера, тогда конечно вполнѣ во власти рабочаго назначить таксу заработной платы по своему желанію: онъ можетъ удовольствоваться незначительной платой или вовсе не требовать никакой. Но совсѣмъ иное дѣло, если мы примемъ во вниманіе другую черту труда—его необходимость, неизбѣжность, отъ которой можно иногда отвлекаться

мысленно, но которая настойчиво заявляетъ о себѣ фактически. Въ самомъ дѣлѣ, сохраненіе существованія есть обязанность налагаемая природою одинаково на всѣхъ людей и неисполненіе ея есть преступленіе. Но отсюда, изъ этой обязанности необходимо вытекаетъ *право* снискивать себѣ средства, необходимыя для поддержанія существованія. Пусть, слѣдовательно, патронъ и рабочій дѣлаютъ относительно платы условія, какія имъ угодно,—помимо ихъ воли существуетъ законъ естественной справедливости (justitia naturalis),—законъ высокій и древній, по которому плата должна быть достаточна, для того, чтобы рабочій могъ существовать опрятно и честно. Если принужденный необходимостью или страхомъ бо́льшаго зла, онъ приметъ условія для себя обременительныя,— потому-ли, что они поставлены патрономъ или потому, что они предложены самимъ рабочимъ,—если онъ приметъ такія условія, то тѣмъ самымъ будетъ совершенно нѣчто такое, противъ чего справедливость протестуетъ". Впрочемъ, замѣчаетъ папа, сдѣлавъ это разъясненіе, эти случаи такъ сложны и тонки, что *государству не по силамъ справляться съ ними.* Поэтому въ данномъ случаѣ, по его мнѣнію, *слѣдуетъ предпочитать коопераціи и синдикаты, при которыхъ на долю государства остается лишь роль второстепенная и вспомогательная.* Сдѣлавъ, въ заключеніе третьей части краткое замѣчаніе о томъ, что нормировка заработанной платы, моглабы дать рабочему возможность дѣлать сбереженія и пріобрѣтать недвижимую собственность, особенно участки земли, что́ въ свою очередь могло бы содѣйствовать развитію земледѣлія и прикрѣпленію бродячаго рабочаго люда къ землѣ,— папа переходитъ къ четвертой и послѣдней части энциклики къ вопросу о кооперацiяхъ и синдикатахъ.

Изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій (благотворительныя общества, пріюты и т. д.), по мнѣнію папы, всего больше могутъ содѣйствовать мирному разрѣшенію рабочаго вопроса корпораціи самихъ рабочихъ или, какъ въ послѣднее время все болѣе и болѣе входитъ въ обычай, — рабочихъ вмѣстѣ съ хозяевами. Будучи вызываемы ограниченностію единичныхъ силъ человѣка и потребностію людей во взаимной помощи, корпораціи или частные союзы освящены и авторитетомъ св. писанія (Еккл., 4. 9—12, Притч. 18, 19). Посему государство не имѣетъ права и не должно запрещать ихъ. „Право на существованіе даровано частнымъ союзамъ самою природою, а общество гражданское установлено, чтобы ограждать естественное право, а не уничтожать его. Вотъ почему гражданское общество (государство), которое стало-бы запрещать частные союзы, посягало-бы само на себя, такъ какъ всѣ общества, публичныя и частныя, происходятъ изъ одного и того же начала—изъ естестественнаго стремленія человѣка къ общежитію". Конечно, государство должно запрещать такія общества, которыя ставятъ себѣ недостойныя цѣли. Но если цѣль добрая, если при томъ освящена религіею (какъ, наприм., въ религіозныхъ братствахъ и конгрегаціяхъ), тогда государство обязано ему покровительствовать и даже, въ случаѣ надобности, защищать. Проскрипціи и запрещенія этихъ обществъ, къ которымъ, увы! теперь такъ часто прибѣгаютъ, заслуживаютъ всякаго осужденія. Всего лучше было - бы, если бы рабочіе, не давая увлекать себя различными несбыточными обѣщаніями, которыми ихъ заманиваютъ въ свои сѣти соціалисты, основывали свои обще-

ства, въ которыхъ они сами устрояли бы свои дѣла и свою судьбу. обсуждали бы интересующіе ихъ вопросы, изыскивали средства взаимопомощи, устрояли рабочіе конгрессы и такъ д. Очень вѣроятно, что найдутся богатые и благомыслящіе католики, которые захотятъ помочь этимъ ассоціаціямъ и деньгами. „Мы ожидаемъ отъ этихъ корпорацій,—говоритъ папа, — самыхъ богатыхъ плодовъ, лишь бы они устроялись и направлялись благоразумною рукою. Пусть и государство покровительствуетъ этимъ обществамъ; но,—подчеркиваетъ папа далѣе.— пусть *оно не вмѣшивается въ ихъ внутреннее управленіе и не касается внутреннихъ основъ* (?), обусловливающихъ ихъ жизнь ибо живое движеніе всегда имѣетъ внутренній источникъ и легко замираетъ подъ дѣйствіемъ внѣшней силы. Итакъ, если, - что безспорно, - граждане свободны образовывать ассоціаціи, то они должны быть такъ-же свободны вырабатывать для себя самостоятельно наиболѣе пригодныя для нихъ постановленія и правила. Какія,—это, конечно зависитъ отъ генія того или другаго народа. отъ условій жизни и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ. Но общій принципъ состоитъ въ томъ, чтобы корпораціи содѣйствовали каждому изъ своихъ членовъ достигать возможныхъ для него благъ тѣлесныхъ и духовныхъ, легчайшимъ способомъ. Говоря иначе, они должны быть основаны на началахъ религіозныхъ и вообще стоять къ Церкви въ возможно тѣсныхъ отношеніяхъ. Прототипъ этихъ ассоціацій—первобытныя христіанскія общества. Какъ-бы то ни было, необходимо, - и рано или поздно это совершится, — необходимо обратить наконецъ вниманіе на рабочихъ и перестать цѣнить ихъ на вѣсъ золота, доставляемаго трудами ихъ рукъ, и лучшее средство для облегченія ихъ современнаго положенія—это устройство рабочихъ ассоціацій на христіанскихъ началахъ. Служители Церкви должны объ этомъ особенно позаботиться и употребить на это дѣло человѣколюбія всѣ свои силы и все свое вліяніе.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе энциклики. Таковъ этотъ любопытный документъ. Здѣсь есть все и всѣ трудности, повидимому, благополучно обойдены. Въ самомъ дѣлѣ, нужно папѣ снять съ себя упрекъ въ излишнихъ симпатіяхъ къ соціалистамъ-демократамъ, которыя такъ прозрачно и недвусмысленно проглядываютъ въ энцикликѣ,—и вотъ онъ выноситъ самый рѣшительный обвинительный вердиктъ ихъ утопіямъ,— разбираетъ и опровергаетъ соціализмъ, какъ докрину. Нужно-ли напомнить забывчивому міру о Церкви? Папа показываетъ, что она и она одна только можетъ принципіально рѣшить осложенный рабочій вопросъ. Нужно-ли утвердить власть и превосходство католической церкви надъ государствомъ, въ каковое превосходство,—увы!—теперь такъ немногіе склонны вѣрить? Папа учитъ, что у государства есть въ отношеніи къ рабочимъ обязанности, но нѣтъ многихъ правъ, нѣтъ напр., права вторгаться во внут-

реннюю жизнь ихъ ассоціацій, каковое право, — подразумѣвается, — принадлежитъ только церкви и ея сановникамъ. Нужно-ли ободрить и успокоить смущенныхъ собственниковъ, имущій классъ? Папа учитъ ихъ, что каждый имѣетъ право жить, какъ прилично его положенію (и обычаямъ свѣта?) и лишь то, что остается за удовлетвореніемъ требованій необходимости и приличія (?), отдавать бѣднякамъ (!). Нужно-ли, наконецъ, обнаружить къ этимъ послѣднимъ симпатіи, указать имъ исходъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія? Папа говоритъ, что они имѣютъ право, на которое никто посягнуть не смѣетъ, устроять свою судьбу посредствомъ союзовъ, конгрессовъ и сходокъ и должны воспользоваться этимъ правомъ, такъ какъ, — предполагается, — ни государство, ни общество не помогутъ и не въ силахъ помочь имъ въ данномъ случаѣ. Итакъ, лишь церковь, всемогущая, даже и въ устроеніи земныхъ дѣлъ, католическая церковь въ силахъ помочь бѣднякамъ-рабочимъ въ данномъ случаѣ, — помочь даже и съ чисто внѣшней стороны: вотъ конечный выводъ энциклики. Послѣ всего этого нужно-ли выяснять еще двойственную, — политическую и общекатолическую, — тенденцію энциклики? Не ясно-ли, что она есть лишь фазисъ, одинъ изъ многихъ фазисовъ, тонко разчитанной политической игры современнаго папства, въ которой онъ хочетъ отстоять свои прераготивы, опираясь на симпатіи многочисленнаго и могущественнаго „четвертаго сословія"? И все это „во имя Христово" и „во имя народнаго блага"!!

Здѣсь ярко выступаетъ предъ нами родовая черта и вмѣстѣ, коренная ошибка католичества, — одна изъ многихъ такихъ-же ошибокъ. Оно вступается за бѣдныхъ, труждающихся и обремененныхъ, выступаетъ во имя заповѣди Христовой: „возлюби ближняго твоего, какъ самаго себя". Но въ его пониманіи любви еще слишкомъ сильно сказывается языческое, матеріальное, стихійное, плотское начало, которое проявляется въ стремленіи папства къ обезпеченію за бѣдными равнаго съ богачами права на участіе прежде всего въ матеріальныхъ благахъ жизни, чтобы уже затѣмъ, этимъ средствомъ, возвести ихъ къ благу духовному, къ подчиненію авторитету и водительству Церкви (вопреки заповѣди Евангелія: „ищите *прежде* царствія Божія и сія вся *приложатся* вамъ"). Коренясь въ самомъ существѣ и

особенностяхъ католичества, эта тенденція рано или поздно должна была выступить во всей своей недвусмысленной опредѣленности. Вотъ почему, многіе и на западѣ *) и у насъ давно уже предрекали эту демократическую эволюцію" папства, эту „поправку (!) съ его стороны къ ученію Христа", это „исправленіе Его подвига". И вотъ мы дождались исполненія этихъ предсказаній. И съ какою полнотою, съ какими смущающими подробностями они исполнились! „Знаешь-ли ты, — такъ истолковываетъ подлинную, скрытую тенденцію папства нашъ извѣстный беллетристъ-богословъ, Ѳ. М. Достоевскій, словами Великаго Инквизитора, обращенными ко Христу, съ укоризною, что волей-неволей папству будто-бы приходится „исправлять" дѣло и подвигъ Его,—знаешь-ли Ты, что пройдутъ вѣка и человѣчество провозгласитъ устами своей премудрости и науки, что преступленія нѣтъ, а, стало быть, нѣтъ и грѣха, а есть лишь только голодные. „„Накорми, тогда и спрашивай съ нихъ добродѣтели!"" вотъ что напишутъ на знамени, которое воздвигнутъ противъ Тебя и которымъ разрушится храмъ Твой. На мѣстѣ храма Твоего воздвигнется новое зданіе, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, какъ и прежняя, но все-же Ты-бы могъ избѣжать этой новой башни и на тысячу лѣтъ сократить страданія людей, --ибо къ намъ же вѣдь придутъ они, промучившись тысячу лѣтъ съ своею башней! И мы достроимъ ихъ башню, ибо достроитъ тотъ, кто накормитъ, а накормимъ лишь мы, *во имя Твое, и солжемъ, что во имя Твое. О, никогда, никогда безъ насъ они не накормятъ себя! Никакая наука не дастъ имъ хлѣба, пока они будутъ оставаться свободными*, но кончится тѣмъ, что они принесутъ свою свободу къ ногамъ нашимъ и скажутъ намъ: „„лучше поработите насъ, но накормите насъ"". Ты обѣщалъ имъ хлѣбъ небесный, но, повторяю опять, можетъ ли онъ сравниться въ глазахъ слабаго, вѣчно порочнаго и вѣчно неблагодарнаго людскаго племени съ земнымъ? Намъ дороги и эти слабые. Они *порочны и бун-*

*) Особенно ясно Мельхіоръ *Вогюе* (Revue des deux Mondes, 1887, май) и самъ *Больё* (le Vatican et le Quirinal въ Revue des deux Mondes, 1884, Janvier, 1-er).

товщики, но подъ конецъ они-то и станутъ послушными. Они будутъ дивиться на насъ и будутъ считать насъ за боговъ за то, что мы, ставъ во главѣ ихъ, согласились выносить свободу, которой они испугались, и надъ ними господствовать,—такъ ужасно имъ станетъ подъ конецъ быть свободными! *Но мы скажемъ, что послушны Тебѣ и господствуемъ во имя Твое. Мы ихъ обманемъ опять, ибо Тебя мы ужъ не пустимъ къ себѣ*" *). Да именно современному папству, тронъ котораго болѣе, чѣмъ когда либо расшатанъ, понадобились эти „порочные бунтовщики", эти подвижныя и волнующіяся единицы „четвертаго сословія", которыхъ такъ выгодно и такъ заманчиво для папства дѣлать теперь „послушными"...

Но что-же въ концѣ концовъ изо всѣхъ этихъ недостойныхъ заискиваній папы у черни, изъ всѣхъ этихъ колебаній и компромиссовъ, изъ всѣхъ этихъ горделивыхъ замысловъ „исправить подвигъ и ученіе Христа", — что изъ всего этого вышло? Удовлетворило-ли кого нибудь слово, такъ громко и авторитетно высказанное? Дивились ему по различнымъ мотивамъ и съ различныхъ точекъ зрѣнія многіе; но удовлетворился имъ едва-ли кто нибудь, — по крайней мѣрѣ вполнѣ. Люди, преданные католичеству и папѣ, были смущены нѣкоторыми мыслями, изложенными въ энцикликѣ, и чтобы уничтожить разладъ между своею религіозною и научною совѣстью, между уваженіемъ къ папѣ и убѣжденіемъ, внушаемымъ опытомъ и наукою, обратились къ обычному въ подобныхъ случаяхъ различенію въ ней двухъ сторонъ—чисто экономической, предложенной будто-бы лишь *гипотетически*, въ формѣ руководящаго совѣта, и потому не безусловно обязательной, и—нравственно-догматической, *непреложной* (наприм., ученіе о правѣ и границахъ государственнаго вмѣшательства въ рабочій вопросъ признается гипотезою, а экзегетико-догматическое обоснованіе права собственности и пр. непреложнымъ и непогрѣшимымъ догматомъ) **). Другіе, сторонники современнаго государственнаго строя, монархическаго и республиканскаго, противники папскаго вмѣшательства, недовѣрчиво относящіеся къ со-

*) Ѳ. М. *Достоевскій*, т. 12-й (по изд. 1888 г.), стр. 293—4.

**) См. у *Болье*, р. 78 и рядомъ.

мнительной „автономіи“ демократовъ, усмотрѣли въ энцикликѣ возмущеніе низшихъ классовъ противъ существующаго соціально-экономическаго строя. Наконецъ, даже и сами демократы, польщенные, конечно, вниманіемъ папы и ободренные въ своихъ притязаніяхъ, въ сущности всеже остались не вполнѣ довольны энцикликою. Папа поманилъ ихъ призракомъ благополучія и свободы, автономіи, и они прельстились этимъ призракомъ и готовы уже слѣдовать за нимъ. Но эти блага обѣщаны имъ не безусловно. Какъ-бы въ выкупъ за нихъ церковь ставитъ демократамъ два требованія: вѣру въ міръ невидимый и подчиненіе духовному авторитету, въ замѣнъ авторитета мірскаго. И вотъ этихъ-то двухъ требованій современные демократы выполнить не могутъ и не хотятъ. Четвертое сословіе къ этимъ вещамъ такъ сказать „не имѣетъ вкуса“. Христіанство, даже въ той потемненной формѣ, въ которой его хранитъ католичество,—христіанство и соціализмъ суть два противоположныя начала, которыя проникнуты различнымъ духомъ, до противоположности различно понимаютъ назначеніе человѣка и ведутъ его къ различнымъ цѣлямъ: одно учитъ постоянно вперять взоръ въ небо, другое слишкомъ глубоко опустило его долу и не можетъ оторвать отъ земныхъ и плотскихъ привязанностей и приманокъ. Привязывая всѣ свои надежды къ этому подлунному міру, ограничивая свой кругозоръ и свои стремленія благами, утѣхами и радостями этой, земной жизни, глашатаи соціализма не любятъ слушать о потустороннемъ мірѣ, и, какъ скептически настроенные эллины временъ апостольскихъ, готовы назвать безумцемъ того, кто сталъ-бы говорить имъ о судѣ и воскресеніи, о небесномъ Іерусалимѣ и о небесныхъ благахъ. Вѣрѣ, упованіямъ христіанскимъ и раю, котораго вѣрующіе во Христа, по обѣтованію Его, чаютъ въ жизни будущей, фанатики соціализма предпочитаютъ не столь возвышенный, но зато по ихъ мнимымъ надеждамъ, болѣе близкій къ осуществленію рай земной, съ его чувственными благами и прелестями, и руководствуются этой *новой* вѣрой въ его осуществимость. Нѣтъ, соціализмъ не хочетъ заботъ о душѣ, въ какой-бы смягченной и тонкой формѣ они ему ни предносились. Онъ живетъ тѣломъ. Онъ—сынъ земли и земли только. И когда папа, предлагая четвертому со-

словію извести его изъ земли работы, требуетъ отъ него въ замѣнъ этого вѣры въ міръ невидимый и подчиненія своему духовному авторитету,—то даже и этотъ „minimum религіи“ кажется соціалъ-демократамъ слишкомъ дорогимъ выкупомъ.

Соціальный вопросъ есть вопросъ не плоти, а духа. Это признаетъ даже и современная соціально-экономическая наука. Съ улучшеніемъ матеріальнаго положенія рабочихъ, ихъ соціалистическія утопіи не ослабѣваютъ, какъ-бы слѣдовало ожидать, а напротивъ становятся все напряженнѣе, заявляютъ себя настойчивѣе и соціалистическія движенія принимаютъ все болѣе и болѣе острую форму. Логика тутъ понятная. Добились необходимаго, почему не добиться всего? Перестали умирать съ голоду: почему не устроить себѣ комфортъ? Вѣдь живутъ-же съ комфортомъ другіе, „имущіе классы“: чѣмъ они лучше? Вотъ это грозное „чѣмъ они лучше“, за которымъ скрывается еще болѣе грозный девизъ: „война противъ дворцовъ и миръ съ хижинами“,—эти грозные, все рѣшительнѣе и смѣлѣе раздающіеся призывы,—чѣмъ избавить отъ нихъ смятенное европейское общество? Ясно, что здѣсь ничего не можетъ быть достигнуто полумѣрами, поблажками и уступками. Подлинный стимулъ всѣхъ соціалистическихъ движеній, какъ показываетъ ихъ исторія, коренится не столько въ *нынѣшнихъ* страданіяхъ обездоленныхъ массъ, сколько въ ихъ *вчерашнемъ* успѣхѣ и въ надеждахъ на *будущее*. Сегодня имъ уступлена автономія въ ассоціаціяхъ и сходкахъ; не потянутся-ли они завтра къ большему? Сегодня сведенъ до minimum'а рабочій день: не запросятъ-ли они завтра совершенной отмѣны работы? Нынѣ имъ установлена максимальная поденная плата, избавляющая ихъ отъ заботы о первыхъ потребностяхъ жизни: не запросятъ-ли они завтра удобствъ и комфорта? Вѣдь мы знаемъ, что въ древнемъ мірѣ, при сходныхъ условіяхъ, вмѣстѣ съ требованіемъ *хлѣба*, раздавалось и требованіе *зрѣлищъ*. Нѣтъ, не въ этихъ компромиссахъ и уступкахъ спасеніе. Для этого нужно нѣчто большее—нѣчто весьма большое; *нужно принципіальное измѣненіе языческихъ взглядовъ на богатство и земныя блага на взгляды подлинно христіанскіе;* нужна энергичная проповѣдь и словомъ и дѣломъ о

ихъ бренности и лишь относительной цѣнѣ значенія. Но современный культурный западный міръ,—гдѣ возметъ онъ этихъ проповѣдниковъ? Папство-ли окажетъ ему эту услугу? Но мы видѣли уже, что увѣровавъ болѣе въ себя и въ свои силы, чѣмъ въ непреложное слово Христа, оно, вмѣсто возвѣщенія Его чистаго и непотемненнаго ученія, вступаетъ на сомнительный и пагубный путь политическихъ разсчетовъ, колебаній и компромиссовъ. Общество-ли людей передовыхъ, культурныхъ? Но если-бы оно взяло на себя эту щекотливую миссію разъяснять четвертому сословію правильный взглядъ на земныя блага, то, конечно поучаемые были-бы въ правѣ отвѣтить своему непризванному и двусмысленному учителю: „врачу, исцѣлися самъ"! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ современные передовые классы не проповѣдуютъ самымъ энергичнымъ и краснорѣчивымъ образомъ, строемъ всей своей жизни, —развѣ не проповѣдуютъ они совершенно противнаго? Современная плутократка, издерживающая чуть не весь годовой бюджетъ своего супруга на прихотливые костюмы,—развѣ она не является для бѣдной „дочери народа" трудно побѣдимымъ, раздражающимъ соблазномъ и не въ правѣ-ли эта послѣдняя сказать, что именно она, эта гордая плутократка развращаетъ ее, пораждая въ ней зависть и погоню за роскошью и нарядами? Развѣ богатые *banqiers* и *буржуа*, безпечно проводящіе время чуть не съ утра и до ночи, особенно въ *открытыхъ* (какъ повсюду въ Парижѣ) café, на виду у праздно толпящагося безработнаго чернаго люда,—развѣ они косвенно не виноваты въ этихъ грозныхъ рабочихъ движеніяхъ? Не они-ли проповѣдуютъ массамъ и своимъ примѣромъ и своею жизнью языческое отношеніе къ богатству? Не они-ли зажигаютъ въ немъ чувства зависти, ненависти и затаенной злости? Не они-ли убиваютъ его нравственно? Вотъ почему въ воздухѣ современнаго культурнаго міра, кажется, снова носится грозный древній вопросъ: „Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?" Все въ немъ, въ этомъ забывшемся и утратившемъ смыслъ текущаго мірѣ, объято однимъ духомъ, охвачено однимъ стремленіемъ, —стремленіемъ къ наживѣ. Нуженъ новый Моисей, который энергично и властно, воздѣвъ руки горѣ, напомнилъ-бы этому міру, какъ древнимъ богоотступнымъ и вѣроломнымъ евреямъ: „не сотвори себѣ кумира!"...

И вотъ, когда подъ гнетомъ этихъ настроеній и думъ, мы вслушиваемся въ голоса людей, которые яснѣе другихъ понимаютъ наличное положеніе дѣлъ, и не имѣютъ причинъ не говорить того, о чемъ думаютъ, мы разслушиваемъ два глубокоискреннихъ и знаменательныхъ слова, — двѣ выразительныхъ и характерныхъ формулы: *le christianisme s'est refroidi dans le monde* — и *adveniat Regnum Tuum!* Въ этихъ двухъ формулахъ, недавно выставленныхъ двумя видными французскими писателями *), — изъ которыхъ въ одной звучитъ сожалѣніе о прошломъ, а въ другой опасеніе за дудущее, — выражается вся суть современнаго настроенія западнаго культурнаго міра, который извѣрился въ своихъ силахъ и молитвенно ищетъ помощи свыше... По этому настроенію можно уже дорисоват печальную, къ сожалѣнію, лишь слабо и въ общихъ чертахъ намѣченную нами выше, картину современной западной дѣйствительности.

Парижъ, Сентябрь 1892 г.

*) Этими формулами *Тенъ* и *Леруа Больё* заканчиваютъ свои, не разъ цитованныя нами въ настоящемъ письмѣ, монографіи.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Первыя впечатлѣнія по возвращеніи изъ-за границы: наша дѣйствительность, по сравненію съ западною.—Наше преимущество предъ западомъ не въ наличной дѣйствительности, а въ нашихъ идеалахъ.—Русскій идеалъ, какъ онъ опредѣлился въ нашей исторіи и выраженъ славянофилами.—Современная полемика противъ славянофиловъ и ея основные недостатки.—Три стадіи отпаденія отъ славянофильскаго идеала въ современной западничествующей интеллигенціи: 1) *апоѳеоза „человѣчности“* (проф. Виноградовъ); 2) *фетишизація „реальной науки“* (П. Милюковъ) и 3) *ультрамонтанскія утопіи* (Вл. Соловьевъ).—Чему научаетъ насъ полемика западниковъ со славянофилами и каковъ ея окончательный результатъ?—Конкретныя черты православно-русскаго идеала, при его сравненіи съ западною дѣйствительностію.—Заключеніе.

Объединивъ свои заграничныя письма подъ общимъ заглавіемъ „Западная дѣйствительность и русскіе идеалы“, мы тѣмъ самымъ уже заранѣе выразили ихъ основную мысль: мы не сравниваемъ западную дѣйствительность съ дѣйствительностію русскою, — о, нѣтъ, мы далеки отъ этого! Жизнь западныхъ народовъ сплетена изъ такихъ тонкихъ нитей, „устроилась, говоря языкомъ нашихъ славянофиловъ, такъ послушно и согласно съ ихъ умственными требованіями“, носитъ на себѣ такой отпечатокъ порядка, внѣшняго благообразія и даже изящества, что не придетъ и на мысль сопоставлять ее *по внѣшности* съ нашею „сѣрою“ и будничною дѣйствительностію. Да, *сѣрою:* вѣдь наши „хаты не мазаны“, наша поступь несмѣлая, наша рѣчь неразвязная, у насъ „людей нѣтъ“, вѣры въ себя нѣтъ, да и мало ли еще чего у насъ нѣтъ...

— Ну, какъ вы себя чувствуете въ Россіи? — спрашивали мы одного русскаго гражданина, который долго былъ за-границей и слылъ тамъ за горячаго патріота.

— „Да ничего: привѣтливыя русскія лица, родной говоръ... А только, знаете, порядокъ и внѣшній строй оставляетъ еще желать весьма и весьма многаго. Вотъ, наприм., я *по-тамошнему* хотѣлъ было сдать письмо на вокзалѣ: оказалось, что почтовое отдѣленіе заперто и во всемъ вокзалѣ, не исключая и буфета, не нашлось рѣшительно ни одной марки. Пустяки, конечно; но вѣдь изъ такихъ пустяковъ слагается вся жизнь, ими держится все настроеніе“... И начинаются длинные разсказы о томъ, что у насъ на Руси портитъ отвыкшему отъ нея „патріоту“ настроеніе.

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ“... О, конечно! Но все же позволительно желать, чтобы даже отечественный дымъ какъ можно меньше ѣлъ глаза. А онъ ѣстъ и нѣкоторымъ, повидимому, разъѣдаетъ до страданія. Вотъ послушайте, наприм., что говоритъ одинъ медикъ о своихъ впечатлѣніяхъ послѣ трехлѣтней заграничной „командировки“: „Петербургъ,—читаемъ мы, – встрѣтилъ меня угрюмо, грязно, непривѣтливо. Тихо, вяло повезъ меня извощикъ по Обводному каналу. Грязь и вонь. На грязно-желтыхъ, какъ бы пропитанныхъ сыростью домахъ на каждомъ шагу съ безстыдствомъ выставляется яркая красно-синяя вывѣска: „*„питейный домъ*““. Только по возвращеніи изъ заграницы замѣчаю я все страшное обиліе этихъ вывѣсокъ. Въ одинъ изъ „домовъ“ врывается пьяный рабочій. Худая, нескладная фигура, ситцевая неподпоясанная рубаха, резиновыя калоши на босую ногу, мятая фуражка на затылкѣ; изъ пьяной глотки вырывается ругательство“ и т. д. и т. д. *). Положимъ, что здѣсь „краски сгущены“; но, конечно, и при этомъ предположеніи, на душѣ остается горькій осадокъ.

И однако... однако, даже и на эту сѣрую и неприглядную дѣйствительность возможна иная точка зрѣнія, съ которой разомъ все измѣняется. Предположите, въ самомъ дѣлѣ, что эта „чернота“ нашей дѣйствительности, которая бросается съ перваго взгляда, есть нѣчто такъ сказать „налетное“, поверхностное и исправимое; что подъ этимъ поверхностнымъ и эфемернымъ слоемъ скрыты, говоря языкомъ философовъ, „потенціи лучшей дѣйствительности“,—

*) *Книжки недѣли* (ежемѣсячный лит. журналъ), Янв. 1893 г., стр. 62—3.

идеалы и стремленія, способные преобразовать дурную дѣйствительность или, по крайней мѣрѣ, заставляющіе ее осуждать, какъ именно „дурную“: тогда разомъ все измѣняется — настроеніе становится устойчивѣе и „дымъ отечества“ перестаетъ ѣсть глаза или, точнѣе, ѣсть, но не разъѣдаетъ, а прочищаетъ. Добавьте еще къ этому предположенію другое, — что, быть можетъ, та блестящая отполированная внѣшность, которая такъ ласкаетъ и обольщаетъ русскаго человѣка, когда онъ впервые знакомится съ западною дѣйствительностію и которая заставляетъ его такъ безпощадно осуждать свою убогую дѣйствительность, — что эта внѣшность, можетъ быть, есть лишь показная сторона, за которою ничегоуже болѣе не скрывается, на которую такъ сказать израсхованы всѣ силы, которою исчерпывается все идеальное содержаніе западнаго человѣка, которую поэтому ему не приходится ни осуждать, ни исправлять, а приходится просто изживать или доживать: и тогда наша дѣйствительность не только перестанетъ разъѣдать глаза, но послужитъ источникомъ многихъ бодрыхъ настроеній и плодотворныхъ указаній на наше реальное дѣло.

Мы пытались показать выше, въ своихъ очеркахъ современной западной жизни, что это послѣднее предположеніе не совсѣмъ лишено основанія, что западная дѣйствительность, не смотря на ея блестящую внѣшность, въ общемъ все-же представляетъ довольно печальную, наводящую на многія серьезныя размышленія, картину нестроеній и заставляетъ ожидать многихъ грядущихъ золъ, — „соціальнаго землетрясенія“, окончательнаго религіознаго равнодушія, нравственнаго индифферентизма, если не совершеннаго „одичанія“, а можетъ быть даже и умственной анархіи (вслѣдствіе постепеннаго исчезновенія изъ области мысли идеальныхъ т. е. безусловныхъ руководящихъ началъ). Съ другой стороны, люди, сжившіеся съ народомъ, понимающіе, благодаря своей чуткости и проницательности, его истинныя стремленія, чаянія, и запросы, знающіе „народную душу“, нисколько не смущаясь внѣшнею непривлядностію нашей жизни, продолжаютъ несокрушимо вѣрить въ Россію, въ ея стихійную мощь, идеальные залоги и высокое предназначеніе быть носительницею истиннаго ученія и духа Христова:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа,
Не пойметъ и не оцѣнитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.
Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь небесный
Исходилъ благословляя...

Итакъ, не наличная наша, все еще слишкомъ несовершенная и убогая дѣйствительность, но таящіеся въ ней залоги лучшаго будущаго, наши возвышенныя мечты и вѣрованія, словомъ наши идеалы, — вотъ что способно и что единственно только и можетъ и должно-бы, не смотря на всѣ искушенія и обольщенія западной дѣйствительности, удерживать русскаго человѣка отъ склоненія предъ тѣми кумирами, предъ которыми все ниже и ниже склоняется западъ и которые грозятъ вовлечь его въ пучину неисцѣльныхъ золъ; вотъ что можетъ послужить для него точкой опоры при сужденіи о западной жизни, что можетъ вдохнуть въ него смѣлость не стыдиться своего русскаго имени, не отчаяваться въ своемъ русскомъ дѣлѣ, въ возможности лучшаго будущаго для нашего отечества *).

„*Русскіе идеалы*“: какое возвышенное слово, какъ часто оно повторялось, — то съ восторженнымъ, мистическимъ преклоненіемъ, то со злою и злобною ироніею, — и однако какъ, по-

*) Когда И. С. Аксаковъ уѣзжалъ (въ 50-хъ годахъ) за границу, С. Т. (отецъ его) писалъ ему между прочимъ: „... Польза отъ твоего путешествія необходимо будетъ. Ты увидишь своими глазами, до какихъ жалкихъ результатовъ довела народы такъ называемая цивилизація. Ты снисходительнѣе взглянешь на всѣ наши недостатки и неустройства и на испорченность общества. У насъ по крайней мѣрѣ есть будущее, а въ Европѣ его уже нѣтъ“ (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. III, ч. 1 — Письма 1851—60 гг., М. 1892, стр. 314). *У насъ есть будущее, а въ Европѣ его уже нѣтъ*: это удивительно какъ мѣтко сказано! У западныхъ народовъ дѣйствительно все какъ будто уже ушло *въ прошлое*, а мы все еще надѣемся на свое *будущее*. И дай Богъ, чтобы надежда не обманула насъ...

видимому, неуловимъ и эластиченъ его смыслъ? *Русскіе идеалы*, —гдѣ ихъ вычитать, кто ихъ подскажетъ, кто научитъ съ ними сообразоваться?!. Какъ часто раздаются эти, повидимому, безнадежные вопросы и, однако, отвѣтъ на нихъ далеко не такъ труденъ и невозможенъ, какъ кажется. Его подсказываетъ намъ наша прошлая исторія, наши „вѣрующіе въ Россію“ просвѣщенные современники (славянофилы) и даже самые ихъ противники,—своею полемикою противъ нихъ.

Дѣлаемъ прежде всего историческую справку. Что говоритъ исторія о тѣхъ, такъ сказать, подспудныхъ силахъ, о той стихійной непроявленной мощи русской народной души, о тѣхъ ея идеальныхъ свойствахъ, которыя служатъ залогомъ лучшей будущности нашего отечества? Она говоритъ намъ, что на всемъ пространствѣ своей исторіи,— съ той самой поры, когда русскіе вмѣстѣ съ другими славянами покинули свою отдаленную восточную колыбель и до послѣднихъ дней, — они проявляли высокія природныя свойства, которыя затѣмъ были укрѣплены, очищены и просвѣтлѣны православнымъ христіанствомъ: какъ вышло это благородное племя изъ своей колыбели съ „опасливою богобоязненностію“, съ „истинными рѣчами“, „надежною дѣятельностію“, съ любовью къ ближнему и гостепріимствомъ, такъ такимъ и осталось, проявивъ сверхъ того, когда потребовали условія жизни и обстоятельства, и другія похвальныя свойства — миролюбіе во время мира, отвагу во время войны, благородную военную гордость, великодушіе къ побѣжденнымъ, истинно-рыцарское уваженіе къ женщинѣ, правдивость, преданность вѣрѣ отцовъ, законной власти и т. д. И при томъ, — и это особенно важно, — эти свойства свои славяне и особенно русскіе доказали своими дѣлами, почему они и были засвидѣтельствованы не только ихъ друзьями, но и врагами или, по крайней мѣрѣ, такими людьми, которые вовсе не были заинтересованы въ репутаціи славянъ *).

Не смотря на то, что въ теченіе своей, полной испыта-

---

*) См. сводъ свидѣтельствъ о высокихъ свойствахъ славянъ (Зороастра, Геродота, Прокопія, Масуди и др.) у *Листовскаго* въ его трудѣ: „Историческіе итоги“ (СП., 1892. стр, 357—368).

ній, исторіи русскій народъ былъ значительно сдвинутъ съ своихъ православно-патріархальныхъ устоевъ, онъ не только сохранилъ свои природныя свойства, но и прояснилъ, осмыслилъ возникающія изъ нихъ безотчетныя, какъ-бы инстинктивныя стремленія,—перевелъ ихъ въ форму конкретныхъ идеаловъ или, точнѣе, созналъ, какъ стороны единаго, всеобъемлющаго своего идеала *). Этотъ идеалъ всего энер-

---

*) Нѣкоторыя, съ замѣчательною мѣткостію схваченныя и выраженныя черты этого нашего идеала мы находимъ въ недавнемъ очеркѣ *Русскаго Обозрѣнія* („*Наши идеалы*“ — разговоръ на палубѣ. Февраль текущаго года, стр. 663—679). Вотъ сущность этого разсказа въ краткихъ чертахъ.—Ночью на палубѣ черноморскаго парохода *русскій* выясняетъ „*европейцу*“ свои „чумазые“, „безпаспортные“, ютящіеся по конюшнямъ и курнымъ избамъ идеалы, въ противоположность съ изящными западными идеалами, которые всѣ „снабжены академическими дипломами“ и „засѣдаютъ въ парламентахъ“.—Вашъ *первый* идеалъ,—говоритъ русскій европейцу,—есть борьба за существованіе,—борьба, которая, по вашему, есть будто бы даже идеалъ всей природы: по вашему, „трава въ полѣ и та ведетъ борьбу за существованіе“. По нашему не такъ: борьба не другъ съ другомъ, но съ самимъ собою,—вотъ *нашъ* идеалъ! Этой борьбы не ведетъ трава въ полѣ. Вашъ идеалъ—одолѣть другаго, а нашъ—одолѣть самого себя!—Вашъ *второй* идеалъ—богатство, братья Ротшильды. Мы тоже иногда (къ несчастью стремимся къ наживѣ, но только это у насъ не идеалъ, а мученіе земное и путь къ мукѣ вѣчной. Идеалъ же нашъ, параллельный этому вашему стремленію къ богатству, вотъ въ чемъ:

Роздалъ Власъ свое имѣнье,
Самъ остался босъ и голъ
И сбирать на построенье
Храма Божьяго пошолъ.

Вашъ *третій* идеалъ—большинство: для васъ истина въ силѣ, а не сила въ истинѣ. Нашъ же народъ совсѣмъ не понимаетъ „*большинства*“ и всѣ дѣла свои рѣшаетъ не иначе, какъ единогласно: говорятъ, уступаютъ другъ другу и такъ или иначе добиваютсь единогласія, если не сами по себѣ, то при посредствѣ какого-нибудь всѣми уважаемаго старца-дѣда, который рѣшаетъ „по совѣсти“ и „побожьи“. Вотъ почему и наша верховная власть, нашъ царь въ глазахъ народа есть такъ сказать нашъ „*верховный Дѣдъ*“, облеченный непререкаемымъ нравственнымъ авторитетомъ и „приводящій наши всенародныя разногласія къ единогласію“: намъ не нужно, чтобы онъ прислушивался къ голосу какого бы то ни было большинства,—намъ нужно, чтобы онъ прислушивался только къ голосу своей совѣсти, ибо мы ищемъ мира и правды, а не одолѣнія. - Нашъ *четвертый* идеалъ—полная свобода духа: свобода отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, отъ условій времени, „отъ власти разныхъ жизненныхъ засореній“, а главное отъ собственнаго себялюбія и отъ грѣха. И тутъ

гичнѣе и яснѣе былъ сознанъ и выраженъ великими пѣстунами нашего православно-національнаго самосознанія, великими охранителями и возбудителями нашихъ народныхъ идеаловъ, — славянофилами. „Служить истинѣ и высшей правдѣ своею правдою“, какъ сказалъ И. С. Аксаковъ, идти, со смиреніемъ предъ Творцомъ и со вниманіемъ къ

опять таки полная и коренная противоположность между нашимъ идеаломъ и идеаломъ западнымъ: *„мы ищемъ свободы отъ грѣха, а вы намъ свободу грѣха предлагаете“*.—Далѣе, вы всѣ помѣшаны на власти: вы ужасно властолюбивы; всѣмъ вамъ такъ и хочется „какъ медку лизнуть“ власти; такъ у васъ и тянутся къ ней всякія „прокаженныя руки“; такъ вы другъ другу и рекомендуете себя въ правители. Не то у насъ. „Нашъ народъ знаетъ, что никакая власть на всѣхъ угодить не можетъ, что всякая власть закрѣпощаетъ душу человѣка тому дѣлу, къ которому она приставлена; что у всякой власти есть неопрятныя, противныя душѣ человѣческой, обязанности и потому онъ отъ всякой власти сторонится и на всякую власть, кромѣ Царя, смотритъ съ нѣкоторымъ даже высокомѣріемъ, весьма ярко выражающимся въ его поговоркѣ: „„Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ““. Царь это другое дѣло: Царь—власть наслѣдственная, невольная и народъ предъ нею преклоняется, какъ предъ *подвижничествомъ*“. Оттого мы и къ провинностямъ другихъ снисходительны, что власти себѣ не усвояемъ и къ ней не тянемся „по числу оправдательныхъ у насъ приговоровъ нѣмцы вывели разсчетъ, по которому общественная совѣсть въ Россіи будто-бы въ пятьдесятъ разъ *слабѣе*, чѣмъ въ Германіи; общественная совѣсть въ Россіи въ пятьдесятъ разъ *строже*, чѣмъ въ Германіи, только—не къ другимъ, а къ самой себѣ“.—Наконецъ, высшій нашъ идеалъ, который царитъ надъ всѣми остальными и изъ котораго всѣ они вытекаютъ, есть идеалъ религіозный. У васъ, европейцевъ, все внѣшность и архитектура, — ваша излюбленная *готика*; а русскій человѣкъ говоритъ: „церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ“, т. е. не въ готическихъ храмахъ, а въ человѣческомъ сердцѣ, и убѣжденъ, что „человѣкъ родится не для себя“ и даже не для вашей излюбленной пользы ближнему („вы слишкомъ низко берете“, если такъ думаете), а для какихъ то болѣе высокихъ таинственныхъ и непостижимыхъ цѣлей,—для самаго Господа Бога. Это выражается въ той покорности, съ которою онъ переноситъ всѣ свои несчастія, выражается въ его взглядѣ и на самую смерть: смерть, „по убѣжденію нашихъ избъ“, это моментъ, когда Господь Богъ освобождаетъ человѣка отъ обязанности нести ему дальнѣйшую службу, — *„жить Богу служить“*, говоритъ наша пословица, *„Богъ свое строитъ,“* говоритъ наша другая пословица и, сообразно съ этимъ своимъ взглядомъ, нашъ народъ вѣритъ, что каковъ бы ни былъ каждый отдѣльный человѣкъ, онъ все равно есть живой матеріалъ въ строеніи Бога живаго. Отсюда и личность человѣческая является носительницею невѣдомой воли Божіей; отсюда, далѣе, и то, совершенно непонятное для васъ уваженіе къ человѣческой личности, по которому самые преступники

голосу своей совѣсти, предназначеннымъ свыше путемъ; освящать всякое знаніе глубокою вѣрою; видѣть въ каждомъ человѣкѣ созданіе Божіе, брата по творенію; обнимать своею любовію все человѣчество, а прощеніемъ всѣ погрѣшности, чтобы, придя такимъ путемъ въ мѣру совершеннаго возраста, теплотою своей вѣры отогрѣть омертвѣвшіе члены европейской семьи, освѣтить мракъ опустѣвшихъ надъ западомъ заблужденій и невѣрія, представить въ своемъ государственномъ строѣ образецъ христіанскаго царства и послужить для человѣчества источникомъ свѣжихъ нравственныхъ силъ, столь необходимыхъ особенно для современнаго запада: вотъ въ чемъ, по ихъ воззрѣніямъ *), состоитъ возвышенный идеалъ Россіи, глубокій смыслъ ея „житія", ея „историческая задача", долгъ, „миссія", о которой въ свое время (1854 г. предъ Севастопольской компаніей) напомнилъ „раскаявшейся Россіи", въ своемъ вдохновенномъ и мужественномъ призывѣ, незабвенный А. С. Хомяковъ:

Иди: Тебя зовутъ народы!
. . . .
Даруй имъ даръ *святой свободы*,
Дай *мысли жизнь*, дай *жизни миръ*!

Таковы основныя черты православно-русскаго идеала, какъ онъ опредѣлился въ исторіи нашего самосознанія и выраженъ нашими славянофилами. Если привести этотъ идеалъ къ раздѣльному и ясному выраженію, то, легко замѣтить, что онъ опредѣляется тремя слѣдующими моментами: стремленіемъ къ *національной самобытности*, каковое стремленіе обусловлено не только сознаніемъ русскимъ чело-

представляются нашему народу только несчастными... Вообще вы, европейцы, и мы, русскіе,—это „два разные міра": вы живете для *матеріальнаго благосостоянія* (вѣдь это — ваше любимое слово), а мы живемъ для вѣчности и *для спасенія души* (это—наше любимое слово). Васъ не должны, поэтому смущать наши строгіе законы относительно охраненія нашей цѣлости: вѣдь нашъ духовный цементъ, наши идеалы остаются все еще пока не вполнѣ понятыми и даже сознанными, а вы „смущаете насъ всякими своими дьявольскими соблазнами" (passim).

*) Ср. у *Листовскаго*, op. cit., стр. 390 и слѣд.

вѣкомъ своей мощи, но и *природнымъ идеализмомъ* русскаго міросозерцанія (предрасположеніемъ къ *идеальной* наукѣ, т. е. философіи), а этотъ идеализмъ, въ свою очередь, укрѣпляется и просвѣтляется вѣрою въ истину *православія*. Итакъ, *національная самобытность, идеализмъ* мысли и всего настроенія и *вѣра въ истинность православія*, — вотъ конститутивные элементы трехосновнаго русскаго идеала.

Тутъ, однако, мы встрѣчаемъ цѣлыя тучи возраженій, направленныхъ къ разрушенію этого идеала. Мы отовсюду слышимъ, что онъ неосуществимъ, такъ какъ страдаетъ неопредѣленностью; что, при строгомъ анализѣ, онъ будто бы „разбивается въ куски", разрѣшается въ такіе элементы, которые или совершенно утрачиваютъ свою цѣнность и просто превращаются въ ничто, или, — что еще хуже, — обращаются въ „грѣхи и болѣзни". „Вырожденіе славянофильства"*), „Разложеніе славянофильства"**): эти и подобныя темы очень популярны въ современной литературѣ, — сдѣлались чуть не маніею своего рода. И странное впечатлѣніе производитъ эта полемика противъ славянофиловъ! Двѣ черты особенно поражаютъ въ ней: во-первыхъ, крайняя спутанность точекъ зрѣнія, вслѣдствіе чего къ славянофиламъ относятся иногда такіе мыслители, которые и сами едва ли признали бы свою солидарность и генетическую связь съ ними, а главное едва ли были бы признаны славянофилами (Ярошъ и К°, Катковъ, да вѣроятно и самъ Леонтьевъ); во вторыхъ, эта полемика въ большинствѣ случаевъ ведется такимъ высокомѣрно-развязнымъ тономъ и заключается такими жесткими и тяжеловѣсными приговорами, на которые никакъ не уполномочиваютъ приводимые противъ славянофиловъ обвиненія и доводы. Все это, впрочемъ понятно. Когда въ послѣднее время у насъ обнаружился во всѣхъ сферахъ жизни быстрый и рѣшительный поворотъ къ прежнимъ православно-патріархальнымъ устоямъ, было

---

*) Вл. *Соловьевъ*: Славянофильство и его вырожденіе (см. 2-й выпускъ его „національнаго вопроса въ Россіи", Спб., 1891).

**) П. *Милюковъ*: Разложеніе славянофильства (см. Вопросы философіи и психологіи, кн. 18). Публичная лекція.

совершенно неизбѣжно, что „западническій лагерь“ попытается задержать (насколько это въ его силахъ) это движеніе, а для этого не было, конечно, лучшаго средства, какъ сдѣлать нападеніе на тѣ самобытно русскіе устои, на которые съ такою силою указывали именно славянофилы. И вотъ противъ нихъ спѣшно организуется походъ. Но, конечно, именно вслѣдствіе этой спѣшности, на каждомъ шагу оказываются недосмотры: рекогносцировка дѣлается невѣрно; силы противника ослабляются и, тогда какъ сраженіе выигрывается (и то сомнительно) на какихъ-нибудь отдаленныхъ и незначительныхъ позиціяхъ, думаютъ, что разбитъ самый центръ....

Было бы безъ сомнѣнія благодарной задачей прослѣдить эту полемику противъ славянофильства съ *исторической* стороны. Тогда оказалось бы, что иллюзія „разложенія славянофильства“ достигается посредствомъ весьма не хитраго фокуса: къ славянофильству насильственно, совершенно внѣшнимъ и механическимъ образомъ *прилагаются* такіе элементы, которые не стоятъ съ нимъ ни въ какой органической связи и которые, поэтому, совершенно естественно и необходимо отъ него *отлагаются*. *Разложеніе* дѣйствительно получается, только не славянофильскихъ идеаловъ, а плохихъ и искусственныхъ концепцій полемистовъ *).

*) Кромѣ того въ современной полемикѣ противъ славянофильства замѣчается два общихъ *методологическихъ* недостатка:

Во-первыхъ, вопреки древнему, выставленному еще Аристотелемъ, требованію брать каждое существо, для опредѣленія его истинной природы и цѣнности, съ лучшей и выгодной для него стороны, въ его устойчивыхъ типичныхъ чертахъ, въ моменты подъема его самочувствія,—вопреки этому и справедливому требованію, полемисты противъ славянофиловъ, для облегченія своей задачи, пользуются, при характиристикѣ ихъ воззрѣній, преимущественно моментами ихъ угнетеннаго настроенія, когда они подпадали, такъ сказать, искушеніямъ мысли, сомнѣвались въ истинности своихъ воззрѣній и колебались: отъ искушеній и паденій мысли, даже до отказа отъ вѣры въ свои завѣтные идеалы, какъ извѣстно, не свободны даже и самые великіе и крѣпкіе характеры; но справедливо-ли измѣрять и характеризовать ихъ по этимъ случайнымъ и преходящимъ настроеніямъ?

Во-вторыхъ, желая умалить значеніе славянофиловъ въ исторіи нашего просвѣщенія и набросить тѣнь на ихъ научно-литературную дѣятельность, полемисты любятъ подчеркивать у нихъ предполагаемыя „заимствованія“ изъ западной литературы (у романтиковъ, гегельянцевъ, ультрамонтанъ и

Однако, входить въ разъясненіе этой стороны дѣла не было задачею нашихъ писемъ. Современная полемика противъ славянофиловъ интересуетъ насъ лишь съ своей положительной стороны,—со стороны тѣхъ идей или идеаловъ, во имя которыхъ отрицается или разрушается идеалъ славянофильскій. И тутъ, конечно, мы уже заранѣе не можемъ ожидать чего-нибудь новаго и оригинальнаго: о, нѣтъ, славянофильскому идеалу противопоставляются давно извѣстныя и, можно сказать, избитыя идеи и весьма сомнительные, уже довольно-таки скомпрометтированные идеалы! Съ этой стороны „полемика" весьма характерна и поучительна. Она еще разъ и самымъ положительнымъ образомъ доказываетъ, что арсеналъ западниковъ весьма не богатъ, такъ что имъ очень часто приходится повторяться. И именно, изучая антиславянофильскіе критическіе „этюды", мы находимъ, что весь циклъ противопоставляемыхъ славянофильству идей исчерпывается, собственно говоря, тремя идеями: идеею *человѣчности*, „*реальной*" или „*современной*" *науки* и идеею *внѣшне-церковной организаціи по типу католичества*. Легко замѣтить, что эта тріада идей составляетъ естественный антитезисъ вышеуказаннаго трехъосновнаго идеала славянофиловъ.

1. Первый изъ только что указанныхъ нами элементовъ западническаго идеала,—идею человѣчности,—мы находимъ въ лекціяхъ проф. Виноградова о *Кирѣевскомъ* и *Грановскомъ* *).

Лекція о Кирѣевскомъ не только не представляетъ ни-

т. д.). Однако, при этомъ они обыкновенно ограничиваются указаніемъ лишь *сходства* или *совпаденія* въ воззрѣніяхъ тѣхъ и другихъ и не останавливаются надъ разъясненіемъ генетической связи и *зависимости* первыхъ отъ послѣднихъ. Но совершенно очевидно, что такой пріемъ не можетъ быть названъ доказательнымъ и „научнымъ": такимъ пріемомъ можно-бы было доказать не только то, что славянофилы „брали-де свои идеи на западѣ", но и все что угодно,—напрям., что наши приволжскія мѣловыя горы перевезены нѣмцами колонистами прямо изъ фатерлянда... Вѣдь *сходство* есть, а больше, по этой логикѣ, для доказательства заимствованія ничего не нужно!

*) Проф. *Виноградовъ*: „И. В. Кирѣевскій и начало московскаго славянофильства" (*Вопросы фил. и псих.* кн. 11) и „Т. Н. Грановскій" (*Русская Мысль*, 1893, Апрѣль, стр. 45 и слѣд.,—2-го отд.). Оба этюда - публичныя лекціи.

чего особеннаго, но даже не можетъ быть названа и достаточно опредѣленною. Изложеніе, правда, довольно объективно; но систематической и принципіальной критики воззрѣній Кирѣевскаго нѣтъ („для нея было-де другое время"!— стр. 116). И тѣмъ не менѣе, какъ и въ другихъ полемическихъ этюдахъ о славянофилахъ, выводъ сдѣланъ очень тяжеловѣсный и тѣмъ болѣе внушительный, что высказанъ въ формѣ какого-то совсѣмъ неяснаго намека: „все*), что пережито Россіею,—такъ заключилъ проф. свою лекцію,— съ того времени, какъ велись споры между славянофилами и западниками, утверждаетъ насъ въ убѣжденіи, что дорога ко всемірно-историческому призванію остается по прежнему одна,—отъ мрака къ свѣту"! Заключеніе, конечно, импозантное,—особенно послѣ того, какъ, по справкѣ, оказалось, что стремиться отъ мрака къ свѣту заповѣдалъ не только Николай Станкевичъ, но косвенно и самъ Мефистофель (см. конецъ лекціи). Этотъ эффектъ, правда, слушатели простили профессору (вѣдь онъ все-же читалъ *публичную* лекцію, а на публичныхъ лекціяхъ безъ эффектовъ нельзя!). Но привыкшіе къ опредѣленности и ясности, безъ сомнѣнія, уходя изъ аудиторіи, мысленно обращались къ оратору въ духѣ и тонѣ платоновскихъ діалоговъ**):

— „Но опредѣли же, странникъ, что такое этотъ *свѣтъ!* Что блуждать въ потемкахъ не безопасно, что нужно по возможности выбираться къ свѣту, — это мы и до лекціи знали; но *что такое* этотъ свѣтъ и гдѣ найти его"?!

Нѣкоторые, поставивъ мысленно этотъ вопросъ, конечно, пытались вывести на него отвѣтъ изъ содержанія лекціи,— опредѣлить искомый свѣтъ по противоположности съ тою тьмою, въ которой, по смыслу лекціи, блуждалъ Кирѣевскій и, такъ какъ источникъ тьмы, „смертная сторона" славянофильскаго міросозерцанія, по профессору, заключается въ „безмѣрномъ преувеличеніи значенія ирраціональныхъ элементовъ въ жизни и исторіи", то.... то никакого

*) Что-же такое, однако, это „все"?—Вѣдь сюда, пожалуй, подойдетъ и печальное событіе 81-го года, и другія, подобныя ему: ужели и это „утверждаетъ въ убѣжденіи" и т. д.?!...

**) *Plato*, Hipp. Major, 287 и др.

вывода и не получалось: одинъ рогъ дилеммы оказался очень притупленнымъ! Въ самомъ дѣлѣ, что противоположно этому увлеченію ирраціональными элементами? Конечно, „познанія и умъ,—источникъ главный силъ“, какъ это и объяснилъ услужливо Мефистофель. Но что-же такое умъ? Вѣдь умъ, какъ глазъ, не порождаетъ свѣта: онъ можетъ намъ только сообщить о присутствіи свѣта или освѣщенныхъ предметовъ, если будетъ на нихъ направленъ. Итакъ, — спрашивается снова,—что-же такое этотъ свѣтъ?

Нѣкоторые изъ наиболѣе равнодушныхъ махнули на всѣ эти вопросы о подспудомъ свѣтѣ рукою; а другіе, болѣе любопытные и сообразительные, пошли на вторую лекцію профессора: вѣдь тамъ будетъ читаться о Грановскомъ,— этомъ первоисточникѣ западническаго свѣта и ужъ навѣрное тамъ скажутъ, что такое этотъ свѣтъ. И тамъ дѣйствительно сказали; но удовлетворились этимъ разъясненіемъ, вѣроятно, опять таки далеко и далеко не всѣ.

Именно тамъ разъяснено было, что „смертная сторона“ славянофильства заключалась въ ошибочномъ мнѣніи, будто „основныя культурныя начала Россія должна искать въ себѣ самой, будто ея собственный религіозный и политическій матеріалъ достаточенъ для дальнѣйшаго развитія“, тогда какъ совершенно-де очевидно, что отказываться отъ западно-европейскихъ идей значитъ отрекаться „отъ великаго наслѣдія общаго культурнаго развитія, которое шло чрезъ западную Европу раньше, чѣмъ чрезъ восточную и потому *должно быть усвоено востокомъ съ запада*“: что, слѣдовательно, и Россіи „необходимо сдѣлать западную цивилизацію своею, чтобы одолѣть ее и пойти дальше“, при чемъ путеводною звѣздою процесса должны оставаться универсальныя, не различающія ни Эллина, ни Іудея, ни варвара, ни свободнаго, *начала гуманности*. „Прежде всего, человѣчность,—сказалъ Грановскій,—и за это одно слово о нѣмъ никогда не забудутъ въ Россіи“: такъ заключилъ профессоръ свою вторую лекцію.

Довѣрчивые и не требовательные изъ слушателей повѣрили профессору на слово и ушли удовлетворенные. А болѣе проницательные опять стали допытываться и допрашивать въ сократовскомъ тонѣ:

— „Объясните же намъ, г. профессоръ, что такое эта

человѣчность! Если, какъ вы сказали, это есть совокупность универсальныхъ, не различающихъ ни Эллина, ни Іудея, ни раба, ни свободнаго, идей и началъ истины, правды и справедливости: то вѣдь извѣстно, что эти идеи не на западѣ родились и не съ запада распространяются по вселенной и стало быть намъ нѣтъ надобности за ними обращаться къ западу; если-же подъ человѣчностью разумѣть что-либо другое, специфически-западное, тогда удостойте объяснить, что это такое! Мы знаемъ, что западъ, отрѣшивъ эту идею человѣчности отъ естественной связи съ религіозною идеею и возвысивъ на степень идеи верховной, всѣмъ управляющей и въ жизни и въ области мысли, пришелъ, наконецъ, *къ апоѳеозѣ „человѣчества“* какъ нѣкотораго коллективнаго существа, что, по естественному сцѣпленію идей, и влекло за собой рядъ другихъ „началъ“, — привело къ „реабилитаціи плоти“ (у сенъ-симонистовъ), „оправданію страсти“ (и частнѣе половой — у фурьеристовъ), атеизму (Прудонъ), коммунизму, соціализму и т. д. *). Ужъ конечно не этой *апоѳеозы человѣчества* желаете вы, г. профессоръ, противопоставляя убогому и одностороннему идеалу славянофиловъ универсальный западный идеалъ: но въ такомъ случаѣ что же какую идею человѣчности мы можемъ и должны искать на западѣ?!... А между тѣмъ, если мы вмѣстѣ съ вами и Грановскимъ провозгласимъ и исповѣдуемъ что *„прежде всего человѣчность“*, то логика и естественное сцѣпленіе идеи **) приведутъ насъ къ апоѳеозѣ человѣчества, а пожалуй заставятъ признать и другіе вышеуказанные выводы изъ нея. Но что скажетъ тогда опальный „ирраціональный элементъ“, т. е. здравый

---

*) Объ этой связи гипостазированной абстракціи человѣчества („религіи человѣчества“) съ другими, указанными и имъ подобными, ложными теченіями мысли см. наше, имѣющее скоро выйти, сочиненіе: „Философія въ современной Франціи“ (III, 1).

**) Такова ужъ досадная для реальнаго мышленія природа этихъ идей, что онѣ не ходятъ въ одиночку, но, выражаясь образнымъ языкомъ основателя идеализма, Платона, ходятъ всегда въ сообществѣ или со свитою, — окруженныя сонмомъ другихъ, сродныхъ имъ идей, которыя и выдаютъ ихъ подлинный, иногда для смертнаго скрытый и замаскированный, характеръ...

нравственно-эстетическій и религіозный смыслъ, за который такъ стояли славянофилы?... Нѣтъ, можетъ быть Россія и дѣйствительно никогда не забудетъ о Грановскомъ,—только, вѣроятно, за что-нибудь другое, а никакъ не за это сомнительное открытіе, по которому „*прежде всего* человѣчность“, а ее-де слѣдуетъ искать и можно найти только на западѣ“...

2. Въ полемикѣ противъ славянофильства проф. Виноградова все-же остается нѣкоторый серьезный идейный элементъ: на мѣсто осуждаемаго и разрушаемаго славянофильскаго идеала онъ ставитъ другой—человѣчность, который, при извѣстномъ истолкованіи, можетъ даже совпадать съ идеаломъ славянофильскимъ (по идеямъ универсальной правды, истины и справедливости). Другой полемистъ противъ славянофильства, г. Милюковъ, поступаетъ рѣшительнѣе и смѣлѣе: онъ выкидываетъ за бортъ этотъ послѣдній остатокъ идеализма и переноситъ свою тяжбу со славянофильствомъ на совершенно иную почву: его размахъ шире, замыслы грандіознѣе, приговоры рѣшительнѣе, рѣчь развязнѣе, тонъ увѣреннѣе. Онъ недовольствуется „началомъ славянофильства“, но прослѣживаетъ всю его „эволюцію“ и, на основаніи своихъ „наблюденій (?) и разсужденій“ (стр. 92) считаетъ себя въ правѣ поставить надъ нимъ крестъ. Само собою понятно, что, при такомъ обширномъ историческомъ *aperçu*, г. Милюкову пришлось впасть даже и въ чисто фактическіе промахи и несообразности,—напримѣръ, образовать цѣлую славянофильскую „фракцію“ изъ одного лица (Вл. С. Соловьева), при чемъ пришлось прибѣгнуть къ „миѳологическому возведенію этого лица въ женскій родъ и множественное число“ *). Мы не станемъ, однако, останавливаться на этой сторонѣ дѣла, а, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, посмотримъ только, во имя чего г. Милюковъ ставитъ надъ славянофильствомъ крестъ и осуждаетъ его идеалъ какъ „несовмѣстимый съ современными этическими и общественными воззрѣніями“.

Г. Милюковъ—безусловный адептъ и поклонникъ „современной“ или,—что въ его устахъ одно и тоже,—„реальной науки“. Выраженія: „*наука*“, „современная наука“.

---

*) Выраженіе Вл. С. *Соловьева* (см. *Вопросы фил. и псих.*, кн. 18, стр. 154 2-го и т. д.—„Замѣчанія на лекцію П. Н. Милюкова)“.

„реальная наука“, „современное научное сознаніе“, „современныя научныя идеи“, „научный выводъ“, „научное сравненіе“ и т. д., —эти выраженія, говоря безъ преувеличенія, пестрятъ у него на каждой страницѣ. Само по себѣ это преклоненіе предъ наукою, конечно, весьма похвально (хотя уже давно сказано: „есть, другъ Гораціо, на свѣтѣ много такого, о чемъ и не снилось нашимъ мудрецамъ“ !). Но читателю очень важно знать, что именно скрыто подъ этими почтительными, мистически-благоговѣйными надписями,—какая богиня столь властно управляетъ помыслами автора. И вотъ, всматриваясь пристально, мы замѣчаемъ, что „наука“ г. Милюкова—какое-то странное существо. Это,—sit venia verbo!—такъ сказать, одноокая богиня: она и сама не замѣчаетъ, и своимъ адептамъ позволяетъ не замѣчать нѣкоторыя стороны единой истины, нѣкоторые элементы общечеловѣческой мысли, или,—сказать точнѣе,—хотя и замѣчаетъ, но, такъ какъ не можетъ разсмотрѣть ихъ ближе, то и не знаетъ, какъ къ нимъ отнестись и какое дать имъ мѣсто въ общей системѣ человѣческихъ идей. Наталкивается г. Милюковъ на „философскія“ идеи (напр. на спекулятивно-діалектическое обоснованіе историческихъ взглядовъ у г. Вл. Соловьева), которыя стоятъ у него на пути и мѣшаютъ послѣдовательному проведенію его позитивно-реалистическаго пониманія исторіи: какъ быть? О, очень просто: богиня—реальная наука увольняетъ своего служителя отъ обязанностей считаться съ этими идеями: „эти идеи не допускаютъ не провѣрки“, „далеки отъ общепринятыхъ пріемовъ научнаго мышленія“ (стр. 86) и, такимъ образомъ, дѣло улажено! Конечно, это очень удобный пріемъ, но нельзя сказать, чтобы онъ былъ особенно „наученъ“. Это, очевидно, лишь искусный обходъ трудной позиціи: „вопросъ-де ненаученъ и не стóитъ вниманія“! Слѣдовало-бы, однако, сказать прямѣе и искреннѣе: „вопросъ лежитъ внѣ компетенціи „„реальной науки““ и, затрогивая его, она просто на просто *берется не за свое дѣло*“... Вообще, наука г. Милюкова,—наука, „не имѣющая ничего общаго со старой наукой и философіей“—знаетъ фактъ лишь въ его грубой дѣйствительности и такъ сказать вещественности, но не задается вопросомъ объ его смыслѣ, идеальномъ содержаніи, цѣнности, управляющихъ имъ логиче-

скихъ и телеологическихъ законахъ. И вотъ эту-то науку онъ призываетъ для суда надъ славянофильствомъ! Это, очевидно, не гуманно-европейскій, но—шемякинъ судъ. Улики противъ славянофиловъ, при такомъ условіи, конечно, найти весьма не трудно: вѣдь они признаютъ „идеальное въ природѣ“ (стр. 85), какія-то „міровыя идеи“ (стр. 60—какая отсталость!). не сгибаются предъ Дарвиномъ и Спенсеромъ (стр. 58-59—, какая дерзость!) и т. д. Мы говорили выше, что славянофильскій идеалъ слагается изъ трехъ элементовъ. И вотъ одинъ изъ этихъ элементовъ, —*идеальную науку* или философію, которою особенно сильно было славянофильство,—г. Милюковъ, такъ сказать, безъ суда и слѣдствія подвергаетъ окончательной и безапелляціонной проскрипціи; а два остальные—національную и религіозную идеи—судитъ по законамъ, которымъ славянофилъ, конечно, призналъ бы себя неподсуднымъ. И какіе изрекаются на этомъ судѣ приговоры! Въ *современной* общественной наукѣ,—изволите-ли видѣть, —„находитъ свое полное оправданіе“ идея національной своеобразности; но Боже сохрани искать объясненія этого своеобразія въ „народномъ духѣ“: „все дѣло тотчасъ оказывается испорченнымъ“ (стр. 93 и слѣд.), такъ какъ для „современной общественной науки“ національность есть не причина, а *результатъ* (sic!) исторіи,—„равнодѣйствующая, составившаяся изъ безконечно-сложной суммы отдѣльныхъ историческихъ вліяній“ (какъ это просто, подумаешь!), вслѣдствіе чего „вопросъ о заимствованіи для нея не есть метафизическій вопросъ (?) о разрушеніи народной сущности, а просто вопросъ практическаго удобства“ и „всѣ ужасы, которыми грозило славянофильство *объевропеившейся* (!) Россіи,—потеря самобытнаго типа, превращеніе въ неорганическую массу и т. д.,—для современной науки суть-де только *призраки разстроеннаго метафизикою (!!) воображенія*“ (какъ будто исторія не знаетъ народовъ, утратившихъ свою національную самостоятельность и самобытность!!). Во имя той же „реальной науки“ и при помощи подобныхъ же, самыхъ не хитрыхъ, разсужденій г. Милюковъ изрекаетъ обвинительный приговоръ и надъ другимъ конститутивнымъ элементомъ славянофильскаго идеала, — надъ вѣрою русскаго народа въ свою всемірную религіозно-этическую миссію, въ несокру-

шимую, предназначенную возродить и обновить человѣчество, силу и истину православнаго христіанства: вѣдь „идея мессіанизма (?) – идея ненаучная“ (стр. 78), такъ какъ она связана съ вѣрой въ безусловность нравственно-религіознаго требованія (стр. 94 и слѣд.), но „такой безусловности *не признаетъ современная этика* (!?) или, точнѣе говоря, она *ищетъ* обоснованія этой безусловности *въ другомъ мѣстѣ, а не въ метафизикѣ и религіи*“ (гдѣ-же это, однако, П. Н.,—объясните: это въ высшей степени любопытно! Да и не все ли равно, гдѣ „ищетъ обоснованія *безусловности*“,—лишь-бы признавала ее: вѣдь лишь это признаніе есть, по вашему, conditio sine qua non права „мессіанизма“ на существованіе!)...

Итакъ, реальная, т. е. все нивеллирующая, сглаживающая всѣ природно-психологическія особенности, запрещающая всякія универсальныя и безусловныя цѣли, вытравляющая изъ жизни все идеальное содержаніе, превращающая все человѣчество въ какую то сплошную и однородную массу, элементы человѣчества изъ живыхъ членовъ — въ подвижные и однообразные „соціальные атомы“: вотъ во имя чего г. Милюковъ дерзновенно разбиваетъ велелѣпный славянофильскій идеалъ! Но очевидно, что здѣсь критика переходитъ въ гиперкритицизмъ. Права и притязанія *такой* „науки“ на рѣшеніе вопросовъ, затрогивающихъ основные и самые глубокіе интересы человѣчества, которые безъ преувеличенія и безъ метафоры, слѣдуетъ назвать его „быть или не быть“,—эти притязанія по меньшей мѣрѣ спорны: эти вопросы „*реальной* наукѣ“ неподсудны, вслѣдствіе ея полной некомпетентности, *если даже эта „реальная наука“ и существуетъ*. Но,—отважимся сказать „дерзкое“ слово!—*такая* наука не существуетъ: разъ то одностороннее направленіе мысли, которое принято называть *реальнымъ*, утверждаетъ себя въ качествѣ единственной и исключительной науки и усвояетъ себѣ рѣшеніе всѣхъ и всяческихъ вопросовъ, оно тѣмъ самымъ теряетъ всю свою, даже и относительную цѣнность: *реальная* наука тотъ-часъ превращается изъ всевластной богини въ незаконную *фикцію*, въ *фетишъ*. Конечно, никому не запрещено создавать себѣ фетишей,—промовировать на степень самоподлинной и единственно истинной науки одностороннія тече-

нія мысли, связанныя съ нѣкоторыми, прославленными и потому деспотически подавляющими своимъ авторитетомъ *наклонные къ раболѣпству умы*, именами; но за то никто, конечно, кромѣ самаго *фетишепоклонника*, и не обязанъ признавать этихъ фетишей и всякому предоставлено право называть вещи своими именами. И вотъ мы пользуемся этимъ правомъ: въ „лекціи" г. Милюкова мы нашли не картину „разложенія славянофильства", но типичную форму модной теперь „*фетишизаціи реальной науки*"...

3. Перейдемъ теперь къ третьей версіи современной критики славянофильства, представителемъ которой служитъ нашъ извѣстный философъ и публицистъ, Вл. С. Соловьевъ. Безъ сомнѣнія,—это самый искренній и серьезный полемистъ противъ славянофильскаго идеала. Онъ стоитъ со славянофилами въ общемъ на той-же почвѣ, — признаетъ идеальную науку, національную самобытность русскаго народа *) и его преимущественное „идеально-религіозное призваніе" (II, 281),—вѣритъ, что „историческая задача Россіи состоитъ именно въ универсально-жизненномъ осуществленіи христіанства" (II, IV), что идеалъ „святой Руси" есть идеалъ религіозно-нравственный (I, 71), что Россія имѣетъ въ мірѣ религіозную задачу, къ рѣшенію которой „она подготовлялась и развитіемъ своей государственности и развитіемъ своего сознанія" (I, 40); что „*святая Русь требуетъ святаго дѣла*", новаго, „дѣйственнаго" слова, которое „она должна сказать міру" и которое „можетъ быть только полнѣйшимъ выраженіемъ, исполненіемъ и совершеніемъ христіанства" (I, 71—2) и т. д. И, однако, не смотря на это согласіе со славянофилами, г. Соловьевъ является едва ли не самымъ рѣшительнымъ ихъ противникомъ, потому что, хотя и расходится съ ними только въ частностяхъ, но за то эти „частности" касаются самой души, самаго внутренняго смысла и внутренней цѣнности славянофильскаго или, что тоже, народно-русскаго идеала, а не внѣшней и аксессуарной стороны его.

---

*) „Русскій народъ обладаетъ великими стихійными силами и богатыми задатками духовнаго развитія" вслѣдствіе чего „національная самобытность Россіи не подлежитъ сомнѣнію"—II, 160 (римской цифрой, какъ здѣсь, тамъ и въ текстѣ, мы обозначаемъ *выпускъ* „Національнаго Вопроса" etc.).

Въ чемъ же дѣло? Во имя чего разрушаются славянофильскія идеальныя мечты *г. Соловьевымъ?*—Подъ вліяніемъ ложнаго и преувеличеннаго понятія о своихъ стихійныхъ силахъ, о своихъ достоинствахъ и преимуществахъ предъ другими народами,—разсуждаетъ авторъ, — русскій народъ „охмѣленъ самомнѣніемъ“ (I, 32): его національныя особенности превратились въ *національзмъ*, самосознаніе—въ *самодовольство* (II, 292), религіозно-національныя задачи—въ „антихристіанскій и безъидейный національзмъ“ (II, 122), такъ что „интересъ націонализма начинаетъ преобладать надъ вселенскимъ принципомъ христіанства“ (II, 141). Далѣе, по той же причинѣ, и самое духовное сокровище наше — православное христіанство — у насъ остается въ пренебреженіи *). Происходить-же все это отъ того, что, обладая пригодными нравственно-психологическими и національными силами, сознаніемъ своего нравственно-религіознаго всемірно-историческаго назначенія, мы, однако, нисколько не прилагаемъ заботъ и стараній къ осуществленію своихъ высокихъ задачъ.

Наши націоналисты и народопоклонники, разсуждаетъ нашъ публицистъ,— „обращаются къ русскому народу какъ бы съ такими словами: у тебѣ высокій идеалъ святости, слѣдовательно ты святъ и можешь съ самодовольнымъ пренебреженіемъ смотрѣть на прочіе народы, какъ евангельскій фарисей на мытаря. А по моему слѣдуетъ говорить народу такъ: если ты въ самомъ дѣлѣ сознаешь идеалъ совершенной святости, то вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ сознавать и великое несоотвѣтствіе между нимъ и твоею дѣйствительностью, а потому я (?) долженъ работать надъ тѣмъ, чтобы по возможности уменьшить это несоотвѣтствіе, чтобы какъ можно полнѣе осуществлять свой идеалъ во

---

*) Наша вѣра „неосмысленна“, мы „пристрастны къ традиціовой буквѣ и равнодушны къ религіозной мысли, склонны принимать благочестіе за всю религію, а само благочестіе отожествляемъ съ обрядомъ“ (II, 95); „иностранцы, разсуждая о религіи, предаются вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозной дѣятельности, организуютъ благотворительныя учрежденія у себя дома, просвѣтительныя миссіи среди дикихъ народовъ и т. п., а мы воздерживаемая отъ этого суетнаго подвижничества, предаваясь, главнымъ образомъ, подвигамъ молитвеннымъ, утѣшаясь обиліемъ земныхъ поклоновъ, продолжительностію и благолѣпіемъ церковныхъ службъ,—мы служимъ только Богу, а служеніе страждущему человѣчеству предоставляетъ ложнымъ религіямъ гнилаго запада“ (96); „мы свято хранимъ божественное основаніе церкви, но вотъ уже девятый вѣкъ ничего на немъ не созидаемъ и часто пользуемся трудами столь порицаемыхъ нами (католическихъ и протестанскихъ) зодчихъ“... (1, 95).

всѣхъ своихъ жизненныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ. Внутренняя возможность такой реализаціи идеальныхъ началъ, такой плодотворной религіозной работы для русскаго народа дана именно въ томъ его нравственномъ реализмѣ и живомъ историческомъ смыслѣ, которыми онъ отличается отъ другихъ, также религіозныхъ народовъ, каковы, напримѣръ, индусы. Требуется только, чтобы этотъ нашъ историческій здравый смыслъ, создавшій и сохраняющій могучее русское государство, не ограничивался бы навсегда одною этою областью задачъ національно-политическихъ, а примѣнялся бы также и къ болѣе широкимъ задачамъ: всемірно-религіознымъ и общечеловѣческимъ. Если русскій народъ есть вмѣстѣ и высоко-религіозный и трезво-практическій, то желательно и нравственно необходимо, чтобы между этими сторонами его духа не было раздвоенія, чтобы онѣ были болѣе дѣятельнымъ, а наша мірская дѣятельность болѣе благочестивою. Требуется однимъ словомъ, чтобы русскій народъ и общество относились болѣе добросовѣстно къ истинѣ своей вѣры и къ дѣламъ своей жизни. Только „вѣрный въ маломъ" „поставляется надъ многимъ": плодотворное служеніе высокимъ историческимъ задачамъ возможно только при добросовѣстномъ отношеніи къ ближайшимъ обязанностямъ" *).

Но въ чемъ же именно заключаются эти наши ближайшія обязанности? Что же прежде всего нужно дѣлать? Путь ясенъ: необходимо самоотреченіе не только отъ національной (I, 30), но и „отъ церковной замкнутости и исключительности" (I, 42) и „готовность принимать просвѣщающія и оживляющія воздѣйствія, чрезъ кого бы они ни шли, не дожидаясь, чтобы родная и близкая почва дала намъ то, что можетъ дать только далекое солнце и чужая атмосфера" (I, 30). Говоря частнѣе, такъ какъ намъ не достаетъ прежде всего *внѣшней организаціи* для проведенія нашихъ религіозно-этическихъ идеаловъ въ жизнь, а этимъ отличается, какъ извѣстно, католичество: то *намъ необходимо устроиться по его образу и подъ властью его верховнаго вождя — папы*: „нужно, говоритъ г. Соловьевъ, — основать въ человѣчествѣ опредѣленную и непоколебимую точку, на которой могло-бы опираться домостроительное дѣйствіе Божіе," каковою точкою можетъ служить не „отвлеченное единство вѣрующихъ или соборъ", но конкретная и живая личность римскаго первосвященника, любовь къ которому, „можетъ и должна сдѣлаться источникомъ чувствъ и аффектовъ не менѣе могущественныхъ, чѣмъ любовь сыновняя или патріотизмъ". Это и есть долгъ и обязанность Россіи: „ея историческое предназначеніе состоитъ кажется въ томъ, чтобы дать всемірной церкви по-

*) II, стр. 277—9.

литическую власть, необходимую для спасенія и возрожденія Европы и міра" *). Общій смыслъ и сущность всей своей философско-публицистической дѣятельности со стороны ея отношенія къ славянофильству г. Соловьевъ формулируетъ такимъ образомъ: „въ славянофильствѣ заключался зародышъ истиннаго, универсальнаго пониманія христіанства" (а до той поры *истиннаго* пониманія христіанства не было?!), который, однако, „былъ заглушенъ и подавленъ чуждыми и прямо враждебными элементами"; возрожденіе и дальнѣйшее развитіе" этого зародыша при-

*) *La Russie et l'Eglise universelle*, p.p. 90.3. 118. 265 и др. Интересно прослѣдить, съ какою постепенностью, какъ бы раздумьемъ и колебаніемъ г. Соловьевъ склонялся къ признанію всевластнаго авторитета папы: сначала (1884) онъ желалъ *свободнаго союза* съ католической церковью, — говорилъ, что „славянство должно *усилить* положительное христіанское начало, сохраняющееся на Западѣ въ католической церкви" (I, 86), чему-де *нѣтъ никакихъ препятствій*, такъ какъ-де „все нами признаваемое признается и католиками" (? 94) и даже „между папскимъ единовластіемъ и соборнымъ началомъ восточной церкви *нѣтъ* (будто-бы) *никакого* (?) принципіальнаго и справедливаго основанія для антагонизма" (90); потомъ, въ своемъ заграничномъ сочиненіи *L'idée russe* (1888), онъ развивалъ мысль, что Русская, какъ и всѣ другія національныя церкви, должны *слиться* въ одно великое цѣлое, въ одну вселенскую церковь (см изложеніе и опроверженіе только-что названнаго сочиненія, сдѣланное о. Вл. *Гетте*, въ *Моск. Вѣдомостяхъ*, № 276, 1888 г.); наконецъ, въ сочиненіи *La Russie et l'Eglise universelle* (1890), онъ уже требуетъ рѣшительнаго *подчиненія* папѣ. Итакъ, *союзъ*, *сліяніе*, *подчиненіе*: вотъ ступени послѣдовательнаго и все болѣе и болѣе глубокаго отпаденія г. Соловьева отъ православія къ папѣ. Процессъ этого отпаденія, со стороны его внутреннихъ мотивовъ, прекрасно вскрытъ въ критической брошюрѣ *іеромонаха (нынѣ архимандрита) Антонія*, посвященной разбираемому автору. Г. Соловьевъ—такъ говоритъ уважаемый авторъ, —„боровшійся противъ враговъ Христовыхъ силою философскихъ и затѣмъ апологетическихъ изслѣдованій, повидимому, огорчился, что сама по себѣ истина такъ медленно и такъ незамѣтно побѣждаетъ враговъ. Ему, вѣроятно, горько было видѣть Христову вѣру пренебрегаемой высшимъ обществомъ и безнаказанно попираемой со стороны нигилистовъ-развратителей юношества - и вотъ, вмѣсто того, чтобы трудомъ духовной жизни и науки достигнуть чрезъ благодать Божію такихъ духовныхъ даровъ, предъ коими бы пали козни враговъ Христовыхъ, этотъ мыслитель сталъ думать объ устроеніи такихъ общественыхъ церковно-государственныхъ порядковъ, при коихъ никто не могъ бы порабощать или оскорблять Церковь, при коихъ сила церкви дѣйствовала-бы безпрепятственно и торжественно побѣждала своихъ враговъ" .. *Превосходство Православія надъ ученіемъ папизма въ его изложеніи Вл. Соловьевымъ*, соборн. іеромонаха *Антонія*, Спб. 1890, стр. 6

надлежитъ-де ему, г. Соловьеву (*Вопросы Философіи и Психологіи*, кн. 18, стр. 154 спец. отдѣла).

Таково, въ общихъ чертахъ, отношеніе г. Соловьева къ славянофильскому идеалу. Основная посылка этого взгляда,—именно, что, обладая могучими силами, возвышенными стремленіями и имѣя великое историческое предназначеніе, русскій народъ, однако, недостаточно цѣнитъ эти свои сокровища,—эта посылка, въ общемъ, по нашему мнѣнію, вѣрна. Но она чрезмѣрно преувеличена, и потому изъ нея сдѣланъ ложный выводъ. Именно, раскрывая ее, г. Соловьевъ приходитъ къ отрицанію у русскаго человѣка не только доброй *воли* и инниціативы, но и *способности* дѣйствовать въ направленіи своего идеала (I, гл. VI и др.), т. е. посылка превращается въ свою противоположность, вслѣдствіе чего, по его изображенію, и открывается для русскаго человѣка необходимость (*мнимая*) искать спасенія отъ собственныхъ нестроеній и неурядицъ на Западѣ,—частнѣе въ католичествѣ. Между тѣмъ, если бы г. Соловьевъ смотрѣлъ на жизнь глазами непредубѣжденными, онъ замѣтилъ-бы, что онъ произвольно сгустилъ краски и слишкомъ преувеличилъ нестроенія русской мысли и жизни; что его сѣтованія звучатъ особенно странно именно теперь, когда во всѣхъ сферахъ нашей жизни и мысли проявляется стремленіе къ обновленію, къ реорганизаціи,—возвращеніе къ нашимъ исконнымъ православно патріархальнымъ устоямъ. Съ другой стороны, онъ замѣтилъ бы, что и факты современной Западной жизни нисколько не оправдываютъ его надеждъ на то, чтобы подчиненіе римскому епископу могло уврачевать наши нестроенія и бѣды, такъ какъ католичество не можетъ уврачевать и собственныхъ болѣзней и золъ. Мы не говоримъ уже о принципіальной,—коренной и глубокой,—несовмѣстимости католичества какъ съ началами православія, такъ и съ особенностями нашего національно-русскаго и вообще славянскаго характера *)... Г. Соловьевъ могъ-бы оказать своему отечеству, о благѣ котораго, повидимому, онъ такъ ревнуетъ, дѣйствительную, а не мнимую услугу, еслибы въ виду только-что указанныхъ фактовъ, вмѣсто странной проповѣди о подчиненіи папѣ, — проповѣди, которая доселѣ не встрѣтила, да безъ сомнѣнія и не встрѣтитъ,

*) Ср. у *Листовскаго*, стр. 321—348.

въ русскихъ и православныхъ, сочувственнаго отклика,— онъ продолжалъ свою литературно-философскую и публицистическую дѣятельность въ томъ-же духѣ и силѣ, съ тѣмъже огненнымъ одушевленіемъ, которое нѣкогда подсказало ему слѣдующій мужественный призывъ, обращенный къ собратьямъ по крови, по духу, по мысли, по образованію: „Мы, имѣющіе несчастіе принадлежать къ русской интеллигенціи, которая вмѣсто образа и подобія Божія все еще продолжаетъ носить образъ и подобіе обезьяны, — *мы должны же наконецъ увидѣть свое жалкое положеніе, должны постараться возстановить въ себѣ русскій народный характеръ*, перестать творить себѣ кумира изъ всякой узкой ничтожной идейки",—должны освободиться отъ „той житейской дряни, которая наполняетъ наше сердце, и отъ той мнимонаучной школьной дряни, которая наполняетъ нашу голову" *).—

Итакъ, апоѳеоза человѣчества, фетишизація „реальной науки" и ультрамонтанскія утопіи: вотъ три стадіи современнаго интеллигентнаго отпаденія отъ славянофильскаго идеала. Полемисты наивно увѣрены, что они поставили крестъ надъ славянофильствомъ, съ его надеждами, чаяніями и идеалами: „славянофильство подверглось разложенію и умерло" (Соловьевъ, II, 124), „умерло и не воскреснетъ" (Милюковъ, 96). Незавидна доля могильщика, даже и у благороднаго покойника; но она становится положительно трагична, когда, томимый какимъ-то злымъ предчувствіемъ, роя могилу для другаго, онъ, самъ того не вѣдая, готовитъ ее самому себѣ. Но именно это, по нашему мнѣнію, и случилось въ данномъ случаѣ съ полемистами. Соловьевъ сравниваетъ славянофильство съ „органическимъ явленіемъ", которое, поднавъ химическому процессу, „распалось на составные элементы, изъ коихъ одни, по естественному сродству, вошли въ соединеніе съ такъ называемымъ „„западническимъ лагеремъ"", а другіе стольже естественно были притянуты и поглощены крѣпостничествомъ, антисемитизмомъ, народничествомъ и т. д." (ibid), при чемъ, конечно, считается „самопонятнымъ", что запад-

---

*) *Три силы* (публичное чтеніе въ Обществѣ любителей росс. словесности), М. 1877. конецъ.

никамъ достались изъ славянофильства лишь цѣнные и благородные элементы. Но, по нашему мнѣнію, существу дѣла болѣе отвѣчаетъ другое сравненіе: комплексъ первоначальныхъ славянофильскихъ идей былъ подобенъ сплаву, въ которомъ рядомъ съ благородными и цѣнными элементами были и менѣе благородные и цѣнные; историческій процессъ очистилъ этотъ сплавъ, выдѣливъ изъ него неблагородныя примѣси, и вотъ этотъ-то выдѣленный элементъ, шлакъ и изгарь, и подѣлили между собою западники вмѣстѣ съ крѣпостниками, народниками etc, при чемъ западники, по своему обыкновенію, поспѣшили утилизовать доставшуюся имъ часть сплава на украшеніе и возвеличеніе своихъ стародавнихъ кумировъ,—„человѣчества", „реальной науки" и т. д. Этимъ западничество еще разъ и краснорѣчиво доказало, что оно изжило свои принципы и что ему приходится теперь только повторять зады и вообще пробавляться, чѣмъ придется. Что-же касается славянофильства, то нѣтъ надобности добавлять, что отъ всего этого оно только выиграло. Если первоначальное славянофильство, упоенное красотою своего идеала, могло подпасть и дѣйствительно иногда подпадало (какъ это справедливо указала критика, въ чемъ, — охотно признаемъ это, — заключается ея несомнѣнная и может быть значительная заслуга) искушенію духа гордыни, самомнѣнія и самодовольства; то теперь, „перетерпѣвъ судьбы удары" и воспринявъ уроки своей исторіи, оно, конечно, уже свободно отъ этихъ искушеній, парализовавшихъ энергію его идей и ихъ плодотворное воздѣйствіе на жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, именно несправедливыя и безмѣрно преувеличенныя нападенія критики дали, наприм., поводъ маститому эпигону славянофильской семьи, Д. Ѳ. Самарину, напомнить, въ чемъ собственно состоитъ славянофильскій идеалъ и какъ мало касаются его чистой формы тѣ разноголосья „критики славянофильства", которыя всплыли на поверхность нашей бѣдной серьезнымъ содержаніемъ современной журналистики *).

---

*) См. брошюру Д. Ѳ. Самарина: *Поборникъ вселенской Правды"*, 1891 г.,— печаталась первоначально въ *Новомъ времени*. Все, что въ этой брошюрѣ относится къ характеристикѣ чистаго идеала первыхъ славянофиловъ, съ благороднымъ безпристрастіемъ и чисто научною объективностью (но съ

Здѣсь мы можемъ кончить свою вынужденную полемику. Итакъ въ чемъ-же въ концѣ концовъ чистая форма славянофильства,—истинное зерно славянофильскаго идеала? Оно заключается не въ тѣхъ случайныхъ придаткахъ, которые полемистамъ почему то угодно было разсматривать, какъ проявленіе самой сущности славянофильства (націонализмъ и пр.), но въ томъ возвышенномъ, сколько обаятельномъ, столько-же и обязывающемъ взглядѣ (совершенно не тронутомъ „критикою"), по которому наша надежда и сила не въ національно - психологическихъ нашихъ особенностяхъ, нерѣдко слѣпыхъ въ своей стихійной мощи, и даже не въ идеальныхъ стремленіяхъ нашей славянской природы, которыя хотя и возвышенны, но часто неопредѣленны и потому сами по себѣ нерѣдко мечтательны и безплодны, но въ истинѣ воспринятаго нами православія, которое, при дѣятельномъ отношеніи къ нему, способно претворить своимъ свѣтомъ и силою все немощное въ насъ, укрѣпить и направить ко благу все доброе и, такимъ образомъ, дать намъ возможность осуществить свою историческую миссію. Таковъ нашъ идеалъ, заповѣданный намъ нашею исторіею и твердо намѣченный славянофилами *). Но, конечно, каждое положеніе, даже каждый отдѣльный человѣкъ можетъ облекать этотъ идеалъ по

крайне легковѣснымъ заявленіемъ *pro domo*—въ началѣ и въ концѣ перепечатки) воспроизведено г. Вл. Соловьевымъ во второмъ выпускѣ его національнаго вопроса въ Россіи,—что не только въ значительной мѣрѣ уравновѣшиваетъ, но и рѣшительно парализуетъ его иногда крайніе, чтобы не сказать больше, выходки противъ славянофильства, подсказанные духомъ тенденціозной полемики...

*) „Не природныя какія-нибудь преимущества славянскаго племени, — писалъ въ свое время И. В Кирѣевскій, заставляютъ насъ надѣяться на будущее его процвѣтаніе; нѣтъ! племенныя особенности какъ земля, на которую падаетъ умственное сѣмя, могутъ только ускорить или замедлить его первое развитіе; онѣ могутъ сообщить ему здоровую или тощую пищу; могутъ, наконецъ, дать ему свободный ходъ на божьемъ свѣтѣ или заглушить его чужими растеніями; но самое свойство плода зависитъ отъ свойства сѣмени" (Соч. Кирѣевскаго, II, стр. 241. 261). „Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ... Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть, *отчасти* вслѣдствіе особаго характера нашего племени; но (главнымъ образомъ), безъ сомнѣнія, отъ того, что намъ, по милости Божіей, дано было христіанство во всей его чистотѣ, въ его братолюбивой сущности". (Соч. Хомякова, I, стр. 683).

своему въ болѣе конкретныя черты. Вотъ почему и мы, въ заключеніе своихъ „писемъ", считаемъ позволительнымъ указать, въ какихъ конкретныхъ чертахъ опредѣлился для насъ этотъ идеалъ, при его сопоставленіи съ „западною дѣйствительностью".

Жизнь человѣка и человѣчества можетъ быть разсматриваема со многихъ и разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Но въ своихъ предыдущихъ письмахъ мы разсматривали жизнь современнаго запада преимущественно съ трехъ сторонъ: со стороны внѣшнихъ, соціально-экономическихъ условій (въ связи съ характеромъ такъ называемой „матеріальной культуры"); со стороны умственной, и со стороны идеальныхъ, главнымъ образомъ этико-религіозныхъ началъ. Этихъ трехъ сторонъ мы коснемся и здѣсь, въ заключеніе своихъ писемъ, при чемъ, такъ какъ наши взгляды составляютъ простые выводы изъ всего предыдущаго, то мы можемъ формулировать ихъ кратко,—въ формѣ слѣдующихъ трехъ тезисовъ.

1.



Мы не разъ отмѣчали въ своихъ письмахъ, что со стороны матеріальной культуры западная дѣйствительность далеко превосходитъ нашу. Мы не безъ основанія учимся на Западѣ и, нужно правду сказать, - долго еще должны будемъ тамъ учиться техникѣ въ различныхъ отрасляхъ спеціальнаго знанія, а могли бы поучиться и многому другому: наприм., экономичному употребленію силъ и времени, трудолюбію, энергіи, предпріимчивости, порядку и т. д. Но, усвояя эти внѣшніе пріемы и формы жизни, мы отнюдь не должны вмѣстѣ съ ними впитывать въ себя тотъ духъ, которымъ пропитана вся жизнь западнаго человѣка, но который глубоко противорѣчитъ нашимъ идеаламъ и стремленіямъ. Именно, на западѣ господствуетъ и повсюду проторгается взглядъ на человѣка, только какъ на *производителя* матеріальной культуры, какъ на рабочую силу, какъ на эквивалентъ труда и капитала, при чемъ его *идеальная* цѣнность вовсе не принимается въ разсчетъ, а такъ какъ

въ этомъ отношеніи (съ точки зрѣнія труда и капитала) между людьми не можетъ быть рѣзкихъ различій, то всѣ признаются равными: отсюда возникаютъ различныя, такъ устрашающія современное европейское общество соціально-коммунистическія движенія, стремящіяся къ переустройству общества на эгалитарныхъ началахъ.

Наиболѣе проницательные умы Запада поняли, наконецъ, что подлинный источникъ современныхъ соціально-экономическихъ волненій заключается именно въ только-что указанномъ, извращенномъ, унижающемъ достоинство человѣка, взглядѣ на него, какъ на рабочую силу, какъ на эквивалентъ капитала или „подвижный соціальный атомъ", — взглядѣ, который всосался уже въ плоть и кровь массы и держится въ ней тѣмъ упорнѣе, чѣмъ менѣе она способна къ отказу отъ утопій, льстящихъ ея матеріалистическимъ инстинктамъ и вожделѣніямъ. Мы видѣли выше, что на Западѣ всѣ, начиная съ папы и кончая стоящими, повидимому, весьма далеко отъ всѣхъ этихъ вопросовъ частными людьми, озабочены теперь тѣмъ, чтобы снова воскресить въ массахъ здравый взглядъ на человѣка, какъ на носителя идеальныхъ началъ и образа Божія, а не какъ на слѣпую рабочую силу или машину, такъ какъ, по справедливому убѣжденію передовыхъ умовъ Запада, только распространеніемъ такихъ взглядовъ еще можно предотвратить грядущее и повидимому близкое „соціальное землетрясеніе"*).

*) „Трудящіяся и обездоленныя массы,—писалъ недавно знаменитый современный швейцарскій философъ (Секретанъ),—думаютъ улучшить свое положеніе путемъ равномѣрнаго распредѣленія матеріальныхъ благъ. Это, конечно, ошибочное мнѣніе. Но чтобы его исправить, необходимо научить народъ: а чтобы его учить, необходимо сначала добиться съ его стороны довѣрія; а чтобы внушить довѣріе, нужно быть его достойнымъ,—нужно любить народъ. Но эгоизмъ преобладаетъ одинаково во всѣхъ классахъ общества и, какъ неизбѣжное слѣдствіе отсюда, пропасть между ними становится все глубже и глубже. Нужно, поэтому, энергичное и всеобщее обновленіе нравственности, а, сказать правду,—все это уже довольно поздно". (*Secrétan*: la civilisation et la croyance, 2-me ed., Paris, 1892, P. 190—1). „Всѣ повторяютъ,—продолжаетъ мысль Секретана знаменитый современный французскій экономистъ Анатоль Леруа-Болье", что для исцѣленія нашихъ золъ необходимо обратиться къ народу, *идти въ народъ*, какъ говорятъ мистико-реалистически настроенные славяне. Но какъ и съ чѣмъ пойдемъ мы, маловѣрные и тронутые скептицизмомъ, къ народу?

Промысломъ Божіимъ нашъ православный русскій народъ поставленъ въ такія историческія условія, что онъ не перестал еще смотрѣть на человѣка, какъ на носителя образа Божія, не сталъ еще измѣрять его цѣнность количествомъ его труда и заработка и, поэтому, еще не имѣетъ вожделѣній къ насильственному раздѣлу собственности. Такимъ образомъ мы еще обладаемъ тѣмъ благомъ, котораго теперь такъ усиленно (и,—увы!—по собственному сознаню, уже поздно и тщетно) ищутъ на Западѣ. Пусть же вразумятся этимъ урокомъ наши легкомысленные адепты „западнаго просвѣщенія", рабски хватающіе его „послѣднія слова"! Они могутъ восторгаться сколько имъ угодно „выводами реальной науки"; но пусть помнятъ, что пересадка этихъ „выводовъ" на русскую почву есть не только признакъ легкомыслія, равнодушія къ истинному народному благу, но—и положительное преступленіе и при томъ весьма тяжкое, такъ какъ оно есть посягательство не только на тѣло, но на душу и при томъ не одного лица, но на коллективную народную душу...

2.

Характеризуя умственную жизнь современнаго Запада, мы отмѣчали въ ней серьезное и вмѣстѣ достойное отношеніе къ наукѣ, одинаково исключающее какъ слѣпое наукопоклонничество, такъ и произвольное обращеніе съ наукою. И тамъ есть увлекающаяся и неразборчивая полуобразованность, есть *теченія ложной quasi научной мысли;* но нѣтъ *ложнаго отношенія* къ наукѣ по крайней мѣрѣ со стороны ея истинныхъ представителей: тамъ не выдаютъ гипотезу за аксіому, не принимаютъ намековъ за окончательное рѣ-

Хорошо говорить: „пойдемъ въ народъ"; но сначала нужно нѣчто имѣть въ рукахъ, чтó бы нести къ нему и, если наши руки не совсѣмъ пусты, то во всякомъ случаѣ то, что въ нихъ есть, представляетъ нѣчто весьма скудное и несущественное. У христіанина въ рукахъ есть книга, съ которою онъ можетъ пойти къ народу,—Евангеліе. Церковь можетъ предложить ему нѣчто такое, чего нѣтъ ни въ нашихъ академіяхъ, ни въ нашихъ редакторскихъ бюро: вѣру и надежду. А мы, невѣрующіе интеллигенты, что мы ему предложимъ?! По истинѣ, если когда, то именно теперь слѣдуетъ сказать: *жатва многа, дѣлателей же мало"...* *Anatole Leroy-Baulieu*: la papauté, le socialisme et la démocratie, Par., 1892, p.p. 261—7, passim).

шеніе, не спѣшать отрицаніемъ, гдѣ мѣсто лишь сомнѣнію и сдержанному отношенію къ вопросу, и вотъ почему, среди волнъ отовсюду наплывающаго свободомыслія, нерѣдко, именно *во имя науки*, раздаются мужественные призывы остановиться и подумать. У насъ,—увы!—все еще мало этой серьезности. Съ тоскою и горечью обращали мы свои взоры изъ центровъ западной умственной жизни къ своему отечеству, гдѣ не только представители легкой ежедневной прессы, но часто и увѣнчанные лаврами служители науки легкомысленно переходятъ съ точки зрѣнія критической воздержности,—единственно законной и „научной“ точки зрѣнія по многимъ вопросамъ, —къ поверхностному догматическому отрицанію; гдѣ такъ ощутителенъ недостатокъ истинно научнаго мужества въ борьбѣ за научную правду; гдѣ „наука“ часто принижается до требованій моды и вкуса; гдѣ ея представители не рѣдко боятся обнаружить свою солидарность съ требованіями вѣры, совѣсти и здраваго смысла *). И вотъ, такимъ образомъ, оказывается, что и въ этомъ отношеніи намъ приходится учиться на Западѣ не одной техникѣ, но вмѣстѣ и научной порядочности и *добросовѣстности*... И здѣсь снова, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, если и есть у насъ какое преимущество предъ Западомъ, то оно не отъ насъ, не отъ нашей самодѣятельности, не отъ нашихъ свободныхъ усилій, а исключительно отъ тѣхъ условій, въ которыя промысломъ Божіимъ поставлена наша мысль и отъ природно-психологическихъ особенностей нашихъ. Именно, благодаря этимъ условіямъ и дарамъ природы, русскій народъ, еще не спутанный софизмомъ и ложнымъ доктринерствомъ, сохранилъ чуткость къ различенію лжи отъ истины, истиннаго направленія мысли отъ ложнаго, — способность судить и даже осуждать ложную науку, мнимо-научные выводы во имя своихъ жизненно-практическихъ потребностей и идеальныхъ запросовъ.

Разсматривая ближе умственную жизнь современнаго Запа-

*) Правдивую характеристику русской интеллигенціи съ этой непривлекательной стороны см. у *Щеглова* („Исторія соціальныхъ системъ“, т. II, стр., конецъ III гл. стр. 548 и слѣд.): онъ весьма основательно говоритъ, что это явленіе наносное (стр. 575—7), которымъ, къ счастію, не зараженъ нашъ „богатырь-народъ, здравомыслящій и доблестный, котораго подвергаютъ поруганію только свои“ (стр. 620)...

да, мы различаемъ въ ней два основныхъ теченія: съ одной стороны, мысль какъ-бы забыла свои руководящія идеальныя жизненно-практическія стремленія и, оторвавшись отъ жизни, застыла въ отвлеченныхъ схемахъ и матеріализовалась (въ протестантизмѣ) *); съ другой, какъ-бы предчувствуя этотъ печальный результатъ разрыва съ идеальными и жизненно-практическими мотивами и началами, она замкнулась въ сферѣ своихъ идей, заповѣданныхъ традиціею (особенно религіозною), —сферѣ тѣсной и удушливой,—и стала просто игнорировать требованія фактовъ въ ихъ, правда, нерѣдко спутывающей и смущающей грубо-реальной правдѣ, но за то расширяющей кругозоръ, освѣжающей мысль и сообщающей ей основательность и жизненность (въ католичествѣ). Соотвѣтственно этому различію въ характерѣ двухъ основныхъ теченій западной умственной жизни мы видимъ на западѣ, съ одной стороны, университеты, втянувшіе и какъ-бы *поглотившіе* въ себя всѣ элементы идеальной науки (теологіи и философіи) и подчинившіе ее реалистическимъ требованіямъ мысли (въ Германіи); съ другой, видимъ университеты, *выдѣлившіе* изъ себя этотъ сдерживающій и руководящій идеально - научный элементъ, который, хотя и сохранилъ, такимъ образомъ, свою внутреннюю автономію, но остался непроведеннымъ въ конкретную мысль и, потому, какъ-бы висящимъ въ воздухѣ,—свѣтлымъ, но безсильнымъ (въ католической Франціи). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, очевидно, одинаково страдаютъ какъ интересы вѣры и чувства, такъ и интересы науки; но въ первомъ случаѣ преимущественно страдаетъ вѣра и всѣ вообще идеально-практическіе постулаты, во второмъ — наука: въ первомъ случаѣ предъ нами безбожная наука, во второмъ — ненаучная вѣра.

Этотъ разрывъ идеальныхъ и реалистическихъ элементовъ міросозерцанія, расколъ и разладъ жизни и мысли не можетъ, конечно, быть признанъ нормальнымъ. Нереализованная, обезсиленная выдѣленіемъ конкретныхъ и реалистическихъ элементовъ, идея есть такая-же односторонность,

---

*) Характеристика современнаго настроенія умовъ въ западной Европѣ нами сдѣлана въ другомъ мѣстѣ (см. *Вопросы Философіи и Психологіи*, кн. 20-я—нашу статью: *Pia desideria*).

какъ и не просвѣтленный идеею, не осмысленный матеріалъ знанія. И особенно русское мышленіе, столь чуткое къ запросамъ реальной правды, столь глубоко проникнутое требованіями отъ истины прежде всего *жизненности* *), никакъ не можетъ примириться съ этими односторонними теченіями западной мысли. Вотъ почему наличное обособленіе у насъ въ Россіи нашихъ высшихъ богословскихъ школъ (академій) отъ университетовъ, необходимое, какъ временная или палліативная мѣра **), не можетъ быть признано окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи идеальныхъ и реалистическихъ элементовъ нашего міросозерцанія: богословіе должно войти въ семью университетскихъ дисциплинъ,—однако не какъ подчиненная и зависимая отъ нихъ группа наукъ и даже не какъ только равноправная съ ними, но какъ преимущественная, сообщающая имъ направленіе, хотя и сама въ свою очередь обогащающаяся изъ нихъ реалистическими элементами. Только такая организація нашей научной мысли могла-бы отвѣчать нашему идеалу и нашимъ глубочайшимъ потребностямъ. Только въ такомъ случаѣ мы могли-бы и въ научномъ отношеніи явить типъ своеобразной и самобытной культуры. Но, конечно, для этого необходимо, чтобы православный богословъ встрѣтилъ въ своихъ университетскихъ коллегахъ не враговъ и противниковъ, но сотрудниковъ и добрыхъ совѣтниковъ, проникнутыхъ тѣми-же стремленіями и идеалами. Но,—увы!—пока этого еще нѣтъ и, судя по всѣмъ признакамъ, такого отношенія между теологами и представителями свѣтской науки мы дождемся не скоро, если только вообще когда-либо дождемся...

3.

Въ религіозной жизни современнаго запада рядомъ съ

*) Характеристика особенностей русскаго мышленія сдѣлана нами въ той-же статьѣ *Вопросовъ Фил. и Психологіи.*

**) Такъ какъ пока, при наличномъ, далеко не идеальномъ отношеніи свѣтской науки къ духовной было бы, можетъ быть, рискованно включать богословскую науку въ число университетскихъ дисциплинъ: это, пожалуй, могло бы повести къ тому же, къ чему привело въ Германіи,—къ обмірщенію богословской науки, а за нею къ матеріализаціи всей мысли и къ оскуденію идеализма.

проблесками чистыхъ стремленій къ охраненію интересовъ вѣры и нравственности (каковыя стремленія мы считали долгомъ справедливости повсюду отмѣчать, которыхъ искали, но которыхъ, —увы!—находили немного), —рядомъ съ этими стремленіями повсюду бросаются въ глаза какіе-то странные „компромиссы безвѣрія съ суевѣріемъ“, какъ говорилъ покойный И. С. Аксаковъ, и невообразимая перепутанность сферъ духовной и свѣтской, интересовъ религіозныхъ и культурныхъ, — „помѣсь религіозныхъ стремленій и мірскихъ вожделѣній“, какъ правдиво и мѣтко выражено въ недавнемъ, всѣмъ извѣстномъ, нашемъ церковно-государственномъ документѣ. Международныя отношенія, политическія и соціально-экономическія движенія, борьба классовъ и партій въ различныхъ ландтагахъ, палатахъ и т. д., — все это переплетается съ религіозными интересами, часто принимаетъ характеръ и видимость борьбы за вѣру, за свободу религіозной совѣсти, за духовные интересы человѣчества, вслѣдствіе чего „религіозныя стремленія запада, какъ прекрасно сказано въ томъ-же документѣ, глубоко пропитаны политическими страстями и чужды духа религіозной терпимости“. Вотъ почему, непрестанно напоминая и твердя о своемъ соотвѣтствіи глубокимъ потребностямъ духовной человѣческой природы, задачамъ истинной культуры и идеаламъ свободы и просвѣщенія, западныя исповѣданія въ сущности въ корнѣ убиваютъ эту свободу: ибо сѣютъ въ умы сомнѣнія, напаяютъ волю вожделѣніями и страстями, питаютъ въ народахъ духъ взаимной нетерпимости и вражды, — а при этихъ условіяхъ о какой свободѣ и о какомъ свѣтѣ можно говорить? И вотъ мы видимъ, что, если на западѣ, среди этихъ кажущихся заботъ о духовномъ благѣ, о свободѣ и т. д., и осталась какая свобода, то развѣ лишь свобода перехода отъ вѣры къ невѣрію со всѣми его пагубными плодами, да еще,—увы!—свобода дерзской клеветы на православіе и на Россію... . . . .

Среди этой хулы, которая достигаетъ иногда и до предѣловъ нашего отечества и здѣсь находитъ легкомысленные отголоски, православная Церковь стоитъ, какъ Христосъ на судѣ фарисеевъ и лицемѣрныхъ іудейскихъ первосвященниковъ, —смиренная, молчаливая, любящая, молящаяся за враговъ своихъ, молитвенно желающая соединенія церк-

вей и мира всего міра, увѣренная въ своей истинѣ и уповающая, что, какъ нѣкогда, вдохновивъ сыновъ Россіи на борьбу съ темными силами востока, она тѣмъ самымъ обезпечила западной Европѣ *внѣшнюю* безопасность, миръ и свободу для развитія культуры, такъ и впредь, если Господу будетъ угодно, она-же и только она одна можетъ озарить своимъ свѣтомъ темные углы западной мысли и жизни и возвратить ему такимъ образомъ миръ и свободу *внутренній*,—миръ вѣрующей мысли, свободной совѣсти и истинно братолюбивой дѣятельности.

Въ охраненіи истинной вѣры и нравственности,—этихъ надежнѣйшихъ залоговъ, не только внутренняго, но и внѣшняго и даже международнаго мира *) и мирнаго развитія истинной культуры, — заключается, по общему признанію, высокая миссія Россіи. Но сколь высоко ея историческое предназначеніе, сколь исключительны ввѣренныя намъ обѣтованія (предуказанныя даже и во внѣшнихъ, географическихъ и историческихъ, условіяхъ нашего существованія), столь-же грозны и прещенія за небреженіе и равнодушіе ко ввѣреннымъ намъ дарамъ. „Слово Божіе,— такъ поучалъ недавно одинъ изъ нашихъ высокопросвѣщенныхъ іерарховъ,—говоритъ, что самъ Богъ разселяетъ народы по землѣ, возвышаетъ однихъ и унижаетъ другихъ въ видахъ Своего промышленія о спасеніи людей. Въ этомъ смыслѣ особенно знаменательно изреченіе св. Апостола Павла: *отъ одной крови Богъ произвелъ весь родъ человѣческій для обитанія по всему лицу земли, назначая времена и предѣлы ихъ обитанія, дабы они искали Бога,—не ощутятъ-ли Его; хотя Онъ и недалекъ отъ каждаго изъ насъ* (Дѣян. 17, 26. 27). Отсюда видно, что народы, болѣе способные къ богопознанію и прославленію имени Божія въ человѣчествѣ своими добрыми дѣлами, занимаютъ для своего обитанія страны болѣе удобныя и благопріятныя для распространенія просвѣщенія и вѣры въ человѣчествѣ. Такъ всѣ христіанскіе историки согласны въ томъ, что положеніе Палестины, Греціи, Рима

---

*) Какъ это прекрасно раскрыто въ недавней лекціи графа *Л. А. Комаровскаго*: „Взглядъ на отношенія Россіи къ Европѣ" (*Русская Мысль*, Августъ 1893 г.).

и другихъ странъ Европы съ ихъ народами Промысломъ Божіимъ нарочито предназначаемы были для распространенія христіанства. Такъ, мы вѣруемъ, что и наша Россія, занимающая седьмую часть свѣта и соприкасающаяся со многими различными народами, призвана Промысломъ Божіимъ для храненія святой православной Церкви и распространенія ея между другими народностями, не вѣдущими имени Христова. *И это не должно быть предметомъ нашей гордости, а благоговѣйнаго страха, и побужденіемъ для насъ къ преуспѣянію въ вѣрѣ и благочестіи и тщательному исполненію нашего высокаго призванія* *); такъ какъ по слову Спасителя, отъ народа недостойнаго *отнимется царствіе Божіе и дастся народу приносящему плоды его* (Мѳ. 21, 43). А за отъятіемъ царствія Божія и удаленіемъ народа отъ руководства церкви слѣдуетъ утрата Божія благословенія, нравственное его разложеніе и паденіе его государства, какъ бы оно ни *было велико* и по наружности могущественно" **)... Этимъ авторитетнымъ словомъ Высокопреосвященнаго оратора мы можемъ закончить и вмѣстѣ скрѣпить свои мысли о нашей идеальной религіозно-этической задачѣ въ ея отношеніи къ западной дѣйствительности.

Итакъ, дѣятельное стремленіе снискать для самихъ себя и даровать народамъ „даръ святой свободы"—свободы отъ страстей и низменныхъ интересовъ, „жизнь мысли" и „миръ жизни", какъ сказалъ незабвенный А. С. Хомяковъ: таковъ нашъ высокій идеалъ. Пусть-же теперь всякій, православный и русскій, спроситъ свое вѣщее сердце и оно подскажетъ ему, долженъ-ли онъ идти въ направленіи этого идеала или можетъ, какъ мы нерѣдко дѣлали доселѣ, продолжать увлекаться мишурнымъ блескомъ западной культуры съ ея призраками ложной свободы, отвлеченной и потому безсильной науки, отупляющаго труда и разъединяющей, братоненавистной погони за „капиталомъ"...

---

*) Курсивъ нашъ.

**) *Вѣра и Разумъ* № 16 1893 г., стр. 196—7, изъ Слова Высокопреосв. *Амвросія,* архіепископа Харьковскаго.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Папа Левъ XIII по отзывамъ современниковъ *).

(По поводу пятидесятилѣтія его епископскаго служенія; 1843—1893 гг.).

Въ ряду многочисленныхъ, вещественныхъ и невещественныхъ, знаковъ вниманія, которыми вѣрные сыны католической церкви почтили особу „святѣйшаго отца" какъ въ самые дни его юбилейныхъ торжествъ, такъ и во время, имъ предшествовавшее, обращаетъ на себя вниманіе одинъ, — скромный и незначительный по виду, но представляющій большое значеніе и интересъ. Мы разумѣемъ изданную *Боайе д'Ажаномъ* **) книгу: *Leon XIII devant ses contemporains* („Левъ XIII предъ своими современниками"). Боайе д'Ажану пришла счастливая мысль обратиться къ со-

---

*) Мы даемъ въ своей книгѣ мѣсто этому „Приложенію" въ увѣренности, что оно дополнитъ нашу характеристику западной дѣйствительности, такъ какъ ближе опредѣляетъ положеніе католичества и папства въ Западной Европѣ,—какъ вообще, такъ въ частности и въ его отношеніи къ соціальному вопросу.

**) *Boyer d'Agen*—главный редакторъ Bibliothèque des petits polémistes.— Къ книгѣ (Paris, 1892 pp. 397) приложена обстоятельная біографія папы (съ портретомъ) и послѣдняя энциклика (отъ 16 февр. 1892 г.). — Папа Левъ XIII по происхождеію итальянецъ — изъ фамиліи графовъ *Печчи*. Род. 2 марта 1810 г. въ *Карпинетто* (въ Лаціумѣ, въ бывшей Папской Области) и былъ названъ Іоакимомъ (Vincenzo Gioacchimo); начальное образованіе получилъ въ коллегіи въ Витербѣ (Viterbe); докончилъ въ *Римской Коллегіи* и 22 лѣтъ отъ роду получилъ степень доктора *in utroque jure*. Вскорѣ по окончаніи ученія поступилъ въ одинъ изъ кат. орденовъ и проходилъ различныя іерархическія степени: въ 1843 получилъ санъ епископа; въ 1846 назначенъ кардиналомъ, хотя кардинальскую шапку получилъ только въ 1853 г.; папой съ 1878 г. Левъ XIII—большой ученый и поэтъ (въ книгѣ д'Ажана приложено нѣсколько его стихотвореній на латинск.,—послѣднее помѣчено 1883 г.: *de se ipso*). Изъ подъ его пера вышло, еще за время его епископства, много „бесѣдъ" и „пастырскихъ посланій", посвященныхъ самымъ живымъ и насущнымъ вопросамъ (перечень и анализъ у д'Ажана—стр. 362—371). — Самая обстоятельная біографія папы: *Léon XIII et le Vatican* par *Teste* (Paris 1889, pp. 349).

временнымъ выдающимся католикамъ,—епископамъ, государственнымъ людямъ, литераторамъ, корреспондентамъ крупныхъ газетъ, и т. д.,—съ просьбою высказать о немъ свое сужденіе. Изъ этихъ то отзывовъ, собранныхъ въ названной книгѣ, и образовался вѣнокъ на чело маститаго юбиляра,—вѣнокъ нарядный и благоухающій, хотя, какъ увидимъ, и не безъ шиповъ, какъ, впрочемъ, и всѣ розы.

Само собою понятно, что далеко не всѣ нашли удобнымъ воспользоваться лестнымъ, но въ то же время и щекотливымъ предложеніемъ открыто высказаться о здравомыслящемъ и стоящемъ у власти папѣ. Многіе уклонились отъ предложенія, причемъ одни просто и безцеремонно укрылись за банальною ссылкою на „недосугъ“, на „нездоровье“, на „незнакомство съ предметомъ“ и т. д.; но иные выставляли и болѣе деликатные мотивы своей сдержанности *). „Позвольте мнѣ вамъ не отвѣчать,—пишетъ, напр., Александръ Дюма—сынъ **),—у меня на этотъ счетъ такія отсталыя идеи, что я храню ихъ про себя, не желая никого скандализовать“. „Простите мнѣ и позвольте помолчать, — отвѣтилъ Тэнъ (знаменитый философъ, историкъ и публицистъ, недавно скончавшійся) ***), —есть тому одна, очень важная причина: у меня нѣтъ ничего полезнаго, что бы я могъ сказать публикѣ“. „Я себя допросилъ,—пишетъ Эмиль Золя ****),—и нашелъ, что очень мало освѣдомленъ и совсѣмъ некомпетентенъ, чтобы сказать что нибудь о столь высокой личности, какъ папа Левъ XIII“. „У насъ, въ Англіи, много своихъ дѣлъ и домашнихъ вопросовъ,—дѣловито и сухо отписалъ Гладстонъ *****),—и мои сограждане будутъ, конечно, немало изумлены, если я, въ моемъ положеніи, стану письменно разсуждать о роли папы Льва XIII: конечно, это—интересный предметъ; но онъ лежитъ совершенно внѣ круга моихъ обязанностей“. А Фрейсине (французскій военный министръ) *) сдержанно и холодно подчеркнулъ *чрезъ своего*

---

*) Письма *съ отказомъ* собраны подъ отдѣльной рубрикой: *Miscellanea* (pp. 339—349).

**) P. 343.

***) P. 348.

****) P. 349

*****) P. 345.

*) P. 342.

секретаря, что „онъ находитъ болѣе удобнымъ въ данномъ случаѣ воздержаться отъ сужденія“ и т. д.

Не смотря, однако, на всѣ эти отказы, все же собралось достаточное количество отзывовъ, которые рисуютъ папу со всѣхъ сторонъ, начиная со внѣшности и кончая его отношеніемъ къ самымъ частнымъ вопросамъ современной мысли и жизни. Попытаемся очертить по этимъ отзывамъ величавую фигуру юбиляра.

Начнемъ по порядку—съ внѣшности. Въ вопросахъ этого рода самымъ компетентнымъ судьей является, конечно, художникъ-портретистъ папы (Шартранъ). Итакъ, отдадимъ ему первое слово **). „Вы просите меня,—пишетъ Шартранъ,—сказать, что я чувствовалъ въ присутствіи моего священнаго оригинала. Думаю, что никогда не съумѣю передать тѣхъ разнообразныхъ и глубокихъ впечатлѣній, которыя я испытывалъ во время моихъ многочисленныхъ свиданій (entrevues) съ нимъ, но — попытаюсь. Его высокій станъ, необыкновенное изящество всей фигуры; черты лица разомъ энергичныя и добрыя, широкое, исполненное благородства чело, уста съ тонкою и умною складкою, аристократическія руки, мелодичный и глубокій голосъ и особенно глаза — полныя юношеской свѣжести, жизни и характера,—все это въ совокупности дѣлаетъ изъ удивительной фигуры папы самый интересный оригиналъ, какой когда либо художникъ имѣлъ предъ своими глазами. То глубокое уваженіе, которое я уже и раньше имѣлъ къ верховному Первосвященнику превратилось, когда я былъ допущенъ въ болѣе интимное общеніе съ нимъ, въ совершенный культъ (!). Я былъ плѣненъ разомъ и его внѣшностію и его сердцемъ. Къ радости, что я имѣю возможность изучать столь интересную физіономію, присоединилась еще бо́льшая радость—слушать въ продолженіе долгихъ часовъ его теплый, вибрирующій голосъ и входить, хоть отчасти, въ мысли и проэкты, создаваемые этимъ могучимъ мозгомъ“ ***). Этотъ

**) Р. 334—6.

***) И папа, повидимому, съ своей стороны, очень доволенъ своимъ портретистомъ. Подъ своимъ портретомъ, писаннымъ Шартраномъ (приложенъ къ книгѣ д'Ажана), папа подписалъ:

Effigiem subjectam oculis quis dicere falsam
Audeat? Huic similem vix jam pinxisset Apelles.

восторгъ предъ внѣшностію папы, вмѣстѣ съ Шартраномъ, раздѣляютъ и другіе. Папа сухощавъ. „Его худоба, — пишетъ донъ Эмиліо Кастеляръ (испанскій эксминистръ) *), — достигла крайней степени, такъ что его тѣло бѣло и прозрачно, какъ воскъ; кожа тонкая, плотно облегающая кости, такъ что, кажется, будто видишь предъ собою скелетъ, — какъ на одномъ изъ тѣхъ изображеній святыхъ, которыхъ создаютъ католическіе скульпторы (?). И однако, не смотря на это, жизнь духа одухотворяетъ эти черты, озаряетъ ихъ особеннымъ свѣтомъ, какъ блаженныя и таинственныя созерцанія озаряютъ лица людей восхищенныхъ священнымъ экстазомъ. Этотъ свѣтъ исходитъ изъ очей, которыя, какъ двѣ духовныхъ звѣзды, распространяютъ около себя столь сильный свѣтъ идеи, что, благодаря своей остротѣ, онъ проникаетъ до самыхъ сокровенныхъ мыслей, до глубины души. Все обнаруживаетъ, что Левъ XIII живетъ духомъ и идеею". Другіе разглядываютъ при этомъ на фигурѣ папы выраженіе какой-то гнетущей его міровой скорби. Разсказываютъ, — пишетъ Эмиль Оливье (членъ фр. Академіи) **), — что Францискъ Ассизскій носилъ на своемъ тѣлѣ знаки язвъ Христовыхъ. Папа Левъ XIII носитъ на всей своей фигурѣ ясные слѣды страданій папства (?). Его изможденное, прозрачное тѣло удручено, какъ бы подавлено волненіями и заботами, которыя со всѣхъ сторонъ осаждаютъ его. Его взоръ, не смотря на живость и блескъ, котораго онъ никогда не теряетъ, кажется усталымъ, утомленнымъ отъ непрестаннаго созерцанія печальныхъ картинъ, а мягкое выраженіе его губъ, углы которыхъ красиво приподняты, омрачено улыбкою печали".

Обладая типичною и выразительною наружностію, папа Левъ XIII обладаетъ и выдающимися духовными способностями. Всѣ согласно отмѣчаютъ въ немъ умъ проницательный и осторожный, эрудицію, отзывчивость на запросы времени, настойчивость въ проведеніи своихъ идей, неутомимость въ работѣ и т. д. „Основныя характеристичныя черты этого великаго ума, — такъ характеризуетъ, наприм., съ умственной стороны папу Монсеньёръ Исоаръ, епископъ

*) P 237.
**) P. 301.

Анъеси *), — это живая и безошибочная проницательность и широта мысли. Разъ онъ останавливаетъ свое вниманіе на какомъ нибудь предметѣ, онъ тотчасъ выясняетъ себѣ его идею, освобождая ее отъ тѣхъ дополнительныхъ аксессуаровъ, которые часто ее скрываютъ и дѣлаютъ ея пониманіе затруднительнымъ и невѣрнымъ. Такимъ образомъ, онъ легко и скоро опредѣляетъ значеніе каждой идеи, каждаго предмета въ ряду другихъ идей и фактовъ. Никто менѣе Льва XIII не останавливается на одной внѣшности предметовъ, не позволяетъ себѣ обманываться и увлекаться словами и формулами. Никто такъ же не принимаетъ менѣе его во вниманіе, при обсужденіи того или другаго вопроса, интересы лица, никто не обладаетъ бо́льшимъ безпристрастіемъ. При томъ, при такихъ исключительныхъ особенностяхъ своего ума, папа обладаетъ обширными познаніями. За нѣсколько дней до его избранія оффиціальный журналъ итальянскаго правительства (*La Gazette d' Italie*) опубликовалъ отзывы о тѣхъ кардиналахъ, которые привлекали на себя особенное вниманіе и вотъ что тогда сказалъ онъ о томъ, кому скоро затѣмъ суждено было стать главою католической церкви: „„Кардиналъ Печчи обладаетъ глубокимъ знаніемъ *всѣхъ* церковныхъ предметовъ““. Это, однако, — поправляетъ газету Монсеньёръ Исоаръ, — есть лишь часть того, что онъ съумѣлъ пріобрѣсти въ продолженіе своей жизни, посвященной изученію и размышленію: Левъ XIII знакомъ не только со всѣми церковными предметами, но и со всѣми политико-экономическими и философскими науками и школами, со всѣми выдающимися писателями, со всѣми, извѣстными въ политическихъ сферахъ, дѣятелями. Далѣе, онъ хорошо знаетъ языки, которые при его работахъ конечно, оказываютъ ему очень большую услугу. Онъ говоритъ по французски весьма чисто и Римъ уже давно не видалъ латиниста болѣе совершеннаго, чѣмъ онъ. Въ довершеніе всего, папа большой труженикъ. „„Я буду работать до самой смерти““: сказалъ онъ всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ архіепископу парижскому... Перемѣна одного занятія на другое, — вотъ въ чемъ единственное развлеченіе и единственный отдыхъ папы“. „Левъ XIII, — такъ

*) Pp. 271—4.

дорисовываетъ его умственный складъ другой вкладчикъ въ книгу Д'Ажапа, аббатъ Мерикъ *),—Левъ XIII владѣетъ въ высокой степени пониманіемъ духа новыхъ временъ и потребностей церкви въ переживаемое нами острое время. Въ его наставленіяхъ, въ его образцовыхъ, ляпидарныхъ формулахъ, чувствуешь разомъ и умъ живаго и яснаго мыслителя, и отеческую нѣжность великаго сердца, и непоколебимую твердость учителя, вполнѣ обладающаго истиной (?). Онъ всегда хочетъ убѣдить и, одерживая побѣду, предоставляетъ самому побѣжденному заслугу свободнаго подчиненія. Богословъ,—величайшій изъ богослововъ нашего вѣка,—онъ обладаетъ религіозною истиною, пользуясь всѣми тѣми средствами, которыя даетъ современная богословская мысль (священная наука); философъ, отважный и вмѣстѣ осторожный, весьма искусный въ діалектикѣ, онъ излагаетъ истину съ ясностію чрезвычайною, и оправдываетъ свои заключенія аргументами, отъ которыхъ противнику некуда укрыться (?). Невѣрующій будетъ читать вышедшія изъ подъ его пера страницы безъ усилія, безъ скуки, потому что онъ видитъ, что съ нимъ разсуждаютъ, спорятъ, изслѣдуютъ и опровергаютъ его предразсудки, и открываютъ ему широкій и просторный доступъ къ великой христіанской истинѣ... Мы видимъ, что въ наши дни безпрестанно поднимаются вопросы философскіе, политическіе, соціальные. Умы все больше и больше становятся индифферентными къ вопросамъ порядка чисто богословскаго или спекулятивнаго. Мы оттѣснили. Изъ святилища, куда когда то рвались еретики, положивъ руку на евангеліе и устремивъ взоры къ алтарю, наши противникя отступили къ самой паперти (въ перистиль храма). Дѣло идетъ теперь о томъ, чтобы защитить основы соціальнаго порядка, которымъ угрожаютъ новые дикари и варвары. И вотъ,—съ какою мудростію, съ какимъ пониманіемъ Левъ XIII отзывается на эту *новую эволюцію духа!* Каждая изъ его энцикликъ касается того или другаго изъ современныхъ вопросовъ и разрѣшаетъ ихъ со знаніемъ ученаго и съ несравненнымъ авторитетомъ учителя, облеченнаго обязанностію хранить въ не-

---

*) Pp. 293—8, passim.

прикосновенности сокровищницу непогрѣшимости(!? le dépot de l'infallibilité)"...

Обладая многостороннимъ и проницательнымъ умомъ и широкою эрудиціею, будучи выдающимся ученымъ теоретикомъ и мыслителемъ, папа Левъ XIII является предъ современниками въ тоже время „благоразумнымъ государственнымъ человѣкомъ и политикомъ, у котораго истинно пророческое прозрѣніе (?) соединено съ быстрою и непреклонною рѣшительностію, отличающею сильные характеры" *). Вотъ почему этотъ восьмидесятилѣтній отшельникъ, повидимому совершенно разобщенный своимъ Ватиканомъ отъ міра, не только знаетъ, понимаетъ, но и могущественно направляетъ событія этого міра. Онъ освѣдомленъ съ современнымъ состояніемъ политическихъ вопросовъ и настроеній, какъ „какой нибудь директоръ громадной Лондонской или Ньюеркской газеты" и, - что особенно рѣдко и замѣчательно для его лѣтъ,—нисколько не утратилъ чуткости и воспріимчивости къ новымъ событіямъ и вѣяніямъ времени. Всѣмъ извѣстно, что даже самые выдающіеся и наиболѣе освѣдомленные политики, когда они достигаютъ глубокой старости, перестаютъ слѣдить за современными потребностями и отзываться на нихъ. Ихъ взглядъ еще попрежнему широкъ и проницателенъ, но онъ обращенъ назадъ. Исключенія, подобныя Гладстону, рѣдкость. И вотъ почему знающихъ папу особенно удивляетъ его, вполнѣ сохранившаяся, проницательность и отзывчивость на запросы времени. Вѣрующіе католики, конечно, видятъ въ этомъ помощь свыше, а невѣрующіе—печать генія *).

Эти личныя свойства папы, соединяясь съ особенностями его положенія, создаютъ ему въ современной Европѣ значеніе исключительное, единственное. Государь безъ государства, онъ, однако, могущественнѣе всѣхъ владѣтельныхъ государей. Послѣ смерти Вильгельма I-го и сверженія его знаменитаго канцлера не стало въ Европѣ личности болѣе популярной, чѣмъ папа Левъ XIII и, еслибы художникъ задумалъ изобразить на одной картинѣ всѣхъ выдающихся политическихъ дѣятелей нашего времени, то въ центрѣ картины онъ непремѣнно поставилъ-бы рельефную

*) P. 298.

и величественную фигуру папы. А самъ папа, — о, онъ отлично сознаетъ это свое значеніе и власть! Еще въ 1884 году, когда онъ былъ вовлеченъ въ серьезную борьбу съ „гигантомъ тогдашняго политическаго міра“, Бисмаркомъ, когда исходъ борьбы, казалось, былъ еще сомнителенъ, онъ говорилъ *) корреспонденту Таймса, въ аудіенціи съ нимъ: „Бисмаркъ, конечно, сила; но вѣдь и я—я тоже сила. Его могущество временное, преходящее, такъ какъ онъ ищетъ его только въ самомъ себѣ: мое же непреходящее, ибо я ищу его въ томъ, что не проходитъ во вѣкъ. И не смотря на это, я признаю его власть, а онъ моей нѣтъ... А это очень жаль. Вѣдь если-бы онъ не впалъ въ эту ошибку, мы могли-бы съ нимъ вмѣстѣ совершать удивительныя дѣла,—могли бы низвести на землю миръ, въ которомъ теперь такъ нуждаются“! Колоссъ политики упалъ, а папа стоитъ какъ прежде и политическое значеніе его ростетъ, и власть его становится все значительнѣе и значительнѣе...

Могущество Льва XIII всего болѣе создается и обусловливается пониманіемъ запросовъ и потребностей времени и умѣніемъ пользоваться минутою, господствующимъ настроеніемъ. Онъ отлично понимаетъ это настроеніе, ясно видитъ коренной недугъ, разъѣдающій современный культурный міръ,—ту вѣковую борьбу между духомъ свободнаго изслѣдованія, протеста и духомъ традиціи, подчиненія авторитету, которая особенно обострилась въ наше время. Въ самомъ дѣлѣ, наше время—время всеобщаго протеста: въ этомъ всѣми признанная и дѣйствительно самая характеристичная его черта. На всѣхъ ступеняхъ соціальной лѣстницы мы, сыны нашего времени, чувствуемъ глухой, какъ бы подспудный протестъ противъ авторитета—семейнаго, гражданскаго и религіознаго. Мы утратили блаженство вѣры, убѣжденной въ истинѣ, обо всемъ разсуждаемъ, всему ищемъ новаго оправданія, все хотимъ сами и по своему обосновать, а чего не можемъ—отбрасываемъ. Мы—резонеры по преимуществу. Духъ критики и скептицизма, въ связи съ разнузданностію прессы, оттѣснилъ и вытравилъ у насъ уваженіе къ авторитету, желаніе ему подчиняться. Для сы-

*) P. 214.

новъ нашего культурнаго времени нѣтъ въ сущности ничего священнаго: слова и дѣйствія власти, какъ бы ни была она высока, подвергаются критикѣ и часто осуждаются. Эта наклонность къ критикѣ: этотъ гиперкрицизмъ — это своего рода болѣзнь. „Разсуждать — сомнѣваться, сомнѣваться—страдать“: это давно извѣстно и нашъ вѣкъ лишь болѣзненнѣе созналъ эту старую истину (Сэнъ-Бевъ). А если эти муки сомнѣнія безысходны?! Если въ лабиринтѣ вопросовъ не видать просвѣта,—тогда какъ? О, тогда страданіе самое тяжелое, самое удручающее. . И вотъ мы слышимъ со всѣхъ сторонъ жалобы на эти муки неуспокоеннаго сомнѣнія, которое снова будитъ въ современныхъ умахъ желаніе отдаться авторитету. „Утомленный раціоналистъ, я чувствую потребность въ непогрѣшимомъ авторитетѣ, мнѣ—для моего измученнаго духа нуженъ покой“ (Тьерн): вотъ какіе голоса раздаются нынѣ! „О какъ я завидую тѣмъ, которые еще могутъ пѣть *Te Deum*“: вотъ что добавляютъ другіе! И вотъ папа Левъ XIII, отлично понимающій эти танталовы муки нашего обезсиленнаго постояннымъ сомнѣніемъ вѣка, отзывается на призывъ и учитъ разучившійся міръ снова пѣть *Te Deum!*

Папа, по словамъ своихъ почитателей, выступаетъ „съ оливковою вѣтвью мира“, какъ „великій миротворецъ“, какъ „другъ цивилизаціи и прогресса“ и въ то же время какъ ревностный хранитель традицій католической церкви *). Онъ хочетъ примирить вѣру и разумъ, авторитетъ и свободу, богатство и нищету, власть и подчиненіе: задача почтенная, отвѣчающая при томъ запросамъ времени! Но не придется ли, стремясь къ примиренію столь противоположныхъ и даже прямо взаимно исключающихъ другъ друга началъ, чѣмъ нибудь поступиться? Уступки духу времени, погоня за новыми вѣяніями, не поведутъ ли они, при желаніи удержать старое, вѣковыя традиціи католической церкви, къ компромиссамъ? Мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ (см. выше,—*Письма* 5-е и 6-е), какъ на этомъ пути создалась двойная „эволюція папства“, съ неуступками и компромиссами. Но, конечно, то, что въ глазахъ сторонняго и

*) Рр. 235. 274. 303.

не заинтересованнаго наблюдателя, является рядомъ уступокъ и компромиссовъ,—это самое въ глазахъ сыновъ католической церкви оказывается проявленіемъ необычайнаго ума, признакомъ мужества, чуткости и такта...

Уже давно, — такъ выясняютъ *) первый „политическій шагъ“ папы, эволюцію *демократическую*, — давно, когда Левъ XIII еще былъ кардиналомъ Печчи, онъ замышлялъ „для блага церкви“ ея сближеніе съ демократіей (эти мысли отразились въ его пастырскомъ посланіи: „Церковь и цивилизація“); а потомъ эти тогда еще неясныя идеи сложились у него въ цѣлую теорію, которая и нашла себѣ воплощеніе въ энцикликѣ Rerum novarum (см. — наше шестое „письмо“). Папа видитъ, что древнія европейскія монархіи рушатся, а демократія усиливается и готова стать властелиномъ будущаго. И вотъ онъ замышляетъ смѣлый замыслъ — отъединить, обособить католическую церковь отъ прежнихъ (монархическихъ) *устарьвшихъ* (?) формъ правленія. Онъ не хочетъ, чтобы она сошла вмѣстѣ съ ними въ могилу или чтобы вмѣстѣ съ ними дѣлила всеобщее нерасположеніе. Онъ видитъ въ нарожденіи и побѣдѣ демократіи не случай, не эфемерный фактъ, который завтра исчезнетъ какъ и тѣ случайныя обстоятельства, которыя вызвали его къ бытію,— нѣтъ, онъ видитъ въ немъ необходимый результатъ медленной эволюціи человѣческихъ обществъ и, вѣрный своимъ прежнимъ намѣреніямъ, хочетъ, чтобы эти двѣ силы, церковь и демократія,—силы, которыя нынѣ соперничаютъ, но которыя быть можетъ завтра же соединятся, какъ въ первые дни христіанства (?),—чтобы онѣ, эти силы отнынѣ шли вмѣстѣ къ мирному покоренію міра. Онъ не страшится отчаяннаго сопротивленія однихъ, анаѳемы и проклятій другихъ. Не смотря на всѣ препятствія, онъ идетъ впередъ и работаетъ надъ осуществленіемъ непреклонной мысли. И при томъ онъ будто-бы „не жертвуетъ ни одной буквой традиціи и откровеннаго ученія“ (?). Все дѣло будто-бы только въ томъ, что „у него своеобразный, оригинальный и смѣлый пріемъ приспособлять эту неизмѣнную доктрину, эти неподвижные принципы къ эволюціи человѣческихъ обществъ, къ *закон-*

*) P. 279.

нымъ (?) потребностямъ новыхъ народовъ“ (!) *). Отсюда-де его знаменитый „пароль“ своимъ „генералъ-лейтенантамъ“— кардиналамъ и епископамъ: *allez au peuple* („въ народъ“!). „Я понялъ, —говоритъ одинъ изъ нихъ, монсиньеръ Фава,— понялъ, когда впервые изъ устъ самого папы услыхалъ это слово, почему папа посылалъ прежде всего къ народу: общій отецъ вѣрныхъ, навыкшій обнимать своихъ взоромъ весь міръ, встрѣчалъ особенно между рабочими и ихъ сынами и дщерями героевъ и мучениковъ (!?). Вотъ почему онъ хочетъ, чтобы шли въ народъ - воздѣлывать эти молодыя растенія, которыя должны покрыться цвѣтами и плодами, для блага христіанской республики (?!) и универсальной церкви. Въ народъ, ибо будущее принадлежитъ ему!! *Дадите и дастся вамъ*: классъ рабочихъ трудится, страдаетъ, жертвуетъ собою, хранитъ еще въ большинствѣ семей чистоту нравовъ и, когда Богъ призываетъ его сына или дочь на служеніе Себѣ, онъ считаетъ это для себя большою честью и приноситъ жертву, не колеблясь. Идите же въ народъ, говорилъ Левъ XIII: въ немъ будущность универсальной (? католической?) церкви, въ немъ будущность міра (!). Сословіе рабочихъ умножается, усиливается, сформировывается и въ концѣ концовъ будетъ повелѣвать! Кто въ самомъ дѣлѣ уже и теперь держитъ собственно власть? Народъ. *Пойдемъ же въ народъ*,—изрекъ нашъ скорбный первосвященникъ,—*пойдемъ, ибо сильные міра сего насъ покинули!* И его святѣйшество далъ затѣмъ понять,—продолжаетъ тотъ же епископъ,—что, если бы вожди народа предъ лицемъ папы подали другъ другу руки, папство тотчасъ же получило бы свободу, а вожди народа и самъ народъ были бы счастливы (!). Миръ—высшее благо есть плодъ порядка, а порядокъ требуетъ, чтобы намѣстникъ Христа былъ владыкою (roi), а не подданнымъ, —чтобы онъ владѣлъ по крайней мѣрѣ Римомъ, въ которомъ бы не было уже другаго повелителя, кромѣ него (!) Воздвигнемъ же его, сына народа,—призываетъ покорный папѣ и ревнующій объ его власти епископъ,—соединенными силами и станемъ просить сильныхъ міра, чтобы они сплотились около папы ради мира и независимости св. престола. Мы знаемъ,

*) P. 239—300.

отступники противятся и хотятъ повелѣвать міромъ. Они заступили мѣсто Христа, вѣчнаго владыки, и заняли городъ Римъ—Петрово наслѣдіе. Но мы знаемъ такъ же, что заблужденіе проходитъ, истина же во вѣкъ стоитъ“ *). Такова истинная подкладка современной „демократической эволюціи“ папства, какъ ее выясняетъ намъ монсиньеръ Фава, повидимому хорошо освѣдомленный въ этомъ вопросѣ. Можетъ быть для чести Льва XIII было бы лучше, если бы почтенный монсиньеръ былъ не такъ словоохотливъ, но для истины, для выясненія скрытыхъ мотивовъ *эволюціи* несомнѣнно онъ даетъ въ руки много цѣннаго: мы ясно видимъ послѣ его разъясненій, что подлинная подкладка стремленій папы къ сближенію съ народомъ есть, все еще упорно отстаиваемая имъ, мысль о законности притязаній папства на свѣтскую власть.

Другимъ, еще болѣе осязательнымъ проявленіемъ политической мудрости папы, признается его послѣдняя (прошлогодняя—отъ 16-го февраля) энциклика „къ архіепископамъ, епископамъ, клиру и всѣмъ вообще католикамъ Франціи“,—энциклика, за которую раздавалось и раздается такъ много похвальныхъ диѳирамбовъ папѣ **). Эта энциклика есть пря-

---

*) Pp. 258—260.

**) Lettre encyclique de ss. le Pape Léon XIII aux Archevêques, Evêques, au Clergé et à tous les catholiques de France (см. въ концѣ книги *Д'Ажана*, стр 373—379). Въ своихъ „письмахъ изъ-за границы“ мы не разъ упоминали объ этой энцикликѣ, но не имѣли случая ознакомить съ нею подробнѣе. Восполняемъ здѣсь этотъ пробѣлъ.—Папа начинаетъ свое посланіе выраженіемъ своего особеннаго расположенія къ французской націи, которая и сама, по его свидѣтельству, платитъ ему взаимностью. Ему особенно дорого, поэтому, благополучіе Франціи, которое, какъ извѣстно и какъ показываетъ ея исторія, созидалось главнымъ образомъ двумя доблестями націи: вѣрностью католической церкви и—отечеству. Въ послѣднее время, однако, эти доблести оскудѣваютъ: одни отпали отъ *церкви*, другіе—*отъ законныхъ представителей власти* (враждебно настроены противъ ея республиканскаго режима). Это ведетъ къ раздорамъ и пререканіямъ. „Мы-же,—говоритъ папа,—*такъ какъ Мы являемся на землѣ представителями Бога мира* (puisque Nous représentons sur la terre le Dieu de la paix),—Мы призываемъ всѣхъ честныхъ сыновъ Франціи къ возстановленію мира, къ защитѣ вѣры и власти“. — Различныя формы правленія смѣнялись во Франціи въ теченіе этого столѣтія: имперія, монархія, республика. Разсуждая абстрактно, можно съ полною истинностію утверждать, что каждая изъ этихъ формъ хороша, лишь бы она направ-

мое и необходимое добавленіе энциклики Rerum novarum. „Республиканская эволюція“ есть лишь другая сторона „эволюціи демократической“. И тамъ, и здѣсь одна и та же санкція притязаній „четвертаго сословія“, только въ разной формѣ. „Церковь не съ побѣжденными“; всѣмъ памятно это развязное слово одного не въ мѣру откровеннаго клерикальнаго органа *(L' Aurora)*, еще не такъ давно вы-

---

лялась къ своей прямой цѣли. т. е. къ общему благу, для достиженія котораго собственно и существуетъ общественная власть. Конечно, каждая нація, смотря по своимъ особенностямъ и по условіямъ существованія, можетъ и имѣетъ право предпочитать одну форму правленія другой и „мудрость католической церкви состоитъ именно въ томъ, что она признаетъ всѣ формы правленія и входитъ въ сношеніе со всѣми политическими властями“. Подобно ей и члены общества должны принимать власть въ той формѣ, въ какой въ ту или другую эпоху она существуетъ, не злоумышляя и не посягая противъ нея, потому что власть отъ Бога. Нужно,—подчеркиваетъ св. отецъ далѣе, — „нужно тщательно замѣтить слѣдующее: *какова бы ни была форма правленія у націи, ее нельзя разсматривать, какъ форму окончательную, которая бы должна была оставаться неизмѣнно*“. Неизмѣнно и вѣчно пребудетъ лишь церковь. „Что же касается человѣческихъ обществъ, то извѣстно и сотни разъ доказано исторіей, что время, этотъ великій трансформаторъ всего земнаго, производитъ въ политическихъ установленіяхъ глубокія перемѣны“. Вотъ почему *всякая* гражданская власть, какъ такая, и всегда отъ Бога (Римл. XIII, 1): подчиняться ей, какова бы она ни была, не только *можно*, но и *должно*. Должны, поэтому, и французы подчиняться своему настоящему республиканскому правительсаву.— Но,—скажутъ,— бываютъ власти, преслѣдующія дурныя цѣли. Къ сожалѣнію, да. Но въ такомъ случаѣ, чтобы избѣжать коллизій съ своею совѣстью, нужно различать *власть* отъ *законодательства*: при формѣ правленія, повидимому, лучшей, высшей законодательство можетъ быть весьма несовершенное и—наоборотъ; такъ что одно отъ другого нисколько не зависитъ (?). Качество законовъ зависитъ болѣе отъ качества правителей, чѣмъ отъ формы правленія. Въ частности, во Франціи въ послѣдніе годы дѣйствительно замѣчаются въ законодательствѣ тенденціи, враждебныя религіи: долгъ честныхъ людей, въ виду этого, соединиться и всѣми возможными, но законными и честными средствами, противодѣйствовать вошедшимъ теперь въ обычай злоупотребленіямъ законодательствомъ, не возставая однако на самую форму правленія (республиканскую) При такомъ отношеніи къ вопросу несообразнаго ничего не выйдетъ: вѣдь уваженіе ко власти не обязываетъ уважать и безпрекословно подчиняться всѣмъ ея мѣропріятіямъ.— напримѣръ, такимъ, которыя направлены противъ общаго блага и особенно противъ религіи. Такъ и въ первенствующія времена, напр., солдатыхристіане подчинялись императорамъ язычникамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти послѣдніе не требовали отъ нихъ чего либо противнаго ихъ совѣсти

сказанное *). Тогда считали его обмолвкою, но дальнѣйшая исторія показала, что это—фактъ. Дальновидный и проницательный папа измѣрилъ противуборствующія силы современнаго политическаго міра и нашелъ, что преимущество не на сторонѣ тѣхъ, которые противъ республики. Онъ призналъ тщетными ихъ усилія и уже въ 1884-мъ году въ его головѣ созрѣлъ планъ энциклики 92-го года. *L' Eglise du Christ ne s'attache qu'à un seul cadavre à celui qui est lui-même attaché sur la croix* **): это слово осталось тогда загадкою; но энциклика вскрыла внушительный смыслъ этой загадки, осудивъ, конечно, въ осторожной и замаскированной формѣ монархическій принципъ, которымъ жила „прежняя“ (!?) западная Европа. По крайней мѣрѣ, именно такъ поняли ее наиболѣе компетентные въ данныхъ вопросахъ люди. Изобличить въ несостоятельности взглядъ монархистовъ на монархію, какъ на единственную будто-бы форму устойчиваго и прочнаго существованія человѣческихъ обществъ; разрушить выставленную римскими юрисконсультами теорію тожества по существу (consubstantialité) авторитета Божественнаго и власти царской; осудить цезарскія притязанія императоровъ и связанный съ ними принципъ престолонаслѣдія, чтобы такимъ образомъ обнаружить законность и республиканской формы правленія: вотъ подлинная мысль энциклики, какъ разъясняетъ ее, напримѣръ, столь компетентное лицо, какъ министръ Испа-

---

и религіознымъ убѣжденіямъ. Это же должно быть принято за руководство и теперь, въ отношеніи къ республиканскому правительству Франціи. И никто, конечно, кто безпристрастно разсудитъ, не станетъ осуждать католиковъ, если они всѣми силами, не щадя ни трудовъ, ни жертвъ будутъ стараться сохранить своему отечеству то, чему оно обязано своимъ благополучіемъ и славою,—католическую вѣру. Конецъ энциклики посвященъ вопросу о раздѣленіи государства и церкви. Конечно, энциклика осуждаетъ эти современныя тенденціи самымъ рѣшительнымъ образомъ: „ихъ осуществленіе, говоритъ она, было бы возвращеніемъ къ язычеству“.

*) P. 213.

**) „Церковь Христова неизмѣнно предана только одному бездыханному тѣлу (трупу),—тому, которое пригвождено ко Кресту“. Въ подлинникѣ игра словъ, не передаваемая по русски. Смыслъ этого изреченія, очевидно, такой: когда политическое тѣло (наприм., монархія) умираетъ, становится трупомъ, церковь кат. не поддерживаетъ его, покидаетъ. „Она только съ сильными“... P. 213.

нія (бывшій), Донъ Эмиліо Кастеляръ. И,—подивитесь, читатель!—именно за эту-то антимонархическую, революціонную тенденцію энциклики, которая обезпечиваетъ модному современному западно-европейскому принципу *парламентаризма* право на существованіе,—именно за это-то энциклику такъ и прославляютъ!.. „Мнѣ извѣстно во всемірной исторіи, — такъ заключаетъ свои разъясненія эксминистръ,—немного документовъ, которые я могъ бы сопоставить съ этимъ посланіемъ папы. Намъ слѣдовало бы возложить его на свои головы, какъ посланіе ап. Павла. Въ немъ господствуетъ миръ,—миръ пѣсни *Gloria in excelsis* и священное лобзаніе мессы. Вотъ почему мы (?) выслушиваемъ чтеніе этого посланія не иначе, какъ съ головою склоненною подъ тяжестію великаго уваженія и съ сердцемъ, полнымъ самой глубокой признательности“ *).

Таковъ взглядъ либеральнаго экс-министра на смыслъ „республиканской эволюціи“ папства, какъ она выразилась въ послѣдней энцикликѣ Льва XIII: пусть рушатся троны свѣтскихъ монарховъ, лишь бы утверждался тронъ монарха духовнаго! Да и не онъ одинъ, конечно, желаетъ этого. Этого желаютъ всѣ „вѣрные сыны католической церкви“ т. е. всѣ фанатически преданные папѣ католики. „Чтобы свѣтъ и пламя жизни т. е. истина и любовь сіяли надъ міромъ во всемъ своемъ блескѣ и красѣ,—таково ихъ общее убѣжденіе, еще такъ недавно снова и оффиціально выраженное,—для этого необходимо, чтобы въ центрѣ Европы было священное мѣсто, престолъ священный и независимый, откуда бы и для народовъ и для ихъ владыкъ раздавался голосъ великій и могущественный,—голосъ правды и свободы, голосъ безпристрастный, и нелицепріятный, который бы не зналъ страха и не давалъ себя обольщать посредствомъ тонкаго коварства“ **). И вотъ католики видятъ, что это ихъ завѣтное желаніе, благодаря стеченію обстоятельствъ и личнымъ свойствамъ нынѣшняго папы Льва XIII, ближе, чѣмъ когда либо прежде, къ осуществленію. Они прославляютъ папу и готовы пѣть величественное *Gloria in excelsis*... Однако, и среди самихъ католиковъ не всѣ

*) P. 247—9.

**) Адресъ 200 епископовъ папѣ отъ 1862 г.

такъ настроены. Есть и обездоленные и ихъ протестъ противъ нарушающихъ ихъ интересы свѣтскихъ притязаній папы звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ среди восторженныхъ ликованій, въ которыхъ проходятъ дни юбилейныхъ торжествъ. Протестуютъ, конечно, прежде всего обездоленные итальянцы, ведущіе съ папскимъ престоломъ безконечныя территоріальныя тяжбы. Къ нимъ присоединяются и другіе, наиболѣе трезвые голоса.

„Мы, итальянцы,—говоритъ одинъ изъ представителей этой націи *),—мы не можемъ быть безпристрастными судьями о томъ папѣ, который ко всѣмъ своимъ заслугамъ не прибавилъ одной, — не улучшилъ отношеній папства къ королевству итальянскому. Левъ XIII — *великій папа* и тонкій политикъ. Подъ его мудрымъ руководствомъ организуются теперь въ Италіи католическіе конгрессы, всевозможные союзы съ цѣлію возстановленія свѣтской власти папства. Но вѣдь это невозможно: свѣтское могущество папы не можетъ быть возстановлено иначе, какъ цѣною разрушенія королевства итальянскаго, а это невѣроятно, да наконецъ, было бы вредно и для самого папства. И какой итальянецъ можетъ искренно пожелать всего этого“? Въ томъ-же тонѣ, но гораздо рѣзче отзывается о папѣ бывшій министръ Италіи, Франсуа Криспи **). „Церковь католическая, будучи универсальною, должна, для достиженія и поддержанія своего единства, уважать отечество и правительство всякаго вѣрующаго. Слѣдовательно, папство, которое дѣлаетъ изъ себя *королевство* въ Италіи и *политическую партію* въ другихъ странахъ, есть *фальсификація христіанства* (sic!). Лишь при одномъ условіи, именно если оно будетъ ограничиваться лишь управленіемъ человѣческою совѣстію, оно будетъ въ состояніи выполнить ту высокую миссію мира, къ которой призвалъ его Тотъ, Кто сказалъ, что царство Его *не отъ міра сего*. И мнѣ кажется, —подчеркиваетъ Криспи,—что Левъ XIII долженъ бы былъ понимать все это“! Чувствомъ глубокаго сожалѣнія и трогательной грусти проникнуты разсужденія на ту же тэму и другаго высокопоставленнаго итальянскаго государ-

*) P 225—7, passim.
**) P. 255.

ственнаго дѣятеля,—министра народнаго просвѣщенія *). „Левъ XIII, — пишетъ онъ, — итальянецъ, а между тѣмъ чувства мира и любви обнаруживаетъ только въ отношеніи къ иностранцамъ. Это исключеніе насъ и опечаливаетъ, и оскорбляетъ. Оно даже кажется намъ антихристіанскимъ. Оно даетъ намъ поводъ смотрѣть на Ватиканъ, какъ на мѣсто сходокъ и оплотъ реакціонеровъ. Папа, отецъ всего католичества, не хочетъ быть только отцемъ католиковъ—итальянцевъ! Деньги, которые онъ собираетъ съ иностранцевъ, предназначены намъ вредить! Свобода, къ которой онъ приглашаетъ, которую возвѣщаетъ, есть лишь свобода разрушать наши національныя учрежденія... Намъ часто приходится слышать,—продолжаетъ тотъ же авторъ далѣе,—что Ватиканъ останется вѣчнымъ, а Квириналъ долженъ погибнуть. Но что если въ одно прекрасное время Италія, наскучивъ этимъ враждебнымъ отношеніемъ къ ней Ватикана, этими проявленіями духа возмущенія и интриги, который характеризуетъ поведеніе Ватикана, — если она, раздраженная всѣмъ этимъ, рѣшится разсѣчь вопросъ самымъ простымъ способомъ и, принявъ во вниманіе, что *законъ гарантій* еще не былъ признанъ папою, овладѣетъ Ватиканомъ, какъ она уже овладѣла всею остальною территоріею Вѣчнаго Города: что тогда?! Если великому плѣннику дадутъ свободу отправляться изъ Италіи, куда онъ хочетъ. предоставивъ почетную, хотя и опасную заботу охранять папу другой націи,—кто можетъ тогда насъ насильно заставить удержать у себя того, кто не даетъ намъ покоя? Нѣтъ,—повторяю, — отецъ всѣхъ остальныхъ католиковъ перестал быть отцомъ гражданъ итальянскихъ... И какой можетъ быть конецъ всего этого ненормальнаго положенія?!... Папа проповѣдуетъ нынѣ соціальныя доктрины. Но король Гумбертъ дѣлаетъ лучше: онъ ихъ примѣняетъ въ своемъ маленькомъ владѣніи. Христіанская любовь итальянскаго короля неисчерпаема. И однако изъ опасенія заслужить нерасположеніе своихъ иностранныхъ совѣтниковъ, равно какъ и лицъ, снабжающихъ его деньгами, Левъ XIII не осмѣливается его благословить, и продолжаетъ трактовать его какъ узурпатора и святотатца, — онъ

*) Pp. 264—270, passim.

отказываетъ ему въ томъ мірѣ, о которомъ столько говоритъ повсюду, внѣ предѣловъ Италіи и при этомъ..... самъ же играетъ роль *священной жертвы!!* Нѣтъ, послѣ всего этого, мы не можемъ судить о папѣ безпристрастно. Мы находимъ его *недостаточно христіанскимъ въ отношеніи къ намъ* (sic!) и искренно сожалѣемъ, что интересы свѣтской политики своего двора онъ предпочитаетъ интересамъ религіи, которая одна должна бы составлять его славу, одна могла бы привести и Италію — всю, или лишь за малыми исключеніями,—въ лоно церкви... Пусть же Левъ XIII выйдетъ изъ Ватикана, чтобы благословить воскресеніе Италіи; пусть воззритъ взоромъ пастыря—апостола на овецъ, наиболѣе ему близкихъ, и тогда весь христіанскій міръ соединится въ одномъ выраженіи своего удивленія къ великодушію папы. Но... пока Ватиканъ будетъ представлять для насъ лишь убѣжище ненависти, мы не въ состояніи присоединиться къ концерту тѣхъ похвалъ, которыя безъ сомнѣнія прозвучатъ въ Вашей, м. г.,—такъ заканчиваетъ смѣлый и благородный патріотъ - итальянецъ свое письмо къ Боайе д'Ажану,—книгѣ".

Какъ много здѣсь, въ этихъ единодушныхъ жалобахъ итальянцевъ на ненормальность отношеній къ нимъ папы, трогательнаго и горькаго и, — что важнѣе, — какъ много здѣсь справедливаго!.. И вотъ вѣнокъ на голову юбиляра, сотканный изъ самыхъ изысканныхъ и краснорѣчивыхъ похвалъ,—вѣнокъ красивый и нарядный теряетъ свою цѣну; въ немъ оказываются терніи; его блескъ, когда мы разсматриваемъ его ближе, оказывается по мѣстамъ мишурой и красота, въ значительной мѣрѣ, поддѣльною...

Трагична исторія папства и на многія грустныя размышленія она наводитъ! Даже въ наиболѣе свѣтлые моменты своей исторіи, каковъ по справедливости моментъ, переживаемый имъ нынѣ, въ дни юбилейныхъ торжествъ своего выдающагося представителя, оно не можетъ вполнѣ вкушать блаженство мира. Его самые высокіе восторги и радости не лишены нѣкоторой доли горечи, — не той благородной горечи, которая свидѣтельствуетъ человѣку, что онъ мужественно держитъ знамя долга и чести, но—низменной, унижающей человѣка, которую мы причиняемъ другъ другу всякій разъ, когда, съ чисто животными инстинктами, за-

бывая свое высшее назначеніе и призваніе, бросаемся къ одной и той-же раздражающей нашу зависть приманкѣ. Для папства такою приманкою,—источникомъ такихъ, не возвышающихъ, но унижающихъ его, страданій служитъ свѣтская власть: мы слышали, какія горькія жалобы исторгаютъ у людей заинтересованныхъ эти притязанія, да и не у заинтересованныхъ только (см. письмо Жюль Симона *)—въ томъ же тонѣ)! А какъ эти жалобы должны отозваться въ ушахъ папы? Какія движенія души, какое настроеніе должны вызвать?!

Левъ XIII, по общимъ отзывамъ о немъ, принадлежитъ къ числу тѣхъ выдающихся личностей, которыхъ „Провидѣніе и его первый министръ, время“ воздвигаютъ въ эпохи особенно трудныя, для устроенія особенно запутанныхъ и обострившихся отношеній. Это, говорятъ, „одинъ изъ лучшихъ папъ“. Охотно вѣримъ и привѣтствуемъ: мы, христіане восточные, сыны Церкви Православной, Каѳолической,—мы не можемъ не радоваться (Филипп. 1, 18), что западные братья наши по вѣрѣ (заблуждающіеся, но все же намъ близкіе) въ столь трудныя времена имѣютъ руководителя духовной жизни по желаніямъ сердца своего—что католичество въ своей борьбѣ съ врагами религіи, нравственности и порядка, имѣетъ столь искушеннаго и опытнаго вождя: вѣдь католичество все же христіанство, хотя и потемненное, имѣющее съ христіанствомъ восточнымъ многихъ общихъ враговъ—въ лицѣ представителей современной безбожной культуры! Исходъ этой борьбы не можетъ не интересовать и насъ и дай Богъ, чтобы онъ привелъ къ торжеству мысли вѣрующей и возвышенно настроенной надъ готовыми поработить ее современными языческими принципами! Но съ другой стороны именно поэтому самому, мы, восточные христіане, не можемъ не скорбѣть о томъ, что эти, столь возвышенныя и благодѣтельныя для западнаго міра, усилія католической церкви и ея представителей омрачаются и даже парализуются задачами суетными, стремленіями призрачными, унизительными. И это тѣмъ прискорбнѣе, что даже лучшіе изъ папъ, каковъ безспорно юбиляръ, какъ мы видимъ, настолько ослѣплены, что, при всей своей

*) Pp. 304-6.

проницательности, не въ состоянiи понять и взвѣсить весь вредъ и тщету секуляристическихъ притязанiй папства. А можетъ быть они и понимаютъ?! Это было бы, конечно, еще печальнѣе, но, къ сожалѣнiю, не совсѣмъ невѣроятно. Вѣдь у папы, при всемъ его могуществѣ, своей власти нѣтъ! Это отлично понимаютъ и сами католики. Ватиканъ — могила. Кто вступилъ въ него, въ почетномъ званiи его обладателя, тотъ уже отказался отъ своей жизни—отъ своей воли и мысли! „Въ Ватиканѣ,—говорятъ хорошо освѣдомленные съ этимъ предметомъ люди *), —человѣкъ не можетъ имѣть собственной воли и тотъ, кого облекаютъ папскою тiарою, будь онъ либералъ или реакцiонеръ, тотъ часъ-же долженъ подчиниться римской курiи, а если онъ не хочетъ сдѣлать этого добровольно, его заставляютъ подчиниться насильно". И вотъ папа, ставшiй съ момента своего вступленiя въ Ватиканъ, какъ бы безличною составною частiю священнаго наслѣдiя, которое онъ принялъ, долженъ ежеминутно испытывать тоску и ужасъ своего почетнаго плѣненiя, при чемъ искуситель, указывая ему на разстилающiйся предъ окнами Ватикана вѣчный городъ, постоянно напоминаетъ ему, что онъ могъ-бы превратить во прахъ эту столицу мiра, *если-бы*... Но этого „*если-бы*" лучше не договаривать.

Говорятъ, что изъ Ватикана голосъ папы раздается слышнѣе. Быть можетъ. Но вѣдь это покупается такою дорогою цѣною —цѣною отказа отъ своей мысли, отъ своей воли, можетъ быть и отъ своей совѣсти!.. И вотъ въ чемъ весь трагизмъ, весь ужасъ, вся невозможная ненормальность папства! И вотъ отъ чего восточная Церковь такъ пламенно желаетъ западной прежде всего избавиться, — о чемъ молится, призывая и насъ, чадъ своихъ, молиться. И теперь—*молитва о мирѣ всего мiра* есть единственная форма, въ которой мы, православные, можемъ присоединиться къ настоящимъ юбилейнымъ торжествамъ Ватикана...

---

*) *Криспи*, p. 257.

Цѣна 1 рубль.

Того-же автора:

1. Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. М. 1891. Стр. 465. Ц. 3 р. (складъ изданія у **А. А. Карцева**, - Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной).

2. Религія, какъ фактъ. 1889. Ц. 30 к.

3. Русское православное Братство въ Берлинѣ. 1892. Ц. 25.

4. Рѣчь предъ защитой диссертаціи: „Вѣра въ Бога" etc. 1891. Ц. 30 к.

5. Демоніонъ Сократа (этюдъ по исторіи древней философіи). 1891. Ц. 40 к.

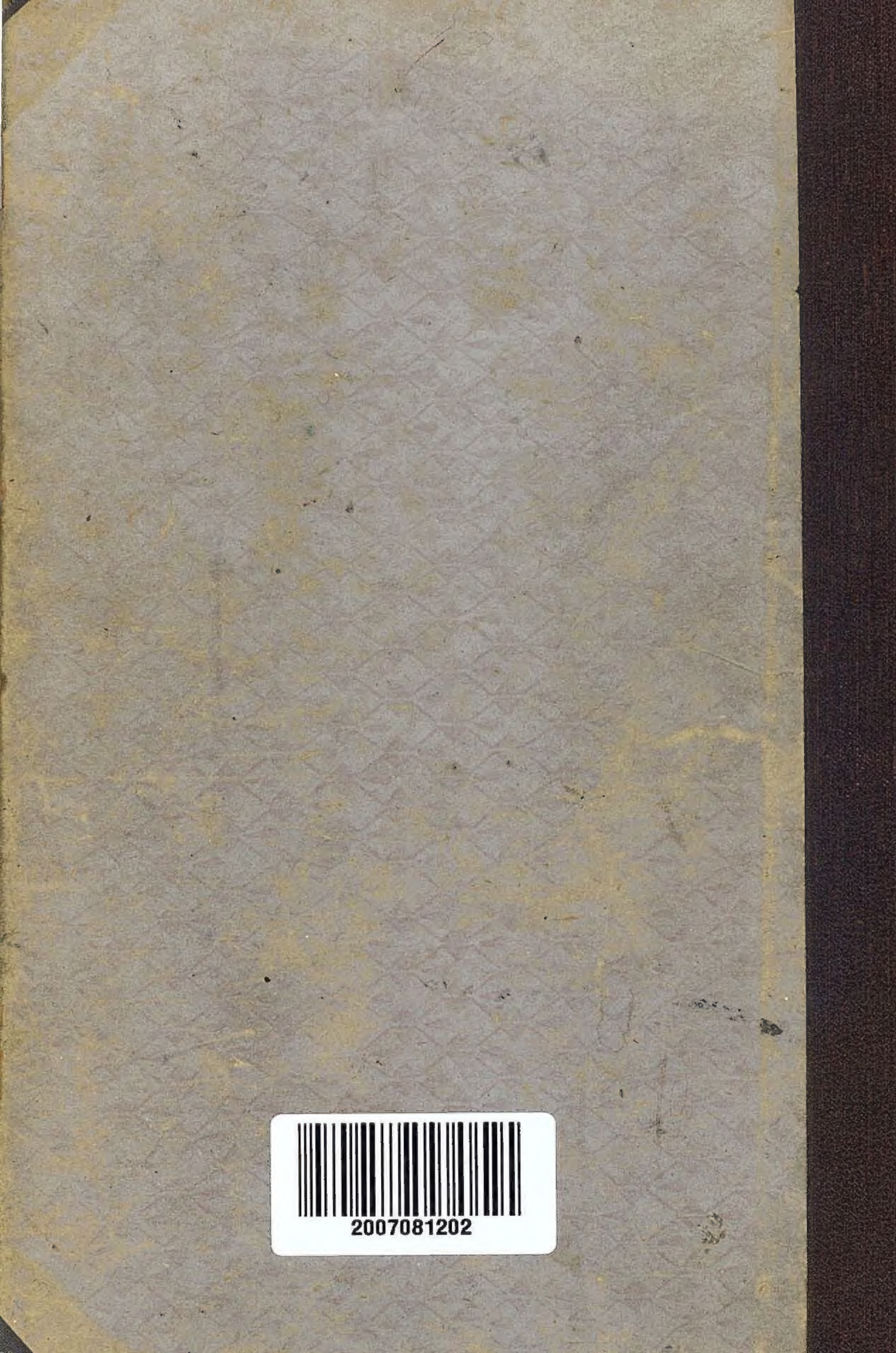
6. П. Е. Астафьевъ, его философскіе и публицистическіе взгляды. 1893. Ц. 25 к.

7. О характерѣ, составѣ (сжатое изложеніе) и значеніи философіи В. Д. Кудрявцева-Платонова. 1893. Ц. 60 к.

8. О религіозной философіи В. Д. Кудрявцева. 1893. Ц. 40 к.

Первую книгу (Вѣра въ Бога etc.) можно пріобрѣтать *только* въ складѣ изданія (у **А. А. Карцева**); вторую - только у автора (*Сергіевъ посадъ, доценту Академіи* **А. И. Введенскому**); всѣ остальныя — у автора и въ книжныхъ магазинахъ Москвы: (у **Богданова**— Петровскія линіи № 5-й, **Суворина, Вольфа, Мамонтова, Думнова** и др.), Петербурга (у **Тузова**), Казани (у **Дубровина**) и Кіева (у **Іогансона**), а такъ-же въ конторѣ журнала: „Вопросы философіи и Психологіи". Выписывающіе отъ автора за пересылку не платятъ.

N. B. Въ началѣ 1894 г. выйдетъ изъ печати новое сочиненіе того-же автора: *Современное состояніе философіи въ Германіи и Франціи.*


2007081202